

Алтайский юридический вестник

Научный журнал Барнаульского юридического института МВД России

№ 1 (45) 2024

Главный редактор:

Симоненко Д. А., канд. юрид. наук

Зам. главного редактора:

Чечётин А. Е., д-р юрид. наук, профессор

Состав редакционного совета:

Аничкин Е. С., д-р юрид. наук, профессор
Бекетов О. И., д-р юрид. наук, профессор
Бучакова М. А., д-р юрид. наук, доцент
Васильев А. А., д-р юрид. наук, доцент
Герасименко Ю. В., д-р юрид. наук, профессор
Гончаров И. В., д-р юрид. наук, профессор
Грязнова Т. Е., д-р юрид. наук, доцент
Давыдов С. И., д-р юрид. наук, доцент
Деришев Ю. В., д-р юрид. наук, профессор
Ким Д. В., д-р юрид. наук, профессор
Кодан С. В., д-р юрид. наук, профессор
Кожевина М. А., д-р юрид. наук, профессор
Мазунин Я. М., д-р юрид. наук, профессор
Плаксина Т. А., д-р юрид. наук, доцент
Сорокин В. В., д-р юрид. наук, профессор
Сумачев А. В., д-р юрид. наук, доцент
Цуканов Н. Н., д-р юрид. наук, доцент
Шарапов Р. Д., д-р юрид. наук, профессор
Шкаплеров Ю. П., канд. юрид. наук, доцент

Состав редакционной коллегии:

Архипова Н. А., канд. юрид. наук, доцент
Бачурин А. Г., канд. юрид. наук, доцент
Белицкий В. Ю., канд. юрид. наук, доцент
Брагина А. Г., канд. юрид. наук
Ботвин И. В., канд. юрид. наук, доцент
Галиев Р. С., канд. юрид. наук, доцент
Ермакова О. В., канд. юрид. наук, доцент
Киселёва М. А., канд. юрид. наук
Малетина М. А., канд. юрид. наук
Топчиева Т. В., канд. юрид. наук, доцент
Тырышкин В. В., канд. юрид. наук, доцент
Черепанова Л. В., канд. юрид. наук, доцент
Черепанова О. С., канд. юрид. наук, доцент
Шаганян А. М., канд. юрид. наук, доцент
Широва Э. Х., канд. юрид. наук
Шмидт А. А., канд. юрид. наук, доцент
Янгаева М. О., канд. юрид. наук, доцент

Ответственный секретарь:

Жолобова Ю. С.

Редактура: О. Н. Татарниковой, Ю. С. Жолобовой

Компьютерная верстка: О. Н. Татарниковой

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Регистрационный номер:
ПИ № ФС77-57487
от 27.03.2014

Журнал включен в Перечень
рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть
опубликованы основные научные
результаты диссертаций
на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой
степени доктора наук

Включен в систему РИНЦ 23.04.2013
(договор № 245-04/2013)

Подписной индекс
распространителя
по договору подписки
с ОАО «АРЗИ» Э70801

Учредитель: Барнаульский
юридический институт МВД России.
Свободная цена.

Адрес и телефоны редакции, издателя,
типографии: 656038, Алтайский край, г. Барнаул,
Барнаульский юридический институт
МВД России,
ул. Чкалова, 49, (3852) 37-92-70, 37-91-49.
[www.http://vestnik.buimvd.ru](http://www.vestnik.buimvd.ru)
E-mail: altvest@buimvd.ru

Научно-исследовательский
и редакционно-издательский отдел.

Подписано в печать 07.03.2024.
Выход в свет 11.03.2024.
Заказ № 99. Формат 60x84/8.
Ризографирование.
Усл. п.л. 15,8. Тираж 28 экз.

© Барнаульский юридический
институт МВД России, 2024

Altai Law Journal

Science Journal of Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

№ 1 (45) 2024

Editor-in-Chief:

Simonenko D. A., Candidate of Science (Law)

Deputy Editor-in-Chief:

Chechetin A. E., Doctor of Science (Law), Professor

Editorial Advisory Board:

Anichkin E. S., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Beketov O. I., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Buchakova M. A., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Davidov S. I., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Grjaznova T. Ye., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Derishev Y. V., Doctor of Science (Law), Professor
Gerasimenko Yu. V., Doctor of Science (Law), Professor,
Honored lawyer of Russia
Goncharov I. V., Doctor of Science (Law), Professor
Kim D. V., Doctor of Science (Law), Professor
Kodan S. V., Doctor of Science (Law), Professor
Kozhevina M. A., Doctor of Science (Law), Professor
Mazunin Ya. M., Doctor of Science (Law), Professor
Sharapov R. D., Doctor of Science (Law), Professor
Shkaplerov Ju. P., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Sumachev A. V., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Plaksina T. A., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Sorokin V. V., Doctor of Science (Law), Professor
Tsukanov N. N., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Vasilev A. A., Doctor of Science (Law), Associate Professor

Editorial Review Board:

Arhipova N. A., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Bachurin A. G., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Belitskij V. Yu., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Botvin I. V., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Bragina A. G., Candidate of Science (Law)
Ermakova O. V., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Cherepanova L. V., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Cherepanova O. S., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Galiev R. S., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Kiseleva M. A., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Maletina M. A., Candidate of Science (Law)
Shaganyan A. M., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Shirova E. Kh., Candidate of Science (Law)
Shmidt A. A., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Tirishkin V. V., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Topchieva T. V., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Yangaeva M. O., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Executive Secretary:

Zholobova Yu. S.

Proofreading: O. N. Tatarnikova, Yu. S. Zholobova

Desktop publishing: O. N. Tatarnikova

The journal is registered in Federal Service
for Supervision in the Sphere
of Telecom, Information
Technologies and Mass Communications.
Registration certificate
PI No. FS77-57487 dated
27.03.2014.

The journal is included into the List
of peer-reviewed scientific
journals recommended by Higher
Attestation Commission
for publishing of major results
of dissertations for the degree of Doctor and
Candidate of sciences

Journal indexing:
RINTS contract
No. 245-04/2013 (23.04.2013)

Subscription index in the catalog
of «ARZL»
Agency Ltd is Э70801

Founder: Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia.
Uncontrolled price.

Address of editor, editor's
and printing office: 656038,
Altai territory,
Barnaul, Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Chkalovstr., 49, (3852) 37-92-70, 37-91-49.
www. <http://vestnik.buimvd.ru>.
E-mail: altvest@buimvd.ru

Research-evaluation
and publishing department.

Passed for printing 07.03.2024.
Issue date 11.03.2024.
Order 99. Format 60x84/8.
Conventional printed sheets 15,8.
Issue 28 copies.

© Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, 2024

Содержание

Теоретико-исторические правовые науки

<i>Васильев А. А., Сорокин В. В., Беденков В. В.</i> Эмпирические методы исследования обыденного правосознания российского общества	5
<i>Кобец П. Н.</i> О важности развития правовой доктрины, юридических понятий и конструкций в процессе эволюции технологий искусственного интеллекта	13

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

<i>Вечерникова Д. В., Макоева Е. Р., Тырышкин В. В.</i> К вопросу о способах совершения правонарушений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств посредством сети Интернет, и профилактики вовлечения в такую деятельность несовершеннолетних	20
<i>Голово В. В., Селиверстова Ю. А.</i> Судопроизводство по делам об административных правонарушениях: проблемы и перспективы	26
<i>Дудаев А. Б., Лукичѳв Ю. В., Москаленко С. А.</i> Проблемные аспекты при организации профилактической работы участкового уполномоченного полиции в сфере семейно-бытовых отношений и пути их решения	31
<i>Коновалова Л. Г.</i> Суверенитет парламента и принцип разделения властей в Великобритании	38
<i>Лихова А. А.</i> Актуальные вопросы взаимодействия органов местного самоуправления и органов внутренних дел Российской Федерации по защите прав и законных интересов ребенка	46
<i>Равнюшкин А. В.</i> Ответственность за правонарушения, предусмотренные ч. 2 ст. 5.26 КоАП РФ, совершенные по экстремистским мотивам	52

Уголовно-правовые науки

<i>Бондарева А. А.</i> Типичные следственные ситуации, складывающиеся на первоначальном этапе расследования преступлений в сфере нарушения миграционного законодательства	58
<i>Давыдов С. И., Шмидт А. А., Наливайко Е. О.</i> Оперативно значимые данные о механизме следообразования как элемент оперативно-розыскной характеристики дистанционного мошенничества	65
<i>Кашежева Б. А.</i> Зарубежный опыт уголовно-правовой защиты должностных лиц, осуществляющих производство предварительного расследования, на примере Китайской Народной Республики и Республики Турция	72
<i>Кочкина М. С.</i> К вопросу о криминализации организации или финансирования агентств по оказанию вебкам-услуг	79
<i>Лебедев Н. Ю.</i> Организационные, тактические и правовые факторы, затрудняющие качественное осуществление функции поддержания государственного обвинения прокурором, в условиях совершения преступлений с использованием высоких технологий	85
<i>Соловьев В. С.</i> Криминологические исследования преступности несовершеннолетних в условиях цифровизации общества: ожидания и реальность	92
<i>Степанов С. А., Нидер С. А.</i> Судебный штраф как правовой механизм освобождения от уголовной ответственности	100
<i>Тыдыкова Н. В.</i> Акты официального толкования признаков составов преступлений и их компетентностные пределы	108
<i>Черепанова Л. В.</i> Истребование, изъятие, получение документов, предметов, информации при проверке сообщения о преступлении: проблемы и пути решения	114
<i>Шаганова О. М.</i> Особенности квалификации нарушения тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений: анализ правоприменительной практики	121

CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

<i>Vasiliev A. A., Sorokin V. V., Bedenkov V. V.</i> Empirical Methods of Researching the Ordinary Legal Consciousness of the Russian Society	5
<i>Kobets P. N.</i> On the Importance of the Development of Legal Doctrine, Legal Concepts and Constructions in the Process of the Evolution of Artificial Intelligence Technologies	13

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

<i>Vechernikova D. V., Makoeva E. R., Tyryshkin V. V.</i> Revisiting the Ways to Commit Offenses Related to Illicit Drug Trafficking via the Internet and the Prevention of Involvement of Minors in such Activities	20
<i>Golovko V. V., Seliverstova Yu. A.</i> Judicial Proceedings in Cases of Administrative Offenses: Problems and Future	26
<i>Dudaev A. B., Lukichev Yu. V., Moskalenko S. A.</i> Problematic Aspects in the Organization of Preventive Work of the District Police Commissioner in the Field of Family and Household Relations and Ways to Solve them	31
<i>Konovalova L. G.</i> Sovereignty of Parliament and the Principle of Separation of Powers in the UK	38
<i>Likhova A. A.</i> Current Issues of Interaction between Local Government Bodies and Internal Affairs Bodies of the Russian Federation in Protecting the Rights and Legitimate Interests of the Child	46
<i>Ravnushkin A. V.</i> Responsibility for Offenses Provided for Part 2 of Article 5.26 of the Administrative Code of the Russian Federation Committed for Extremist Motives	52

CRIMINAL LAW SCIENCES

<i>Bondareva A. A.</i> Typical Investigative Situations that Develop at the Initial Stage of the Investigation of Crimes in the Field of Violation of Migration Legislation	58
<i>Davidov S. I., Schmidt A. A., Nalivaiko E. O.</i> Operationally Significant Data on the Mechanism of Trace Formation as an Element of Operational and Search Characteristics of Remote Fraud	65
<i>Kashezheva B. A.</i> Foreign Experience in Criminal Legal Protection of Officials Carrying out Preliminary Investigations Using the Example of the People's Republic of China and the Republic of Turkey	72
<i>Kochkina M. S.</i> Revisiting the Criminalization of Organizations or Financing of Agencies Providing Webcam Services	79
<i>Lebedev N. Yu.</i> Organizational, Tactical and Legal Factors Complicating the Quality Implementation of the Function of Supporting the Public Prosecution by the Prosecutor in the Context of Committing Crimes with the Use of High Technologies	85
<i>Solovev V. S.</i> Criminological Research of Juvenile Crime under Digitalization of Society: Expectations and Reality	92
<i>Stepanov S. A., Nider S. A.</i> Judicial Fine as a Legal Mechanism for Exemption from Criminal Liability	100
<i>Tydykova N. V.</i> Acts of Official Interpretation of Elements of Crimes and their Competence Limits	108
<i>Cherepanova L. V.</i> Reclamation, Seizure, Receipt of Documents, Objects, Information when Checking a Crime Report: Problems and Solutions	114
<i>Shaganova O. M.</i> Features of Qualification of Violation of the Secret of Correspondence, Telephone Conversations, Postal, Telegraph or other Messages: Analysis of Law Enforcement Practice	121

Теоретико-исторические правовые науки

Алтайский юридический вестник. 2024. № 1 (45). С. 5–12.

Altai Law Journal. 2024. № 1 (45). P. 5–12.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 340.114.5:316

ЭМПИРИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБЫДЕННОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Антон Александрович Васильев¹, Виталий Викторович Сорокин², Владимир Владимирович Беденков³

^{1, 2, 3} Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

¹ Уполномоченный по правам граждан в Алтайском крае, Барнаул, Россия, anton_vasiliev@mail.ru

² sorokin.v.v@yandex.ru

³ bedenkov-1989@mail.ru

Аннотация. Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в процессе формирования обыденного правосознания российского общества. Цель статьи — анализ статистических данных, демонстрирующих состояние обыденного правосознания российского общества, а также разработка мер, способствующих его развитию. Исследование позволило сделать вывод о том, что государству необходимо создать правовой комплекс по преодолению деформаций обыденного правосознания российского общества. Важную роль играет формирование стабильной системы нравственных и смысловых установок личности, которые способствуют ее противостоянию идеологии экстремизма, национализма, ксенофобии, коррупции, дискриминации по социальным, религиозным, расовым, национальным признакам и другим негативным социальным явлениям.

Ключевые слова: государство, общество, правосознание, обыденное правосознание, правовая культура, анкетирование

Для цитирования: Васильев А. А., Сорокин В. В., Беденков В. В. Эмпирические методы исследования обыденного правосознания российского общества // Алтайский юридический вестник. 2024. № 1 (45). С. 5–12.

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

EMPIRICAL METHODS OF RESEARCHING THE ORDINARY LEGAL CONSCIOUSNESS OF THE RUSSIAN SOCIETY

Anton A. Vasiliev¹, Vitaliy V. Sorokin², Vladimir V. Bedenkov³

^{1, 2, 3} Altai State University, Barnaul, Russia

¹ Ombudsman for Human Rights in the Altai Territory, Barnaul, Russia, anton_vasiliev@mail.ru

² sorokin.v.v@yandex.ru

³ bedenkov-1989@mail.ru

Abstract. The object of the study is the social relations that develop in the process of formation of the ordinary sense of justice in the Russian society. The purpose of the article is to analyze statistical data demonstrating the state of the ordinary sense of justice in the Russian society, as well as to develop measures to strengthen it. The authors used such research methods as dialectical, system-structural, formal-legal, questioning. The study led to the conclusion that the state needs to create a legal complex to overcome the deformations of the ordinary sense of justice in the Russian society. An important role is played by the formation of a stable system of moral and semantic attitudes of the individual, which contribute to its opposition to the ideology of extremism, nationalism, xenophobia, corruption, discrimination on social, religious, racial, national grounds and other negative social phenomena.

Keywords: state, society, sense of justice, ordinary sense of justice, legal culture, questioning

For citation: Vasiliev A. A., Sorokin V. V., Bedenkov V. V. Empirical methods of researching the ordinary legal consciousness of the Russian society. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2024; 1:5–12 (In Russ.).

© Васильев А. А., Сорокин В. В., Беденков В. В., 2024

Алтайский юридический вестник № 1 (45) 2024 г.

5

Обыденное правосознание можно определить как духовно-интеллектуальную сферу правовых взглядов и чувств, воплощающих в себе правовые ценности, свойственную основной массе членов данного общества, преимущественно носящую эмпирический характер и определяющую повседневное правовое поведение людей.

Обыденное правосознание в большей степени носит эмпирический характер, поскольку в основном формируется на базе повседневного юридического опыта граждан (как личного, так и опыта других лиц, социальных общностей и т. п.). Оно порождается условиями жизни людей и ограничивается их непосредственными потребностями и интересами, складываясь в процессе правового воспитания, которое может осуществляться семьей, различными образовательными учреждениями, общественными организациями и т. д. [1, с. 118-119]. Формирование обыденного правосознания также происходит при соприкосновении гражданина со сферой публичной деятельности. Повседневный юридический опыт служит индивиду своего рода ориентиром в различных жизненных ситуациях. Носители обыденного правосознания, как правило, знают только общие принципы права. В целом оно сводится к обиходным представлениям, оценкам права, навыкам правового поведения [2, с. 28], не предполагая проникновения в сущность правовых явлений и выявления их закономерностей.

Обыденное правовое сознание устанавливает лишь внешние связи между правовыми явлениями, рассматривая отдельные факты правовой действительности, а не всю их сумму. Отражение правовой действительности происходит стихийно, самопроизвольно и присуще людям, которые сталкиваются с юридической сферой от случая к случаю. Таким образом, обыденное правосознание ограничено, и его ограниченность обусловлена узостью своего основного источника — индивидуального юридического опыта.

В структуре обыденного правосознания превалирует правовая психология, однако в нем присутствуют элементы рационального и логического (правовой идеологии). Некоторые авторы, впрочем, говорят о монизированности (нерасчлененности) правовой идеологии и психологии в структуре обыденного правосознания [3, с. 54]. Можно сказать, что эмоционально-оценочная и ценностная система обыденного правосознания включает в себя мудрость так называемого «здорового смысла» и «логику чувств». Правовые эмоции и чувства человека находят свое выражение в его переживаниях в отношении различных правовых

явлений: вновь изданного закона, другого нормативного правового акта, правотворческой, правоприменительной, правоохранительной деятельности государственных органов и пр. Данные переживания выступают в виде удовлетворенности или негодования, возмущения, удовольствия или недовольства, в форме приятного или неприятного ощущения. Как следствие, правовые эмоции и чувства оказывают существенное влияние на субъекта правовых отношений.

Обыденное правосознание носит противоречивый характер. Наряду с правильными в нем могут уживаться ошибочные взгляды и представления о праве и правовых явлениях (мифы, легенды, предрассудки) [4, с. 213]. В этом смысле характер обыденного правосознания ярко иллюстрируют народные пословицы и поговорки, в которых выражено обыденное отношение людей к праву, подчеркивая меткость и глубину мысли по вопросам правовой жизни.

Анализируя состояние обыденного правосознания российского общества, мы можем сделать вывод о том, что оно является одним из системообразующих факторов отечественной правовой системы, поскольку позволяет субъектам воспроизводить в различные периоды времени правомерное поведение. Кроме того, обыденное правосознание российского общества отличается постоянным поиском справедливости и сочетанием права и морали. Роль обыденного правосознания по сравнению с иными формами правосознания состоит в том, что отношение к праву здесь не умозрительно, а является выражением личного правового опыта самой массовой аудитории людей.

Ученые-правоведы спорят о том, каким образом можно наиболее результативно исследовать обыденное правосознание. Традиционно это делается с помощью историко-правового метода и метода структурно-функционального анализа. Также обыденное правосознание российского общества изучается с помощью социологических методов — как правило, социологических опросов, анкетирования и интервьюирования, а также лингвистических — это анализ пословиц и поговорок, анекдотов (народного фольклора), продукции массового искусства (кинофильмов, популярных передач, книг и т. д.) [5, с. 222]. В последнее время стали набирать популярность исследования обыденного правосознания с помощью психологических методов. Р. Л. Ахмедшин отмечает, что изучать его посредством указанных методов довольно сложно, хотя некоторые особенности такого правосознания выделить все же возможно [1, с. 118].

Изучая особенности формирования обыденного правосознания российского общества, было проведено социологическое исследование в период 2001–2020 гг.

При определении проблем и направлений развития национальных институтов «обыденного право-

сознания» представляется, что одним из базисных элементов являются анализ и сбор социологических данных, полученных при опросах конкретных субъектов. Обращение к данным группам населения — условие повышения степени объективности полученных результатов исследований.

Таблица 1

Результаты опроса населения по вопросу «Россия — правовое государство?»

Наименование социальной группы	Считают, что Россия — полностью правовое государство	Считают, что Россия — неправовое государство
Учащиеся школ	35%	9,7%
Учащиеся ПТУ, лицеев	32,8%	10,9%
Студенты вузов	24,5%	6,8%
Рабочие в сфере строительства	22,1%	18,1%
Инженеры, конструкторы	20,7%	12,2%
Преподаватели, учителя, ученые	20,4%	9,7%
Работники бытовых услуг, торговли	23,3%	12,3%
Предприниматели, финансисты	12,5%	23,4%
Профессиональные военные, сотрудники МВД	38,5%	7,7%
Работники в сфере сельского хозяйства	19,6%	13,2%

Конституция РФ провозглашает Россию как правовое государство. Конституция Российской Федерации — высший нормативно-правовой акт Российской Федерации, закрепляющий основы конституционного строя России, государственное устройство, образование представительных, исполнительных, судебных органов власти и систему местного самоуправления, права и свободы человека и гражданина.

Всероссийский центр изучения общественного мнения (далее — ВЦИОМ) по заказу Экспертного института социальных исследований (далее — ЭИСИ) провел экзит-полл (опрос на выходе с избирательных участков) на голосовании по поправкам в Конституцию РФ. Опрос проводился на 800 избирательных участках в 25 субъектах РФ. На выходе с избирательного участка интервьюеры ВЦИОМ предлагали пройти анонимный опрос. Задавался вопрос о том, как проголосовал респондент — за или против поправок в Конституцию Российской Федерации. В опросе приняли участие 445 345 человек. Ответили на вопрос 69,9 % респондентов, отказались от ответа 30,1 %. При этом явка по стране составила чуть меньше 70 %.

После проведения данного опроса были обнародованы следующие результаты: 71,2 % (это более 50 млн) россиян проголосовали за внесение поправок в Основной Закон страны, против поправок выступили 28,3 % опрошенных.

Наиболее высокая поддержка по поправкам в Конституцию зафиксирована в Южном федеральном округе (75,6 % — за поправки, против — 24 %), в Сибирском федеральном округе это соотношение составляет 70,1:29,4, в Санкт-Петербурге — 69,6:30,1, в Северо-Западном федеральном округе — 69,3:30,3, в Дальневосточном федеральном округе — 67,5:31,3 [6].

Принятие поправок в Конституцию В. Володин, председатель ГД РФ, назвал новым этапом развития нашего государства, «где более высокие стандарты жизни, более высокие обязательства перед гражданами, где мы с вами цементируем наши ценности, защищаем их, не даем никому посягать на них» [7]. На основании этих данных можно сделать вывод, что в данном вопросе общество проявило активную гражданскую позицию и живой интерес к такому значимому голосованию, как внесение поправок в Конституцию РФ.

Справедливо отмечает в своем исследовании М. М. Степанов, что закрепление в Конституции России положений, в основе которых лежит принцип социальной справедливости, а также развивающих ее конституционную характеристику как социального государства, является большим шагом на пути к формированию качественно новых стандартов социальной защиты и созданию новых ориентиров для развития текущего законодательства в сфере социального обеспечения граждан. При этом необходимо учитывать, что если принцип справедливости и основанные на нем конституционные нормы будут закреплены формально, иметь лозунговый характер и не будут реализованы на практике, то это приведет к их обесцениванию и утрате смыслового содержания [8, с. 268].

Приведенные выше данные показывают отношение российского общества к изменениям в правовой сфере, что так или иначе определяет поведение индивида через призму традиционных духовно-нравственных ценностей.

Неоднозначным в обществе является мнение о том, как следует относиться к закону. По данным опроса, проводимого в 2010 г., практически половина опрошенных (49 %) считает, что закон нужно соблюдать, но при условии, если это де-

лают и сами представители органов власти. 24 % респондентов считают, что закон нужно соблюдать всегда, даже если он устарел или не соответствует сегодняшним реалиям. Предпочитают следовать «не нормам закона, а принципам справедливости» 17 %. Не желают соблюдать закон вовсе 5 %, при этом беспрекословно соблюдать законы готовы 35 % опрошенных.

В целом российские законы считают хорошими, справедливыми и действенными 44 %. Для сравнения — в 2001 г. этот показатель составлял всего 28 %, а в 2014 г. — уже 46 %. Все это говорит о росте доверия общества к правовой политике государства и улучшении доверия к Государственной Думе. Пропорционально уменьшилось число тех, кто считает российские законы плохими. Если в 2001 г. негативно о законах отзывались 49 %, то в 2008 г. негативное количество опрошенных уменьшилось до 36 %, в 2014 г. остановилось на отметке 28 % [9].

Так, согласно итоговым результатам социологического опроса ФГКУ «ВНИИ МВД России», проведенного в период 2016–2020 гг. среди 85 субъектов РФ и 36 207 человек, наблюдается устойчивый позитивный рост (от 3 % до 6 %) оценки деятельности полиции.

Таблица 2

Оценка работы полиции обществом в период с 2016 по 2020 г.

Наименование вопроса	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Чувствуете ли Вы себя защищенным от преступных посягательств на Вашу жизнь, здоровье, имущество?	38,4%	38%	42,2%	45,7%	51,1%
Чувствуете ли Вы себя защищенным от преступных посягательств на Вашу жизнь, здоровье, имущество на объектах железнодорожного, водного и воздушного транспорта?	37,8%	36,9%	41,9%	45,2%	51,6%
Доверяете ли Вы органам внутренних дел в вопросах защиты Ваших личных и имущественных интересов?	39,1%	38,3%	39,4%	41,9%	44,9%
Насколько эффективна деятельность органов внутренних дел по защите Ваших личных и имущественных интересов?	36,7%	35,3%	38,2%	40,0%	43,8%
Подвергались ли Вы лично за последние 12 месяцев преступным посягательствам?	9,9%	9,1%	8,2%	8,5%	8,8%

Сравнительный анализ данных за пятилетний период наблюдения свидетельствует, что наибольший рост позитивных оценок в 2020 г. по сравнению с предыдущим 2019 г. зафиксирован по показателям оценки уровня защищенности граждан от преступных посягательств (с 45,7 % до 51,1 %) и уровня защищенности граждан от преступных посягательств на объектах транспорта (с 45,2 % до 51,6 %). С 2017 г. рост данных показателей составил 13,1 и 14,7 пунктов соответственно. Тенденция улучшения оценки населением работы полиции в 2020 г. по сравнению с 2019 г. отмечается также по показателям оценки эффективности работы органов внутренних дел Российской Федерации (с 40,0 % до 43,8 %) и доверия сотрудникам полиции (с 41,9 % до 44,9%).

Сотрудникам полиции своего региона доверяют 58 % респондентов (+4 пункта по сравнению с прошлым годом). Индекс доверия составил 23 пункта, что на 8 пунктов выше, чем в прошлом году.

Наиболее высокие показатели доверия у полиции на транспорте (индекс доверия 48 п.), сотрудников дежурной части (44 п.), инспекторов по делам несовершеннолетних (40 п.), участковых уполномоченных полиции (39 п.) и работников уголовного розыска (34 п.).

Более трети россиян оценивают работу полиции в их регионе положительно (41 %, +5 пунктов по сравнению с прошлым годом). Средние оценки дают 41 % россиян, негативную оценку выразили 14 % наших соотечественников. Индекс оценки работы полиции составляет 55 пунктов.

В сознании россиян образ полицейского скорее положительный. Выбирая из нескольких пар противоположных по значению характеристик, наши соотечественники видят типичного российского полицейского как опрятного (80 п. индекса оценки характера представителей полиции), храброго (68 п.), дружелюбного (67 п.), вежливого (67 п.), сильного и крепкого (67 п.), грамотного и работящего (по 66 п.) человека [10].

Изучая особенности формирования обыденного правосознания в студенческой среде, было проведено социологическое исследование среди студентов нескольких вузов Алтайского края. Объем выборки: студенты высших учебных заведений Алтайского края различных факультетов 1–4 курса в возрасте от 17 до 21 года. Общее количество опрошенных — 1250 человек.

Основные методы сбора информации: анкетирование, диагностирование, ранжирование.

Метод обработки информации — математико-статистический анализ полученных данных. Ме-

тоды анализа данных: описание, сравнение, объяснение.

На утверждение «Считаете ли вы, что меры по укреплению семьи будут способствовать формированию позитивного обыденного правосознания?» были получены следующие результаты: полностью согласны с утверждением 75 % студентов, не согласны 20 %, затруднились ответить 5 %.

На утверждение «Считаете ли вы, что запрет деструктивных сект будет эффективной мерой повышения уровня правовой культуры?» получены следующие результаты: полностью согласны с утверждением 90 % студентов, не согласны 7 %, затруднились ответить 3 %.

На утверждение «Считаете ли вы, что участие граждан в общих гражданских проектах и массовых общественных организациях будет способствовать выработке активной гражданской позиции?» получены следующие результаты: полностью согласны с утверждением 82 % студентов, не согласны 8 %, затруднились ответить 10 %.

На утверждение «Считаете ли вы, что граждане пенсионного возраста нуждаются в большей социализации и внимании со стороны государства, чтобы чувствовать свою востребованность в обществе?» получены следующие результаты: полностью согласны с утверждением 32 % студентов, не согласны 54 %, затруднились ответить 14 %.

На утверждение «Считаете ли вы, что в интернете необходимо ввести нравственную цензуру?» получены следующие результаты: полностью согласны с утверждением 56 % студентов, не согласны 35 %, затруднились ответить 9 %.

На утверждение «Считаете ли вы, что современное общество нуждается в положительных примерах, "героях своего времени"?» получены следующие результаты: полностью согласны с утверждением 95 % студентов, не согласны 4 %, затруднились ответить 1 %.

На утверждение «Считаете ли вы, что в школах, средне-специальных и высших учебных заведениях необходимо преподавание таких дисциплин, на которых ученики и студенты знакомились бы с нормами морального поведения в семье, публичных местах, межличностных отношениях, как в реальной жизни, так и в виртуальном пространстве?» получены следующие результаты: полностью согласны с утверждением 83 % студентов, не согласны 11 %, затруднились ответить 6 %.

На утверждение «Считаете ли вы, что систематическое повышение уровня благосостояния граждан снизит социальную напряженность в обществе и укрепит доверие к государству» получены

следующие результаты: полностью согласны с утверждением 99 % студентов, не согласны 1 %, затруднились ответить 0 %.

На утверждение «Считаете ли вы, что личный пример должностных лиц способствует укреплению обыденного правосознания?» получены следующие результаты: полностью согласны с утверждением 88 % студентов, не согласны 10 %, затруднились ответить 2 %.

Результаты социологических исследований позволяют нам определить некоторые меры со стороны государства, способствующие укреплению обыденного правосознания российского общества:

- Каждой молодой семье нужно предоставить жилье на льготных основаниях, за рождение каждого ребенка предусмотреть денежные выплаты, стимулировать закрепление семейств в сельской местности, устраивать семейные праздники культурно-спортивного характера.

- Государство должно иметь программу вовлечения носителей обыденного правосознания в общие гражданские проекты и массовые общественные организации. Вовлечение граждан в общие гражданские проекты при соблюдении принципа добровольности должно создать благоприятные условия для того, чтобы у людей были прямой интерес и мотивация участвовать в этих проектах. В частности, деятельность в разного рода общественных организациях и общественных проектах можно формально учитывать при конкурсном поступлении в вузы, при поощрении работников государственных организаций, при определении повышающих коэффициентов, выплачивая разного рода стимулирующие доплаты работникам бюджетных учреждений.

- Объединение пожилых людей в территориальные клубы по интересам с предоставлением мест для регулярного общения позволило бы государству продолжать социализацию граждан даже за порогом их старости. Пожилые люди, ощущая свою востребованность и имея возможности самореализации, продолжают вести активный образ жизни. Такие меры благотворно сказываются на обыденном правосознании в части уважения к государству и закону, участия старших поколений в общих гражданских инициативах и проектах.

- Государство должно ввести нравственную цензуру в сети Интернет и средствах массовой информации. Цензурные комитеты перекрыли бы поток информации, оскорбляющей общественную нравственность, и закрыли бы доступ к источникам, разлагающим моральные установки общества. Предложение о введении «нравствен-

ной цензуры в сети Интернет и средствах массовой информации» противоречит запрету цензуры, установленному частью 5 статьи 29 Конституции Российской Федерации и статьей 3 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации». Однако проблема нравственного разложения народа гораздо серьезнее вопроса об изменении законодательства. Выполняя свои неотъемлемые функции, государство не имеет права быть безучастным к пропаганде самоубийств, наркотизма, порнографии и т. п.

- Государство должно финансировать по государственному заказу создание произведений литературы и других видов искусства, одухотворяющих повседневную жизнь граждан. Молодежь нуждается в положительных примерах, чтобы получать мощный воспитательный импульс для подражания лучшим представителям своей страны.

- В школах, средне-профессиональных и высших учебных заведениях необходимо преподавание таких дисциплин, на которых ученики и студенты познакомились бы с нормами морального поведения в семье, в публичных местах, в межличностных отношениях, как в реальной жизни, так и в виртуальном пространстве. К проведению таких уроков можно привлекать психологов, священнослужителей, конфликтологов и других компетентных лиц.

- Постоянное повышение уровня жизни людей будет мерой, через которую государство приобретет признательность со стороны общества, уважение к законам и правопорядку. Данная мера снизит социальную напряженность в обществе и укрепит доверие к государству. На уровне обыденного правосознания люди очень чувствительны к своему материальному положению и качеству жизни. Возрастание благосостояния общества влечет обыденное правосознание и наоборот.

- Личный пример должностных лиц руководящего уровня. Когда гражданское население видит образец правомерного поведения в деятельности своих руководителей, люди начинают следовать этому образцу. Это обстоятельство накладывает повышенную ответственность на подбор и порядок замещения руководящих лиц. Примерами личной скромности, бескорыстного служения обществу, заботы о людях руководители всех уровней закладывают образец взаимоотношений власти и гражданского населения.

Уровень обыденного правосознания является важнейшим индикатором состояния правовой культуры в данном обществе. Обыденное правосознание инкорпорирует в себе все социально цен-

ное — от обычаев, господствующих в обществе морали и религии до достижения мировой культуры и цивилизации.

Современному обыденному правосознанию имманентно присуща тревога, вызванная размытием традиционных ценностей, это защитная реакция на негативные проявления правовой действительности и неверие в силу закона и справедливость. Однако наблюдаются положительные тенденции, которые связаны с поддержкой политики государства, направленной на устранение негативных явлений в общественной жизни и сохранение традиционных ценностей. Положительным проявлением укрепления обыденного правосознания может послужить голосование, связанное с внесением поправок в Основной Закон нашего государства в июле 2020 г., которое продемонстрировало настоящее единство власти и народа. Даже нестабильная международная политическая ситуация, введенные против России санкции и рас-

пространение новой коронавирусной инфекции не смогли оказать отрицательного влияния на доверие россиян выбранному курсу Президента и действующей власти в целом.

В настоящий период по мере восстановления державного статуса России на мировой арене есть основания констатировать укрепление обыденного правосознания российского общества. Обыденное правосознание — сейчас самый важный и самый актуальный объект приложения сил государства. К настоящему моменту пора признать, что повышение уровня правосознания российского общества играет основополагающую роль в успешном укреплении российской государственности перед современными вызовами, поскольку от носителей обыденного правосознания зависит эффективность государственной власти и правового регулирования. Воспитание обыденного правосознания мы считаем важнейшим условием сохранения суверенитета и идентичности России в мире.

Список источников

1. Ахмедшин Р. Л. Психологические аспекты феномена «правосознание» // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 344. С. 118–119.
2. Махова М. Ю., Опевалова Е. В. Проблема психологических критериев оценки правосознания субъекта в феноменологическом исследовании // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2014. Т. 2. № 2 (18). С. 25–32.
3. Небратенко Г. Г. Формально-юридический анализ обычно-правовой системы // Юрист-Правовед. 2010. № 2 (39). С. 52–56.
4. Мусурманкулова А. А. Виды правового сознания // Известия вузов (Кыргызстан). 2015. № 5. С. 212–213.
5. Попова А. Д. Образ служителя закона в современном массовом искусстве и развитие обыденного правосознания // Вестник Санкт-Петербургского института МВД России. 2013. № 4 (60). С. 221–226.
6. Голосование по поправкам к Конституции: результаты ЭКЗИТПОЛА ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/golosovanie-po-popravkam-k-konstituczii-rezultaty-ekzitpolavcziom>.
7. Итоги сессии Государственной Думы: как вносились поправки в Конституцию. URL: <http://duma.gov.ru/news/49164/>.
8. Степанов М. М. Реализация принципа социальной справедливости в конституционных поправках 2020 года // Право и права человека в современном мире: тенденции, риски, перспективы развития: материалы Всероссийской научной конференции. М., 2020. С. 264–269.
9. Отношение граждан к российским законам улучшилось. URL: <http://duma.gov.ru/news/28198/>.
10. Общественное мнение. Оценка деятельности полиции в Российской Федерации в 2020 году. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/publicopinion>.

References

1. Ahmedshin R. L. Psihologicheskie aspekty fenomena «pravosoznanie» // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 344. S. 118–119.
2. Mahova M. Yu., Opevalova E. V. Problema psihologicheskikh kriteriev ocenki pravosoznaniya sub"ekta v fenomenologicheskom issledovanii // Uchenye zapiski Komsomol'skogo-na-Amure gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. 2014. T. 2. № 2 (18). S. 25–32.
3. Nebratenko G. G. Formal'no-yuridicheskij analiz obychno-pravovoj sistemy // Yurist"-Pravoved". 2010. № 2 (39). S. 52–56.

4. Musurmankulova A. A. Vidy pravovogo soznaniya // Izvestiya vuzov (Kyrgyzstan). 2015. № 5. S. 212–213.
5. Popova A. D. Obraz sluzhitelya zakona v sovremennom massovom iskusstve i razvitie obydenного pravosoznaniya // Vestnik Sankt-Peterburgskogo instituta MVD Rossii. 2013. № 4 (60). S. 221–226.
6. Golosovanie po popravkam k Konstitucii: rezul'taty EKZITPOLA VCIOM. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/golosovanie-po-popravkam-k-konstituczii-rezultaty-ekzitpola-vcziom>.
7. Itogi sessii Gosudarstvennoj Dumy: kak vnosilis' popravki v Konstituciyu. URL: <http://duma.gov.ru/news/49164/>.
8. Stepanov M. M. Realizaciya principa social'noj spravedlivosti v konstitucionnyh popravkah 2020 goda // Pravo i prava cheloveka v sovremennom mire: tendencii, riski, perspektivy razvitiya: mat-ly Vserossijskoj nauchnoj konf-cii. M., 2020. S. 264–269.
9. Otnoshenie grazhdan k rossijskim zakonom uluchshilos'. URL: <http://duma.gov.ru/news/28198/>.
10. Obshchestvennoe mnenie. Ocenka deyatel'nosti policii v Rossijskoj Federacii v 2020 godu. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/publicopinion>.

Сведения об авторах

А. А. Васильев — доктор юридических наук, доцент.

В. В. Сорокин — доктор юридических наук, профессор.

Information about the authors

A. A. Vasiliev — Doctor of Science (Law), Associate Professor.

V. V. Sorokin — Doctor of Science (Law), Professor.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 20.11.2023; одобрена после рецензирования 15.12.2023; принята к публикации 22.02.2024.

The article was submitted 20.11.2023; approved after reviewing 15.12.2023; accepted for publication 22.02.2024.

Алтайский юридический вестник. 2024. № 1 (45). С. 13–19.

Altai Law Journal. 2024. № 1 (45). P. 13–19.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 340:004.8

О ВАЖНОСТИ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЫ, ЮРИДИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ И КОНСТРУКЦИЙ В ПРОЦЕССЕ ЭВОЛЮЦИИ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Петр Николаевич Кобец

Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва, Россия,

pkobets37@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6527-3788>

Аннотация. В предлагаемой статье обоснована необходимость развития доктринальной правовой основы, а также различных правовых понятий и конструкций в эпоху быстрого эволюционирования технологий искусственного интеллекта. В процессе исследования акцентируется внимание на том, что о создании средств, направленных на обеспечение безопасности их действий, стали задумываться значительно позже, чем начали их применять в технологических процессах. В этой связи совершенно очевидно, что без нормативного регулирования технологий, использующих искусственный интеллект, в ближайшем будущем будет сложно обойтись, поскольку управлять данной сферой общественных отношений невозможно, не осуществляя постоянного совершенствования ее правового регулирования.

Ключевые слова: технологическое развитие, общественные отношения, искусственный интеллект, система права, робототехника, эволюционирование технологий, совершенствование законодательства, доктринальные основы, правовые понятия и конструкции, нормотворческая деятельность, меры ответственности, правовое регулирование

Для цитирования: Кобец П. Н. О важности развития правовой доктрины, юридических понятий и конструкций в процессе эволюции технологий искусственного интеллекта // Алтайский юридический вестник. 2024. № 1 (45). С. 13–19.

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

ON THE IMPORTANCE OF THE DEVELOPMENT OF LEGAL DOCTRINE, LEGAL CONCEPTS AND CONSTRUCTIONS IN THE PROCESS OF THE EVOLUTION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES

Peter N. Kobets

All-Russian Scientific Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia,

pkobets37@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6527-3788>

Abstract. The article analyzes the need to develop a doctrinal framework, various legal concepts, and structures in the era of rapid evolution of artificial intelligence technology. The study focuses on the fact that in the conditions of the new millennium, humanity has come almost close to the latest period of unprecedented scientific and industrial development of society, while actively developing artificial intelligence technologies. In this regard, it is quite obvious that it will be difficult to do without regulatory regulation of technologies using artificial intelligence in the near future, since it is impossible to manage this area of public relations without constantly improving its legal regulation.

Keywords: technological development, public relations, artificial intelligence, legal system, robotics, evolution of technology, improvement of legislation, doctrinal foundations, legal concepts and constructions, rule-making activities, liability measures, legal regulation

For citation: Kobets P. N. On the importance of the development of legal doctrine, legal concepts and constructions in the process of evolution of artificial intelligence technologies. *Altajskij juridicheskiy vestnik = Altai Law Journal*. 2024;1:13–19 (In Russ.)

© Кобец П. Н., 2024

Сегодня мировая общественность устремлена к воплощению в жизнь технологий, основанных не только на естественном, но и на искусственном интеллекте. Развитие научно-технического прогресса способствует все большему внедрению искусственного интеллекта во всевозможные сферы человеческой жизни общества, и, возможно, в скором времени он будет способен к совершению юридически значимых действий, которым необходимо получить самую точную регламентацию. Робототехника, автономные системы, работающие на основе рассматриваемых систем, открывают будущее экономического процветания. Сегодня роботы выполняют сложные и опасные для человека задачи, деликатные операции, производят различные потребительские продукты и даже других роботов. Недавние достижения в области робототехники предвещают будущее, которое пересекается с давними ожиданиями.

Всё очевиднее становится обстоятельство, согласно которому альтернативы искусственному интеллекту на сегодняшний день нет, и поэтому приближение его эпохи — это дело ближайшего времени, даже вопреки тому, что сегодня интеллектуальные системы пребывают в зачаточном состоянии. Кроме того, чрезвычайно высокая значимость изучения проблематики искусственного интеллекта в наибольшей степени обуславливается и скоростью государственного технологического развития при переходе на цифровые экономические процессы, при которых внедрение искусственного интеллекта необходимо еще и потому, что это является основным условием при определении статуса лидера на мировой арене [1, с. 35].

В то же время многие из технологических процессов, основанных на рассматриваемых технологиях, имеют ряд актуальных правовых аспектов, о которых сегодня необходимо начинать не только говорить, но и активно их разрешать, поскольку в скором будущем мы можем столкнуться с рядом серьезных проблем, требующих правового разрешения. Во многом такая авторская позиция обусловлена активным технологическим прогрессом в рассматриваемой области, который неминуемо влечет за собой определенные законодательные пробелы в процессе практической реализации технологий искусственного интеллекта. И в недалекой перспективе эти нерешенные вопросы могут привести к разнообразным юридическим затруднениям в сфере регулирования общественных отношений по использованию рассматриваемых технологий [2, с. 116].

Для эффективного законодательного регулирования отношений в сфере рассматриваемых технологических процессов необходимо обладать современным понятийным аппаратом. Проведенное исследование данного аспекта свидетельствует о том, что понятие искусственного интеллекта уже довольно хорошо распространено и используется в различных источниках научной литературы. Так, например, отдельными авторами под искусственным интеллектом видится компьютерная система, которая способна к имитации интеллекта человека, при этом имеющая возможности получать, обрабатывать и хранить информационные данные, а также осуществлять над ними различные действия [3, с. 86]. Другими специалистами искусственный интеллект видится некой системой, способной решать определенные поставленные перед ней задачи и, соответственно, для этого выполняющей ряд действий [4, р. 52].

Еще одни ученые говорят о нем как о вычислительной машине, обладающей возможностями такой деятельности, которая человеку представляется разумной [5, с. 40]. Тогда как, по мнению ряда экспертов, робототехника на основе искусственного интеллекта должна определяться как «совокупность общественных отношений, предметом которых являются производство, распределение, и немного перефразируя классическое определение экономики, использование автоматизированных технических систем» [6, с. 46].

Между тем многие специалисты о данной технологии рассуждают как о некоем компьютерном программном обеспечении, придуманном человечеством на основе заложенной в нем командной архитектуры, создающей новые информационные данные [7, с. 20]. С ними также согласны и исследователи, придерживающиеся позиции, относительно которой искусственный интеллект является программой, обладающей определенным уровнем интеллектуальности, способной осознать себя и принимать самостоятельные решения [8, с. 96]. Солидарны с подобной точкой зрения и исследователи, утверждающие, что «искусственный интеллект является создаваемым при помощи группы смежных технологий программным обеспечением, функционирующим нелинейно, способным к обучению, ограниченным в понимании причинности и выполнении задач интеллектуального, эвристического характера с возможностью обучения, корректировки и уточнения за счет опыта принимаемых решений» [9, с. 105].

Примерно такую же точку зрения высказывают и эксперты, полагающие, что в основе искус-

ственного интеллекта находится эвристическое программирование [10, с. 82]. Ряд ученых искусственный интеллект интерпретируют в виде системы, обладающей способностями и возможностями изменять ряд некоторых параметров функционирования, а также способы собственного поведения [11, с. 43]. Совершенно иная позиция у ученых, которым искусственный интеллект представляется в виде математической модели, расположенной в некоем специально разработанном для этого устройстве. Причем данная модель, имеющая нейронные связи, может самообучаться, как человеческий мозг, и, соответственно, воспринимать объективную реальность, обрабатывать информационные данные, получаемые из нее, и на основе этого обладать новыми знаниями, которые разработчики в нее не вложили.

Нельзя не упомянуть и о позиции зарубежных исследователей по данной проблематике, которыми, в частности, акцентируется внимание на необходимости обращения к специальному понятию рассматриваемого феномена, а именно — технологии, связанной с искусственным интеллектом, под которым, по их мнению, «следует понимать технологии, при помощи которых происходит реализация различных интеллектуальных функций, в частности обучения, умозаключения, суждения, которые находят свое воплощение на основе искусственных средств и использования соответствующих функций, которые реализуются при помощи искусственного интеллекта» [12, р. 28].

Ряд авторов под искусственным интеллектом понимают совокупность систем, способных к восприятию окружающего мира, в результате чего они могут осуществлять различные действия. Первый отечественный учебник по цифровому праву также содержит дефиницию «искусственного интеллекта, определяя его как моделируемую (искусственно воспроизводимую) интеллектуальную деятельность мышления человека» [13, с. 628]. Одной из самых удачных формулировок данной технологии, по нашему мнению, можно считать определение, данное профессором Б. Т. Разгильдиевым, который утверждает, что «искусственный интеллект — это создаваемый (созданный) человеком на основе цифровизации физический продукт, обладающий ограниченной самостоятельностью во времени, пространстве, а также по характеру и видам системной деятельности, осуществляемой на нравственной основе в целях социального удовлетворения (полезности) для личности, общества, государственной власти, мира и безопасности человечества» [14, с. 157].

Подытоживая анализ научного понятийного аппарата в сфере искусственного интеллекта, хотелось бы акцентировать внимание на том, что в источниках научной литературы существует немало дефиниций, определяющих искусственный интеллект, в т. ч. и понятия, основанные на правовых подходах к данному феномену. В то же время необходимо согласиться с позицией ведущих отечественных специалистов по данной проблеме, утверждающих, что большинство данных определений акцентированы на технологической специфике данного явления, которые и не выступают в качестве его сущностного свойства [15, с. 9].

Отдельно следует указать на то, что Национальной стратегией развития искусственного интеллекта в Российской Федерации на период до 2030 г., принятой Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (далее — Стратегия), под искусственным интеллектом понимается комплекс технологических решений, позволяющих имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в т. ч. то, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений¹.

Между тем особо хотелось бы отметить, что к ряду основных понятий, содержащихся в данной Стратегии, в частности к определению искусственного интеллекта, очень сложно применить целостное правовое регулирование. При этом также можно согласиться с позицией отечественных исследователей относительно того, что в настоящее время необходимо разработать не только отдельные дефиниции, а весь комплекс правовых основ по «взаимодействию человечества и робототехники, использующей технологии искусственного интеллекта, при этом досконально проработав все виды правовой ответственности за причиненный вред в рассматриваемой сфере» [16, с. 134].

Современная юридическая практика рассматривает в качестве объектов права автоматизиро-

¹ О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

ванные системы, использующие технологии по искусственному интеллекту, а также иную робототехнику. В настоящее время в соответствии с законодательством к данным объектам применяют нормы действующего права. В отношении физической оболочки используются нормы об имуществе, вещах и др., а в отношении информационных систем и технологий — информационно-правовые нормы. Подобный подход к проблематике правового регулирования рассматриваемых технологий не требует принятия многих новых правовых норм. В то же время общественные отношения в сфере рассматриваемых технологий настолько динамично развиваются, а проблематика, связанная с распределением мер ответственности в случае нанесения робототехникой, использующей новые технологии, ущерба, также быстро не разрешается, и в связи с этим современные подходы к данному вопросу требуют своего скорейшего разрешения.

Поэтому следует согласиться с выводами отечественных правоведов, отмечающих, что обозначенные нормы права на данный момент не могут в достаточной степени регулировать и разрешать сложные ситуации, связанные с применением робототехники и иных автоматизированных систем, и нуждаются в дальнейшем развитии [17, с. 247]. В рассматриваемом контексте также немаловажна и проблема отнесения разных роботов и объектов робототехники, использующей в своей деятельности рассматриваемые технологии, к объектам или субъектам права.

Таким образом, реалии сегодняшнего дня таковы, что искусственный интеллект должен быть наделен особым статусом правосубъектности, чтобы возможно было определять степень ответственности за ущерб, который им был нанесен, т. к. за причинение любого вида вреда не в каждом случае в зоне ответственности может находиться только владелец и пользователь робототехники, работающей с использованием технологий искусственного интеллекта. Также важно отметить, что степень ответственности может зависеть не только от видов причиненного ущерба данными технических устройств, но также и от мер по соответствующему контролю, в т. ч. техническому и общественному.

Совсем скоро важно будет решать проблемы правового регулирования деятельности робототехники с использованием искусственного интеллекта, определяя, будет ли она помощником человеку либо его заменой; будут ли решения, принятые робототехникой, юридически значимыми или нет;

кто будет нести различные виды юридической ответственности за причинение ущерба; она будет выступать в качестве объекта или же субъекта правовых отношений и др. Кроме того, уже сегодня важно подумать о необходимости разработки критериев, которые будут классифицировать робототехнику для того, чтобы ее можно было регистрировать в специально уполномоченном для этого органе.

В сложившейся ситуации отечественным правоведом совместно с научным сообществом необходимо уже в недалекой перспективе суметь предпринять все необходимые меры, чтобы быть готовыми к всеобщей цифровизации, в процессе которой начнут происходить перемены глобального и всеобщего правового и технологического переустройства, в масштабах которых правовые основы в сфере противодействия преступным проявлениям, касающимся искусственного интеллекта, будет необходимо эффективно развивать [18, с. 223]. И как справедливо отмечают отечественные юристы, и это не вызывает никаких возражений, активно развивающаяся цифровая реальность приводит к тому, что принятые до начала этих процессов нормативные правовые основы, которыми регламентируются различные области жизнедеятельности, нуждаются в значительном реформировании, поскольку сегодня происходят процессы по зарождению нового права, направленного на регулирование отношений в фокусе цифрового мира, и, конечно же, новых видов робототехники, использующей технологии по искусственному интеллекту [19, с. 1].

В этой связи важно отметить, что различные отечественные специалисты сферы юриспруденции, не только практики, но и ученые, должны работать на упреждение, решая рассматриваемые проблемы, а не быть в роли аутсайдеров научно-технического прогресса. А это значит, что им необходимо активнее заниматься работой по правовому обеспечению деятельности в сфере применения искусственного интеллекта, используя положительный зарубежный опыт.

Подводя итоги необходимости развития доктринальной правовой основы, а также различных правовых понятий и конструкций в эпоху быстрого эволюционирования рассматриваемых технологий, следует отметить, что на основании анализа исторического развития ряда важнейших прорывных технологий становится очевидно, что о создании средств, направленных на обеспечение безопасности их действий, стали задумываться значительно позже, чем начали их применять в техно-

логических процессах. Поэтому в скором будущем общественные отношения, субъектами которых будут выступать технологические элементы на основе искусственного интеллекта, в обязательном порядке потребуют быстрого развития правового регулирования. Однако отечественным представителям нормотворческой деятельности и ученому сообществу, развивая правовые основы использования рассматриваемых технологий, важно обладать пониманием того, что широкомасштабные преобразования, которые нас ждут в недалеком будущем, невозможно воссоздать при помощи неполных, бессистемных изменений действующих законодательных норм.

Возможно, в чем-то и правы специалисты, полагающие, что в настоящее время можно обойтись без разработки новых норм, а следует заняться адаптацией технологий по искусственному интеллекту к действующим правовым понятиям и конструкциям. Но опять же не во всех случаях действующие в настоящее время правила смогут обе-

спечивать должный контроль при возникновении негативных последствий уже в недалеком будущем. Вот почему начиная формирование доктринальной основы системы российского права, с учетом будущего присутствия в нем искусственного интеллекта нужно уже сейчас проводить научные исследования по различным вариантам выстраивания данного процесса в его дальнейшей перспективе. А уже после этого, опираясь на научные основы, специально разработанные для достижения поставленных целей, связанных с развитием искусственного интеллекта, необходимо будет заниматься подготовкой обновленной нормативной правовой базы в рассматриваемой сфере. При этом в обязательном порядке нужно будет как определить сами категории данной разновидности интеллекта, так и разработать необходимые дефиниции и правовые конструкции, которые в ближайшие годы станут наиболее востребованы правовым регулированием рассматриваемой деятельности в динамично развивающемся цифровом обществе.

Список источников

1. Краснонос Е. Ю., Затеищикова Е. Л. Современное правовое регулирование систем с искусственным интеллектом в Российской Федерации // Вестник Донецкого национального университета. Серия Е: Юридические науки. 2021. № 1. С. 33–38.
2. Кобец П. Н. Совершенствование правового регулирования в сфере использования технологий искусственного интеллекта // Философия права. 2023. № 3 (106). С. 112–118.
3. Болотова Л. С. Системы искусственного интеллекта: модели и технологии, основанные на знаниях: учебник. М.: Финансы и статистика, 2012. 664 с.
4. Kurzweil R. The Age of Intelligent Machines. Cambridge, MA: MIT Press, 1990. 580 p.
5. Уинстон П. Г. Искусственный интеллект. М.: Мир, 1980. 520 с.
6. Архипов В. В., Наумов В. Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике // Труды СПИИРАН. 2017. № 6 (55). С. 46–62. DOI 10.15622/sp.55.2.
7. Синельникова В. Н., Ревинский О. В. Права на результаты искусственного интеллекта // Копирайт. 2017. № 4. С. 17–27.
8. Щитова А. А. О потенциальной правоспособности искусственного интеллекта // Аграрное и земельное право. 2019. № 5 (173). С. 94–98.
9. Степаненко Д. А., Бехтеев Д. В., Евстратова Ю. А. Использование систем искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2020. № 2 (11). С. 104–110.
10. Слэйгл Дж. Искусственный интеллект. Подход на основе эвристического программирования. М.: Мир, 1973. 320 с.
11. Смолин Д. В. Введение в искусственный интеллект: конспект лекций. М.: Физматлит, 2004. 208 с.
12. Chelioudakis E. Deceptive AI Machines on the Battlefield: Do They Challenge the Rules of the Law of Armed Conflict on Military Deception? Tilburg: Tilburg University, 2018. 59 p.
13. Блажеев В. В., Егорова М. А. Цифровое право: учебник. М.: Проспект, 2020. 640 с.
14. Разгильдиев Б. Т. Искусственный интеллект и профилактика его общественной опасности // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 5 (142). С. 154–163. DOI 10.24412/2227-7315-2021-5-154-163.

15. Морхат П. М. Искусственный интеллект: правовой взгляд. М.: КТ «Буки-Веди», 2017. 257 с.
16. Дороганов В. С., Баумгартен М. И. Возможные проблемы, возникающие при создании искусственного интеллекта // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2013. № 4 (98). С. 132–135.
17. Мишина Н. В. Теоретические аспекты правового регулирования искусственного интеллекта // Современный ученый. 2020. № 5. С. 247–253.
18. Лебедев С. Я. Право и безопасность в цифровом мире // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (IV Саратовские уголовно-правовые чтения): сборник статей по материалам IV Всероссийской научно-практ. конф-ции, Саратов, 30 сентября — 1 октября 2019 года / под общ. ред. Н. А. Лопашенко. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2019. С. 221–225.
19. Зорькин В. Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета. 2018. № 7578 (115).

References

1. Krasnonosov E. Yu., Zatejshchikova E. L. Sovremennoe pravovoe regulirovanie sistem s iskusstvennym intellektom v Rossijskoj Federacii // Vestnik Doneckogo nacional'nogo universiteta. Seriya E: Yuridicheskie nauki. 2021. № 1. S. 33–38.
2. Kobec P. N. Sovershenstvovanie pravovogo regulirovaniya v sfere ispol'zovaniya tekhnologii iskusstvennogo intellekta // Filosofiya prava. 2023. № 3 (106). S. 112–118.
3. Bolotova L. S. Sistemy iskusstvennogo intellekta: modeli i tekhnologii, osnovannye na znaniyah: uchebnyk. M.: Finansy i statistika, 2012. 664 s.
4. Kurzweil R. The Age of Intelligent Machines. Cambridge, MA: MIT Press, 1990. 580 p.
5. Uinston P. G. Iskusstvennyj intellekt. M.: Mir, 1980. 520 s.
6. Arhipov V. V., Naumov V. B. Iskusstvennyj intellekt i avtonomnye ustrojstva v kontekste prava: o razrabotke pervogo v Rossii zakona o robototekhnike // Trudy SPIIRAN. 2017. № 6 (55). S. 46–62. DOI 10.15622/sp.55.2.
7. Sinel'nikova V. N., Revinskij O. V. Prava na rezul'taty iskusstvennogo intellekta // Kopirajt. 2017. № 4. S. 17–27.
8. Shchitova A. A. O potencial'noj pravosposobnosti iskusstvennogo intellekta // Agrarnoe i zemel'noe pravo. 2019. № 5 (173). S. 94–98.
9. Stepanenko D. A., Bekhteev D. V., Evstratova Yu. A. Ispol'zovanie sistem iskusstvennogo intellekta v pravoohranitel'noj deyatel'nosti // Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2020. № 2 (11). S. 104–110.
10. Slejgl Dzh. Iskusstvennyj intellekt. Podhod na osnove evristicheskogo programmirovaniya. M.: Mir, 1973. 320 s.
11. Smolin D. V. Vvedenie v iskusstvennyj intellekt: konspekt lekcij. M.: Fizmatlit, 2004. 208 s.
12. Chelioudakis E. Deceptive AI Machines on the Battlefield: Do They Challenge the Rules of the Law of Armed Conflict on Military Deception? Tilburg: Tilburg University, 2018. 59 p.
13. Blazheev V. V., Egorova M. A. Cifrovoe pravo: uchebnyk. M.: Prospekt, 2020. 640 s.
14. Razgil'diev B. T. Iskusstvennyj intellekt i profilaktika ego obshchestvennoj opasnosti // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii. 2021. № 5 (142). S. 154–163. DOI 10.24412/2227-7315-2021-5-154-163.
15. Morhat P. M. Iskusstvennyj intellekt: pravovoj vzglyad. M.: КТ «Буки-Веди», 2017. 257 с.
16. Дороганов В. С., Баумгартен М. И. Возможные проблемы, возникающие при создании искусственного интеллекта // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2013. № 4 (98). С. 132–135.
17. Mishina N. V. Teoreticheskie aspekty pravovogo regulirovaniya iskusstvennogo intellekta // Sovremennyy uchenyj. 2020. № 5. S. 247–253.
18. Лебедев С. Я. Право и безопасность в цифровом мире // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (IV Саратовские уголовно-правовые чтения): сборник статей по материалам IV Всероссийской научно-практ. конф-ции, Саратов, 30 сентября — 1 октября 2019 года / под общ. ред. Н. А. Лопашенко. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2019. С. 221–225.

19. Zor'kin V. D. Pravo v cifrovom mire. Razmyshlenie na polyah Peterburgskogo mezhdunarodnogo yuridicheskogo foruma // Rossijskaya gazeta. 2018. № 7578 (115).

Информация об авторе

П. Н. Кобец — доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

P. N. Kobets — Doctor of Science (Law), Professor.

Статья поступила в редакцию 16.11.2023; одобрена после рецензирования 18.12.2023; принята к публикации 22.02.2024.

The article was submitted 16.11.2023; approved after reviewing 18.12.2023; accepted for publication 22.02.2024.

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Алтайский юридический вестник. 2024. № 1 (45). С. 20–25.

Altai Law Journal. 2024. № 1 (45). P. 20–25.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 343.57:343.851.5+004.738.5

К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ СОВЕРШЕНИЯ ПРАВОНАРУШЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ПОСРЕДСТВОМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ, И ПРОФИЛАКТИКЕ ВОВЛЕЧЕНИЯ В ТАКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Дина Васильевна Вечерникова¹, Евгения Руслановна Макоева², Виктор Владимирович Тырышкин³

¹ Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия, dinvech2@yahoo.com

² Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД России, Нальчик, Россия, ash-batsa@mail.ru

³ Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, witsan333@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу правовых положений российского законодательства в сфере профилактики и пресечения правонарушений, связанных с незаконным распространением наркотических средств, совершаемых несовершеннолетними, посредством сети Интернет. Также в статье рассматривается один из самых проблемных способов обмена информацией, способствующий распространению наркотических средств, — с использованием чатов видеопигр, а также предлагается метод противодействия данному способу.

Ключевые слова: профилактика правонарушений несовершеннолетних, незаконный оборот наркотических средств, бесконтактный способ, формирование правосознания, национальная безопасность

Для цитирования: Вечерникова Д. В., Макоева Е. Р., Тырышкин В. В. К вопросу о способах совершения правонарушений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств посредством сети Интернет, и профилактике вовлечения в такую деятельность несовершеннолетних // Алтайский юридический вестник. 2024. № 1 (45). С. 20–25.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

REVISITING THE WAYS TO COMMIT OFFENSES RELATED TO ILLICIT DRUG TRAFFICKING VIA THE INTERNET AND THE PREVENTION OF INVOLVEMENT OF MINORS IN SUCH ACTIVITIES

Dina V. Vechernikova¹, Evgeniya R. Makoeva², Viktor V. Tyryshkin³

¹ Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia, Krasnodar, Russia, dinvech2@yahoo.com

² North Caucasus Institute of Advanced Training (branch) of Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia, Nalchik, Russia, ash-batsa@mail.ru

³ Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, witsan333@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the legal provisions of the Russian legislation in the field of prevention and suppression of offenses related to the illegal distribution of narcotic drugs committed by minors. Special attention is paid to one of the most common ways of selling narcotic drugs — via the Internet. In addition, the article examines one of the most problematic ways of exchanging information that contributes to the spread of narcotic drugs — using video game chats, and also suggests a way to counteract this method.

Keywords: prevention of juvenile delinquency, illicit drug trafficking, contactless method, formation of legal awareness, national security

For citation: Vechernikova D. V., Makoeva E. R., Tyryshkin V. V. Revisiting the ways to commit offenses related to illicit drug trafficking via the Internet and the prevention of involvement of minors in such activities. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2024; 1: 20–25 (In Russ.).

© Вечерникова Д. В., Макоева Е. Р., Тырышкин В. В., 2024

В рамках реализации «Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года» на сегодняшний день осуществлен значительный комплекс организационных и иных мер, направленных на достижение ее цели — пресечение незаконного распространения наркотиков и их прекурсоров на территории Российской Федерации¹. Вместе с тем количество преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, сохраняет тенденцию к увеличению. Так, согласно статистической отчетности за 2022 год было зарегистрировано 177 741 преступление, а за 8 месяцев 2023 г. рост составил 26 % от тяжких и особо тяжких преступлений. Более четверти — 26 % от общего массива тяжких и особо тяжких посягательств — приходится на деяния, связанные с незаконным оборотом наркотиков. Из незаконного оборота изъято 17,5 тонн наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, а также сильнодействующих веществ [1]. По статистическим данным Главного информационно-аналитического центра МВД России, за январь–декабрь 2022 г. каждое тридцать четвертое расследованное преступление было совершено несовершеннолетними или при их соучастии. Всего за отчетный период несовершеннолетними было совершено 30 469 уголовно наказуемых деяний [2]. По данным Следственного комитета РФ, больше половины возбужденных уголовных дел составляют кражи, на втором месте — дела, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, а на третьем месте — преступления, совершенные на сексуальной почве [3]. Следует обратить внимание и на тот факт, что в результате незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ погибает большое количество несовершеннолетних. Наиболее частые причины смерти — передозировка, убийство, самоубийство, СПИД, гепатит В и С. Так, согласно статистической отчетности, численность населения на январь 2022 г. составила 146 447 424 человека, из них количество молодого населения страны сократилось на 70 тысяч человек [4]. Несмотря на последовательно проводимую политику государства в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств, в т. ч. и с использованием сети Интернет, в обществе продолжают сохраняться причины и условия, которые определяют развитие подростковых правонарушений

и проявление девиантного поведения несовершеннолетних. Правонарушения таких субъектов составляют существенную часть от общего количества противоправных деяний в стране, фактически, как было указано выше, каждое десятое из них в России совершается несовершеннолетними или при их участии.

Такой рост свидетельствует о неблагоприятных социальных процессах, экономических и культурных факторах, происходящих в обществе. Кроме того, подростковый период характеризуется определенными психологическими особенностями, повышенной восприимчивостью к внешнему окружению. Причинами противоправного поведения среди несовершеннолетних в основном становятся семейное неблагополучие, недостаточная материальная обеспеченность, отсутствие должного контроля со стороны законных представителей, органов опеки и попечительства, социальной защиты населения, здравоохранения, образования, органов внутренних дел, комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, высокая латентность выявления неблагополучных семей, недостаточный уровень взаимодействия между субъектами системы профилактики.

В настоящее время все чаще в противоправную деятельность по незаконному распространению наркотических средств при помощи сети Интернет вовлекаются несовершеннолетние. Молодые люди, желая заработать «легкие деньги», соглашаются на выполнение определенных заданий наркоторговцев, как правило, бесконтактным способом, с использованием сети Интернет осуществлять сбыт наркотиков. При этом молодые люди зачастую не осознают все последствия от совершаемых ими деяний, связанных как с наказанием, так и вредом неограниченному числу лиц, являющихся потребителями наркотиков. Способы совершения правонарушений в сфере незаконного распространения наркотических средств, совершаемых посредством сети Интернет, к сожалению, на данный момент развиваются намного быстрее, чем законодательство, а также методы и способы их предотвращения и выявления. Чаще всего интернет-пользователи посредством сети узнают информацию о месте, способе и стоимости приобретения, сбыте наркотических препаратов. Продавцы, в свою очередь, применяют Всемирную сеть для сотрудничества с заказчиками в условиях полной конфиденциальности. По мнению несовершеннолетних, их методы конспирации в сети совершенны, однако, как правило, правоохранительными

¹ Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 23 ноября 2020 г. № 733 // Собрание законодательства РФ. 2020. № 48. Ст. 7710.

органами такие правонарушения выявляются достаточно часто.

Вместе с тем главными проблемными вопросами, связанными со способами организации противоправных деяний по незаконному обороту наркотических средств с использованием сети Интернет, являются:

1) каким образом кооперируются субъекты правонарушений, какими способами шифруются, скрываются, договариваются;

2) как именно происходят расчеты.

Относительно первого вопроса можно констатировать, что каждый объект (дом, квартира, комната в общежитии и т. д.), где подключен интернет, обладает своим индивидуальным IP-адресом. IP-адрес — уникальный идентификатор устройства (обычно компьютера), подключенного к локальной сети или интернету. IP-адреса представляют собой основной тип адресов, на основании которых сетевой уровень протокола IP передает пакеты между сетями. Назначается адрес администратором во время конфигурирования компьютеров и маршрутизаторов. По любому IP-адресу в случае необходимости уполномоченный на то орган может определить место, с которого происходили какие-либо действия с использованием интернета. Однако современные технологии настолько развиты, что ложная замена IP-адреса не является чем-то сложным для обычного человека. Чтобы изменить адрес, необходимо скачать общедоступное приложение виртуальной частной сети — VPN, и становится возможным быть условным жителем Индонезии или Бразилии, находясь на территории Российской Федерации. При подключении к интернету через VPN программное обеспечение создает безопасное соединение между устройством и удаленным VPN-сервером, шифруя данные просмотра веб-страниц и скрывая IP-адрес. Для устранения данной проблемы, по нашему мнению, необходимо установить запрет в Российской Федерации на какие-либо приложения/софты VPN.

Уход от ответственности за незаконное распространение наркотических средств бесконтактным способом может осуществляться также путем обмана и регистрации на сервисах с помощью цифровых сим-карт (ESIM). При использовании ESIM можно звонить, отправлять СМС и выходить в интернет. Если обычные сим-карты регистрируются по паспортным данным и по ее номеру можно определить владельца и его местоположение, то, что касается цифровых сим-карт, если подключить VPN, изменяется видимое местоположение, передавая трафик через сервер в другом месте. Злоу-

мышленники часто пользуются рассылками, звонками, обсуждениями при помощи таких цифровых сим-карт.

Есть еще несколько способов изменить свой IP-адрес и таким образом скрыть свое местоположение.

1. Использование прокси-сервера. Прокси является посредником, который подключается к веб-сайту и отправляет адрес прокси вместо адреса злоумышленника, но в отличие от VPN соединение не шифруется.

2. Использование Tor (The Onion Router). Сообщения отправляются через ряд узлов, каждый из которых знает только тот узел, который был до него и после него, поэтому трудно отследить первоначальное соединение.

Кроме того, бесконтактный незаконный оборот наркотических средств может осуществляться через социальные сети, которые оформлены на сим-карты, используя паспортные данные другого человека. Установить реального злоумышленника в данной ситуации крайне сложно.

В последнее время злоумышленниками активно используются социальные сети и мессенджеры при помощи так называемого чата, в котором сообщения исчезают, автоматически удаляются, и в совокупности нереально установить ни личность, ни содержание переписки. Большинство «вербовок» несовершеннолетних и подготовок по реализации наркотических средств производится именно в социальных сетях и мессенджерах.

Еще один способ нелегальной реализации наркотиков осуществляется в компьютерных играх, которыми так увлечены подростки. Это очень неожиданный и сложный вид. Если телефон можно прослушать, сообщения прочитать, вычислить человека по данным регистрации и т. д., то в компьютерных играх встреча осуществляется в определенном месте в виртуальном пространстве, и по голосовому или текстовому чату обсуждается место, время, цена или действия, которые должен совершить подросток. Это достаточно сложно отследить из-за того, что все данные удаляются.

Анализируя данный способ распространения наркотических средств, сложно предположить, каким образом возможно решить данный вопрос, но, по нашему мнению, в данной ситуации скорее всего поможет создание суверенного интернета, прозрачность в регистрации сим-карт, т. к. при авторизации в сети Интернет часто используется e-mail, который привязан к номеру телефона, получить который возможно будет, только указав паспортные данные.

Кроме того, реализация наркотических средств может осуществляться через DarkNet («черный интернет»), доступный только через специализированные браузеры. При помощи зашифрованного соединения между участниками используются собственные адреса ресурсов. Эти сайты не индексируются. Правовая природа «черного интернета» невероятно сложна и запутана. В нем идет оборот крупных партий наркотиков, оружия, запрещенных вещей, человеческих органов, человеческих жизней.

Отдельного внимания, на наш взгляд, заслуживает создание самого сетевого ресурса организаторами распространения наркотических средств. Это может быть как автоматизированный сайт, так и отдельная страница интернет-сообщества. Путем «присоединения» к уже созданному сайту организатор незаконного распространения наркотических средств может размещать рекламу наркотических средств, стоимость, возможные способы оплаты, возможные способы передачи средств, места закладок. При этом такие сетевые ресурсы могут находиться за рубежом, что обеспечивает дополнительную защищенность от обнаружения и пресечения противозаконной деятельности. Блокировка сайтов с территории Российской Федерации показала свою неэффективность. При изменении браузера без трудностей можно получить необходимую информацию. И в данном случае мы предлагаем следующий порядок пресечения такой противоправной деятельности:

- осуществление системного мониторинга сетевых ресурсов, что позволяет обнаружить интернет-магазины, после чего необходимо направлять электронные обращения с материалами в Роскомнадзор, осуществляющий блокировку интернет-ресурсов на уровне провайдеров. В данном случае необходимо использовать автоматизированные поисковые системы, которые будут блокировать доступ пользователей к противоправному контенту и исключать выдачу ссылок на ресурсы, содержащие информацию по незаконному обороту наркотических средств;

- следующим шагом должны стать мероприятия по обнаружению устройств, которые являлись средствами коммуникации (мобильные телефоны, планшеты, компьютеры и т. д.). Идентификационным признаком, по которому должен быть определен предмет коммуникации, является IP-адрес и физический адрес (назначается производителем оборудования). Соответственно, установление IP-адреса позволит определить местонахождение абонента и впоследствии задокументировать

сеансы соединения и содержание передаваемой информации, что, в свою очередь, будет являться доказательством совершения лицом противоправного деяния. Снятие информации с технических каналов связи осуществляется в рамках оперативно-розыскных мероприятий;

- необходимо устанавливать схемы легализации и вывода денег, полученных от незаконной продажи наркотических средств, полученных с использованием электронных платежных систем и криптовалют. При незаконном обороте наркотиков чаще всего используются такие платежные системы, как QIWI-кошельки, вместе с тем доступ к графическим схемам финансовых потоков имеют только компании платежных систем, а в рамках оперативно-розыскных мероприятий доступ к такой информации невозможен. Расчеты могут осуществляться и при помощи криптовалют. Валюта хранится на кошельках владельцев в зашифрованном виде, и все транзакции анонимны. Вывод денег осуществляется через различные сайты, являющиеся обменными пунктами, и интернет-биржи. Контроль за биржевыми операциями позволит выявлять преступные финансовые схемы. Традиционным способом выявления незаконных операций с наркотическими средствами является получение информации от самих наркопотребителей.

Получение такой информации основано на классических способах и методах оперативно-розыскной деятельности. Данная информация представляет особую ценность, поскольку содержит информацию о закладчиках-курьерах, местах хранения и приемах конспирации. Определив личность закладчика-подростка путем оперативно-розыскных мероприятий, устанавливаются все участники группы, проводится оценка полученных сведений, такая информация фиксируется, и в кратчайшие сроки производятся все необходимые оперативно-следственные мероприятия (задержание, обыск, личный досмотр, изъятие, допросы и др.).

Способов организации незаконного оборота наркотических средств с использованием сети Интернет бескрайнее множество, при этом все развивается, меняется, совершенствуется. При решении проблем незаконного оборота наркотиков возникает много вопросов, начиная от нехватки специалистов в IT-сфере до непонимания людьми такой сложной системы. Для решения указанных проблем мы предлагаем:

- 1) создание подконтрольного интернета;
- 2) регистрацию сим-карт исключительно «вживую», используя паспортные данные, отказ от цифровых сим-карт;

- 3) запрет VPN-приложений;
- 4) запрет криптовалюты либо обеспечение ее прозрачности.

Кроме того, проблемным вопросом также является тот факт, что профилактические мероприятия по недопущению правонарушений несовершеннолетних регламентированы большим объемом как международно-правовых нормативных актов и соглашений, так и национальными законодательными и подзаконными актами. Значительное число таких нормативных документов требует систематизации и актуализации, что свидетельствует о необходимости изменения, в т. ч. регламентации, механизмов профилактики противоправного поведения несовершеннолетних. Например, приказ МВД России от 15 октября 2013 г. № 845¹ ориентирует сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних на профилактику правонарушений, совершаемых несовершеннолетними по месту проживания и в общественных местах. Однако следует обратить внимание, что значительное число правонарушений совершается подростками с использованием сети Интернет (нелегальная продажа запрещенных и ограниченных в обороте веществ и пр.). В подобных случаях, когда лицо не привлекается к ответственности, чувствуя свою безнаказанность, оно утверждает в мысли о том, что и в будущем ему можно нарушать установленные нормы и правила.

Специфическая задача в сфере превентивной деятельности заключается в проведении ранней профилактики, т. е. создании таких условий, которые будут обеспечивать нормальное развитие несовершеннолетних лиц, как физическое, так и психологическое. Формирование правосознания, устойчивой системы ценностей и законопослушного поведения, позитивного отношения к правовым нормам закладывается в раннем возрасте. Соблюдение всех вышеуказанных условий позволит сформировать здоровую законопослушную личность, ответственного гражданина Российской Федерации.

Следует отметить, что незаконный оборот наркотических средств носит сложный многоуровневый и систематизированный характер, начиная от

поставки ограниченно оборотоспособных веществ до их реализации и легализации полученных доходов. Такая деятельность возможна только хорошо организованными группами, имеющими в своем распоряжении как финансовые ресурсы, так и новейшие разработки в области IT-технологий. Использование сети Интернет при незаконном распространении наркотических средств создает немало трудностей при выявлении и раскрытии правонарушений такого рода. При этом у сотрудников оперативных служб возникают трудности при фиксации доказательств по распространению наркотических средств бесконтактным способом, их оплате, осуществляемым несовершеннолетними. Также следует отметить, что отнесение того или иного вещества к наркотическим средствам занимает значительное время, тогда как новые потенциально опасные наркотические средства с измененной химической формулой состава очень быстро появляются на рынке.

Незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ в Российской Федерации растет с каждым годом, вовлекая в их потребление все большее количество граждан страны, особенно подрастающего поколения. Увеличивается доля сильно концентрированных и синтетических наркотических средств и психотропных веществ в незаконном обороте. К хранению и реализации наркотиков часто привлекаются подростки. Прибыль от нелегального оборота наркотических средств и психотропных веществ становится финансовым фундаментом для преступной деятельности организованных преступных групп и международных террористов. Получение огромного дохода от незаконной торговли наркотиками и психотропными веществами порождает заинтересованность преступных формирований в постоянном совершенствовании механизма преступной деятельности, связанной с распространением наркотиков, с использованием сети Интернет, а в условиях обострения политической обстановки это может активно использоваться иностранными спецслужбами для подрыва интересов и национальной безопасности Российской Федерации.

¹ Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 15 октября 2013 г. № 845 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2014. № 11.

Список источников

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–август 2023 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/41741442/> (дата обращения: 09.10.2023).
2. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2022 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/35396677/> (дата обращения: 20.09.2023).
3. В Следственном комитете РФ обсудили подростковую преступность. URL: <https://rg.ru/2022/09/22/otvetili-generalu.html> (дата обращения: 20.09.2023).
4. Численность населения Российской Федерации на 1 января 2022 года // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_chislen_nasel-pv_01-01-2022.pdf (дата обращения: 17.09.2023).

References

1. Kratkaya harakteristika sostoyaniya prestupnosti v Rossijskoj Federacii za yanvar'–avgust 2023 goda. URL: <https://mvd.rf/reports/item/41741442/> (data obrashcheniya: 09.10.2023).
2. Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar'–dekabr' 2022 goda. URL: <https://mvd.rf/reports/item/35396677/> (data obrashcheniya: 20.09.2023).
3. V Sledstvennom komitete RF obsudili podrostkovuyu prestupnost'. URL: <https://rg.ru/2022/09/22/otvetili-generalu.html> (data obrashcheniya: 20.09.2023).
4. Chislennost' naseleniya Rossijskoj Federacii na 1 yanvarya 2022 goda // Oficial'nyj sajt Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_chislen_nasel-pv_01-01-2022.pdf (data obrashcheniya: 17.09.2023).

Информация об авторах

- Д. В. Вечерникова* — кандидат юридических наук.
Е. Р. Макоева — кандидат философских наук.
В. В. Тырышкин — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

- D. V. Vedernikova* — Candidate of Science (Law).
E. R. Makoeva — Candidate of Science (Philosophy).
V. V. Tyryshkin — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 09.01.2024; одобрена после рецензирования 09.02.2024; принята к публикации 22.02.2024.

The article was submitted 09.01.2024; approved after reviewing 09.02.2024; accepted for publication 22.02.2024.

Алтайский юридический вестник. 2024. № 1 (45). С. 26–30.

Altai Law Journal. 2024. № 1 (45). P. 26–30.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 343.1:342.9

СУДОПРОИЗВОДСТВО ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Владимир Владимирович Головко¹, Юлия Александровна Селиверстова²

¹ Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского, Омск, Россия,
golovkovlad@yandex.ru

² Апелляционный суд Ямало-Ненецкого автономного округа, Салехард, Россия

Аннотация. В статье исследуются актуальные проблемы российского законодательства в области деятельности районных и мировых судов. На основе анализа практики применения их решений формулируются предложения по совершенствованию правоприменения административной юстицией, повышению эффективности применения процессуальных и материальных норм административного, гражданского и арбитражного права.

Ключевые слова: стратегическое развитие и систематизация законодательства, производство по делам об административных правонарушениях, обжалование в апелляционном суде решений, принятых должностными лицами органов исполнительной власти и судьями

Для цитирования: Головко В. В., Селиверстова Ю. А. Судопроизводство по делам об административных правонарушениях: проблемы и перспективы // Алтайский юридический вестник. 2024. № 1 (45). С. 26–30.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

JUDICIAL PROCEEDINGS IN CASES OF ADMINISTRATIVE OFFENSES: PROBLEMS AND FUTURE

Vladimir V. Golovko¹, Yulia A. Seliverstova²

¹ Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia, golovkovlad@yandex.ru

² The Court of Appeals of Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, Salekhard, Russia

Abstract. The article examines current problems of the Russian legislation in the field of activities of district and magistrate courts. Based on an analysis of the practice of applying their decisions, proposals are formulated to improve the enforcement of administrative justice, to increase the efficiency of the application of procedural and substantive norms of administrative, civil and arbitration law.

Keywords: strategic development and systematization of legislation, proceedings in cases of administrative offenses, appeal to the court of appeal of decisions made by officials of executive authorities and judges

For citation: Golovko V. V., Seliverstova Yu. A. Judicial proceedings in cases of administrative offenses: problems and future. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2024;1:26–30 (In Russ.).

© Головко В. В., Селиверстова Ю. А., 2024

В правоведении правонарушение (проступок) рассматривается в качестве фактического основания юридической ответственности. Следовательно, основание административной ответственности составляет административное правонарушение. В этом проявляется тесная взаимосвязь и взаимообусловленность административного правонарушения и административной ответственности: с одной стороны, без правонарушения нет административной ответственности, а с другой — основанием административной ответственности выступает правонарушение. В силу этого понятия «административное правонарушение» и «административная ответственность» существуют как неразрывные правовые категории [1].

Поэтому для того чтобы лучше раскрыть сущность и содержание административной ответственности, необходимо провести подробный анализ имеющихся в юридической литературе теоретических разработок, посвященных проблеме административного правонарушения.

Законодательное определение понятия «административное правонарушение» дано в ст. 2.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. До этого различные дефиниции данного понятия содержались также в научной и учебной литературе. Согласно действующему законодательству административным правонарушением признается противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое кодексом или законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях установлена административная ответственность.

Юридический анализ понятий правонарушения в целом и административного деликта в частности позволяет выявить наиболее общие и существенные признаки, которые свойственны любому правонарушению. Однако общее понятие правонарушения еще не способно раскрыть специфических черт, особенностей, признаков, характерных лишь для административного проступка, а также их соотношения с другими признаками, например признаками состава правонарушения, основаниями административной ответственности, с которыми он находился в неразрывной связи и взаимозависимости.

Для более глубокого и всестороннего изучения понятия административного деликта необходимо исследовать его содержание, обусловленное объективными и субъективными факторами.

В юридической литературе решению этого вопроса уделялось достаточное внимание [2, 3, 4, 5,

6, 7]. Ученые-юристы разработали большое количество различных определений административного правонарушения. Например, А. В. Серегин говорит о противоправном действии как о виновном антиобщественном деянии (действии или бездействии), нарушающем общественные правила поведения, охраняемые мерами административного воздействия [8, с. 54]. Имеются и другие определения, подчеркивающие различные аспекты проступка. Однако подавляющее большинство авторов обращают внимание на такие признаки, как противоправность, административная наказуемость, общественная опасность (вредность, вредоносность) и виновность деяния нарушителя [9, 10]. Продолжение дискуссии в административно-правовой литературе говорит о том, что эта проблема далека от разрешения [11, 12, 13, 14].

Понимание содержания административного процесса и судопроизводства исходя из того, что общественная опасность различных правонарушений, включенных в КоАП РФ, как представляется, существенно отличается. Более того, некоторые составы административных правонарушений приобрели данное качество в результате их трансформации из уголовно-правовых деяний в административно-правовые (в т. ч. относительно декриминализации юридических составов побоев (ст. 116 УК РФ в соответствующей части), оскорбления (ст. 129 УК РФ), клеветы (ст. 130 УК РФ)).

Обращает на себя внимание включение в состав КоАП РФ таких составов противоправных деликтов, как, например, мелкое хищение (ст. 7.27 КоАП РФ), управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения, если такие действия не содержат уголовно наказуемого деяния (ст. 12.8 КоАП РФ), которое не может не иметь общественной опасности, но в то же время она не настолько велика, чтобы отнести его к уголовным преступлениям.

Таким образом, можно констатировать, что наряду с противоправными действиями, которые являются незначительными с точки зрения степени их общественной опасности, в КоАП РФ включены составы административных правонарушений, в т. ч. вышеуказанные, которые невозможно с точки зрения их умышленности (побои, мелкое хищение) и возможности наступления тяжких последствий (управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения) отнести к общей массе незначительных по степени их общественной опасности.

Важно отметить, что в настоящее время на основании постановления Пленума Верховного Суда

Российской Федерации от 13 октября 2020 г. № 24 в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации (далее — Государственная Дума) повторно внесен проект федерального закона о внесении изменений в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство в связи с введением в сферу уголовной юстиции понятия «уголовный проступок»¹, в котором декриминализуется ряд преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации.

По нашему мнению, имеются основания для отнесения к числу уголовных проступков как особого вида общественно опасного посягательства наиболее тяжких составов административных правонарушений, включенных в КоАП РФ. При этом к особенностям правового регулирования таких уголовных проступков, полагаем, возможно отнести отсутствие судимости за их совершение. Помимо того что по степени тяжести и значимости негативных последствий такого деяния для потерпевшей стороны отнесение административных правонарушений к уголовным проступкам обеспечит баланс между правом потерпевшего на восстановление его нарушенных прав и обязанностью виновного понести заслуженное наказание, отнесение таких административных деяний к категории уголовных проступков позволит также увеличить сроки привлечения виновных к уголовной ответственности за совершенное деяние. Ни для кого не секрет, что зачастую в результате действий лиц, привлекаемых к административной ответственности за совершение побоев, управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения, по затягиванию процесса рассмотрения и разрешения судом истекает сокращенный (по сравнению с уголовным законодательством) срок привлечения такого лица к ответственности, что не способствует поддержанию в обществе надлежащего уровня правопорядка и безопасности.

При этом мы полагаем, что заслуживает внимания опыт западноевропейских государств, в которых все публичные правонарушения, даже включая нарушения правил дорожного движения, предусматривают уголовную ответственность по

двух- или трехуровневой системе классификации уголовных деяний².

Данные законодательные установления западноевропейских правовых систем соответствуют позициям Европейского Суда по правам человека, согласно которым административные правонарушения, рассматриваемые в порядке судопроизводства, входят в сферу уголовных деяний (criminalmatter).

По сходному пути реформирования в части введения в правовое поле института уголовного проступка идут и некоторые государства постсоветского пространства, в частности Республика Казахстан, в которой введенный в действие с 01.01.2015 новый Уголовный кодекс разграничивает в части 1 статьи 10 уголовные правонарушения в зависимости от степени общественной опасности и наказуемости на уголовные проступки и преступления, подразделяя последние в части 1 статьи 11 УК РК, в свою очередь, на традиционные для постсоветского пространства категории — преступления небольшой тяжести, средней тяжести, тяжкие преступления и особо тяжкие преступления. При этом в статье 10 УК РК дается понятие уголовного проступка, под которым понимается виновно совершенное деяние (действие либо бездействие), не представляющее большой общественной опасности, причинившее незначительный вред либо создавшее угрозу причинения вреда личности, организации, обществу или государству, за совершение которого предусмотрено наказание в виде штрафа, исправительных работ, привлечения к общественным работам, ареста, выдворения за пределы Республики Казахстан иностранца или лица без гражданства.

Таким образом, считаем возможным исключение из КоАП РФ совокупности составов проступков, имеющих достаточную общественную опасность, предусматривающих возможность наложения административных наказаний, связанных с ограничением права на свободу передвижения лица, привлекаемого к административной ответственности (арест), либо с повышенным размером применяемых в качестве административного наказания материальных санкций. Данные деяния, полагаем, могут быть отнесены к уголовным про-

¹ О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка» [Электронный ресурс]: постановление Пленума ВС РФ от 13 октября 2020 г. № 24. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Например, в Австрии, Бельгии, Германии, Швейцарии уголовные правонарушения классифицируются на две категории — преступления и проступки, тогда как во Франции они имеют трехуровневую систему, исходя из общественной опасности совершенного деяния, и подразделяются на собственно преступления, проступки и нарушения.

ступкам, регулируемым уголовным законодательством. С учетом небольшой степени общественной опасности данных дел по сравнению с обычными категориями преступлений они могут быть отнесены к подсудности мировых судей.

Таким образом, отнесение административных правонарушений, предусмотренных в КоАП РФ, к уголовным проступкам с определением их подсудности мировым судьям, а также передача полномочий по рассмотрению и разрешению остальной части дел органам исполнительной власти повлекут оптимизацию организации судопроизводства, будут способствовать снижению необоснованно завышенной нагрузки на судебную систему.

Полагаем, что отнесение составов административных правонарушений к числу уголовных проступков будет соответствовать позиции авторов вышеуказанного законопроекта, в соответствии с которой «уголовный проступок, с одной стороны, содержит все признаки преступления, в том числе является общественно опасным, а с другой стороны, отличается тем, что его опасность для общества является минимальной, равно как и опасность лица, его совершившего, что позволяет применить к нему иные меры уголовно-правового характера, не являющиеся уголовным наказанием»¹.

Представляется бессмысленным отрицать, что такие противоправные деяния, как, например, нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных

в статье 115 Уголовного кодекса Российской Федерации (ст. 6.1.1 КоАП РФ), равно как и мелкое хищение чужого имущества, стоимость которого не превышает одну тысячу рублей, путем кражи, мошенничества, присвоения или растраты при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных соответствующими нормативными предписаниями Уголовного кодекса Российской Федерации (ч. 1 ст. 7.27 КоАП), и другие имеют общественную опасность, степень которой является при этом минимальной. Они, по сути, представляют собой уголовные проступки, но в указанном законопроекте не содержится критериев отнесения их к уголовным деяниям.

Остальные административные правонарушения, полагаем, нужно отнести к юрисдикции квазисудебных органов, в т. ч. органов внутренних дел с возможным воплощением в жизнь прогрессивной идеи профессора Ю. П. Соловья о принятии Полицейского кодекса Российской Федерации [15, с. 426–428; 16, с. 22–23].

Все это, на наш взгляд, позволит оптимизировать (снизить) завышенную в настоящее время нагрузку на судебную систему, повысить эффективность ее деятельности. Кроме того, применение данного подхода позволит обеспечить соблюдение принципа социальной справедливости и баланс прав и интересов участников деликтного правоотношения, плотный судебный контроль за административным усмотрением органов публичной власти.

Список источников

1. Головкин В. В., Слышалов И. В. Административная деятельность ГИБДД: монография. Омск: Омская академия МВД России, 2019.
2. Агапов А. Б. Административная ответственность. М., 2000.
3. Бахрах Д. Н., Ренов Э. В. Административная ответственность. Екатеринбург, 2004.
4. Россинский Б. В. Административная ответственность. М., 2020.
5. Салищева Н. Г. Проблемные вопросы института административной ответственности в России. М., 2018.
6. Стариков Ю. Н. Административная реформа: основные проблемы переходного периода. М., 2021.
7. Якимов А. Ю. Административная ответственность и презумпция невиновности. М., 2004.
8. Серегин А. В. Советский общественный порядок и административно-правовые средства его укрепления. М., 1975.
9. Ключниченко А. П. Административно-правовая борьба с мелким хулиганством и злостным пьянством. Киев, 1967.
10. Бахрах Д. Н. Административная ответственность граждан. Екатеринбург, 2015.

¹ Проект Федерального закона № 1112019-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 15.02.2021). Пояснительная записка [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Бахрах Д. Н. Административное право России: учебник. М., 2022.
12. Попов Л. Л. Административное право России: учебник. М., 2023.
13. Алехин А. П., Кармолицкий А. А., Козлов Ю. М. Административное право Российской Федерации: учебник. М., 2022.
14. Общее административное право: учебник / под ред. Ю. Н. Старилова. Воронеж, 2023.
15. Соловей Ю. П. Правовое регулирование деятельности милиции в Российской Федерации: монография. Омск, 1993.
16. Соловей Ю. П. Федеральный закон «О полиции» как основной источник отечественного полицейского права // Полиция — новый институт современной государственной правоохранительной системы: мат-лы Всероссийской научно-практ. конф-ции (15–16 сентября 2011 г.) / отв. за вып. С. М. Андреев. Омск: Омская академия МВД России, 2012. С. 22–23.

References

1. Golovko V. V., Slyshalov I. V. Administrativnaya deyatel'nost' GIBDD: monografiya. Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2019.
2. Agapov A. B. Administrativnaya otvetstvennost'. M., 2000.
3. Bahrah D. N., Renov E. V. Administrativnaya otvetstvennost'. Ekaterinburg, 2004.
4. Rossinskij B. V. Administrativnaya otvetstvennost'. M., 2020.
5. Salishcheva N. G. Problemnye voprosy instituta administrativnoj otvetstvennosti v Rossii. M., 2018.
6. Starilov Yu. N. Administrativnaya reforma: osnovnye problemy perekhodnogo perioda. M., 2021.
7. Yakimov A. Yu. Administrativnaya otvetstvennost' i prezumpciya nevinovnosti. M., 2004.
8. Seregin A. V. Sovetskij obshchestvennyj poryadok i administrativno-pravovye sredstva ego ukrepleniya. M., 1975.
9. Klyushnichenko A. P. Administrativno-pravovaya bor'ba s melkim huliganstvom i zlostnym p'yanstvom. Kiev, 1967.
10. Bahrah D. N. Administrativnaya otvetstvennost' grazhdan. Ekaterinburg, 2015.
11. Bahrah D. N. Administrativnoe pravo Rossii: uchebnik. M., 2022.
12. Попов Л. Л. Административное право России: учебник. М., 2023.
13. Алехин А. П., Кармолицкий А. А., Козлов Ю. М. Административное право Российской Федерации: учебник. М., 2022.
14. Общее административное право: учебник / под ред. Ю. Н. Старилова. Воронеж, 2023.
15. Соловей Ю. П. Правовое регулирование деятельности милиции в Российской Федерации: монография. Омск, 1993.
16. Соловей Ю. П. Федеральный закон «О полиции» как основной источник отечественного полицейского права // Полиция — новый институт современной государственной правоохранительной системы: мат-лы Всероссийской научно-практ. конф-ции (15–16 сентября 2011 г.) / отв. за вып. С. М. Андреев. Омск: Омская академия МВД России, 2012. С. 22–23.

Информация об авторах

В. В. Головкин — доктор юридических наук, профессор.

Ю. А. Селиверстова — кандидат юридических наук.

Information about the authors

V. V. Golovko — Doctor of Science (Law), Professor.

Yu. A. Seliverstova — Candidate of Science (Law).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 31.01.2024; одобрена после рецензирования 06.02.2024; принята к публикации 22.02.2024.

The article was submitted 31.01.2024; approved after reviewing 06.02.2024; accepted for publication 22.02.2024.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ УЧАСТКОВОГО УПОЛНОМОЧЕННОГО ПОЛИЦИИ В СФЕРЕ СЕМЕЙНО-БЫТОВЫХ ОТНОШЕНИЙ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Анатолий Борисович Дудаев¹, Юрий Валериевич Лукичев², Станислав Александрович Москаленко³

¹ Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина, Белгород, Россия,
dudaev.anatol@yandex.ru

^{2,3} Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия

² molmolmol7777788@gmail.com

³ qwerty22dj8@yandex.ru

Аннотация. В статье авторы исследуют особенности проведения мероприятий участковыми уполномоченными полиции по профилактике семейно-бытовых конфликтов. Предупреждение семейно-бытовых конфликтов является важной частью профилактической деятельности участковых уполномоченных полиции. На основе проведенного авторами анализа предлагается ряд мер, способствующих усилению эффективности профилактики семейно-бытовых конфликтов уполномоченными сотрудниками полиции, что позволит снизить количество насильственных действий в семье.

Ключевые слова: участковый уполномоченный полиции, семейно-бытовые конфликты, социально-психологические факторы, предотвращение, алкоголизация, семейные взаимоотношения, несовершеннолетние

Для цитирования: Дудаев А. Б., Лукичев Ю. В., Москаленко С. А. Проблемные аспекты при организации профилактической работы участкового уполномоченного полиции в сфере семейно-бытовых отношений и пути их решения // Алтайский юридический вестник. 2024. № 1 (45). С. 31–37.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

PROBLEMATIC ASPECTS IN THE ORGANIZATION OF PREVENTIVE WORK OF THE DISTRICT POLICE COMMISSIONER IN THE FIELD OF FAMILY AND HOUSEHOLD RELATIONS AND WAYS TO SOLVE THEM

Anatoly B. Dudaev¹, Yuri V. Lukichev², Stanislav A. Moskalenko³

¹ Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, Belgorod, Russia,
dudaev.anatol@yandex.ru

^{2,3} Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, Saint Petersburg, Russia

² molmolmol7777788@gmail.com

³ qwerty22dj8@yandex.ru

Abstract. The authors investigate the features of carrying out activities by district police commissioners for the prevention of family and domestic conflicts. Taking into account the specifics of family and household relations and their versatility, it is necessary to improve the activities of internal affairs bodies aimed at its prevention and prevention of deviant behavior within families. The prevention of family and domestic conflicts is an important part of the preventive activities of the district police commissioners. Based on the analysis carried out by the authors, a number of measures are proposed to enhance the effectiveness of prevention of family and domestic conflicts by authorized police officers, which will reduce the number of violent acts in the family.

Keywords: district police commissioner, family and domestic conflicts, socio-psychological factors, prevention, alcoholism, family relationships, minors

For citation: Dudaev A. B., Lukichev Yu. V., Moskalenko S. A. Problematic aspects in the organization of preventive work of the district police commissioner in the field of family and household relations and ways to solve them. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2024;1:31–37 (In Russ.).

В структуре полиции служба участковых уполномоченных полиции (далее — УУП) является универсальной и многозадачной. На одном из заседаний коллегии МВД России Министром внутренних дел Владимиром Колокольцевым было отмечено, что в раскрытии преступлений и в деятельности, направленной на профилактику правонарушений, отмечается высокая степень участия и роль именно участковых уполномоченных полиции, поскольку они «работают на земле, с населением и знают проблемы, складывающиеся на обслуживаемой территории» [1].

Не является исключением и профилактическая деятельность участкового уполномоченного полиции по предупреждению правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений, которая может осуществляться в различных формах несения службы и обеспечена различными формами профилактического воздействия.

Общие требования к несению службы УУП содержатся в Приказе МВД России от 29.03.2019 № 205 «О несении службы участковыми уполномоченными полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» (далее — приказ МВД России № 205), который является руководящим правовым актом в деятельности УУП.

Свою деятельность при несении службы УУП осуществляет не только на обслуживаемом административном участке, но и находясь в служебном помещении, расположенном на административном участке — участковом пункте полиции (при наличии), в ходе приема граждан.

В настоящее время приказом МВД России № 205 установлены следующие формы несения службы УУП:

- 1) профилактический обход административного участка;
- 2) рассмотрение обращений граждан;
- 3) индивидуальная профилактическая работа;
- 4) прием граждан;
- 5) отчеты перед населением о проделанной работе.

Профилактический обход обслуживаемого административного участка — наиболее универсальная форма несения службы УУП, поскольку она может сочетаться с другими формами несения службы, такими как рассмотрение обращений и прием граждан, индивидуальная профилактическая работа, т. е. при обходе территории обслуживания, при посещении подучетных лиц УУП может и принять заявление от граждан, и среагировать на изменения в оперативной обстановке, и применить

меры профилактического воздействия в рамках индивидуальной профилактической работы.

УУП в ходе профилактического обхода посещает жилые помещения, общается с лицами, проживающими в них, устанавливает с ними доверительные отношения, проводит проверку лиц, состоящих на профилактическом учете, под административным надзором, осуществляет профилактические беседы, разъясняет лицам базовые понятия о моральной и правовой ответственности перед обществом, государством в результате совершения правонарушений и антиобщественных действий.

Поскольку совершить правонарушение, которое условно можно отнести к группе правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений, может не только подучетное лицо, а любой гражданин, проживающий на обслуживаемом административном участке, то профилактическая деятельность, осуществляемая УУП без применения форм адресного профилактического воздействия на конкретные категории подучетных лиц, — самая лучшая тактика предупреждения правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений.

Одной из разновидностей профилактического обхода административного участка является вручение визитных карточек гражданам и представителям организаций с целью обеспечения прямого взаимодействия с такими лицами для более оперативного реагирования на изменение в оперативной обстановке.

Во время профилактического обхода административного участка УУП обязан уделять особое внимание некоторым видам информации, полученной в том числе путем визуального наблюдения или общения с гражданами, и это не только информация о лицах, склонных к совершению бытовых преступлений, это еще информация:

- 1) о лицах, страдающих алкоголизмом и наркоманией;
- 2) случаях антиобщественного и противоправного поведения жильцов квартир и домовладений.

Поскольку данная категория лиц более склонна к совершению правонарушений в сфере семейно-бытовых правонарушений, реагирование на такую информацию — более чем оправданная мера.

Например, в описательной части постановления суда о совершении административного правонарушения, предусмотренного ст. 6.1.1 КоАП РФ «Побои», сказано, что в ходе несения службы УУП в форме профилактического обхода обслуживаемого административного участка к нему обратилась женщина с заявлением, что ее сожитель нанес

ей не менее трех ударов кулаком по лицу, поэтому она опасается возвращаться домой. Отреагировав на данную информацию, УУП пресек данное правонарушение, в результате чего в ходе рассмотрения дела об административном правонарушении сожитель заявительницы был привлечен к административной ответственности, а также поставлен на учет как допускающий правонарушения в семейно-бытовой сфере¹.

То есть УУП были применены меры административного принуждения для предупреждения правонарушений в сфере семейно-бытовых правоотношений.

Полученная в ходе профилактического обхода информация систематизируется, упорядочивается с целью накопления информационного обеспечения для последующего использования ее в служебной деятельности для лучшего понимания оперативной обстановки на обслуживаемой территории административного участка.

Таким образом, административный обход как одна из форм реализации служебных обязанностей участковым уполномоченным полиции при всей кажущейся простоте проводимых мероприятий приносит значительный результат в области предупреждения правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений.

Следующей формой несения службы УУП является рассмотрение обращений и прием граждан.

В территориальном органе МВД России прием граждан осуществляется в служебном помещении участкового пункта полиции, как правило, расположенном на обслуживаемом административном участке, по конкретным дням недели и времени. Все обращения, содержащие информацию о признаках преступлений и административных правонарушений, полученные в ходе приема граждан, оформляются соответствующим рапортом на имя начальника территориального органа МВД России (либо заявлением гражданина) с отражением информации об обстоятельствах обращения, которые передаются в конце рабочего дня в дежурную часть для регистрации в книге учета сообщений о происшествиях для последующей проверки в соответствии с положениями статей 144–145 УПК РФ², за исключением случаев, если в обращении

содержится информация, требующая незамедлительного реагирования или передачи ее в дежурную часть.

Обращения, полученные в ходе профилактического обхода обслуживаемого административного участка, передаются посредством телефонного сообщения в дежурную часть территориального органа МВД России.

В ходе приема граждан можно получить информацию о правонарушениях, которые в ходе профилактического обхода выявлены не были. Это может быть и информация о правонарушениях в семейно-бытовой сфере, в ходе проверки которой УУП может применить, помимо мер административного принуждения, в случае наличия события правонарушения еще и меры профилактического воздействия в виде административного убеждения.

Для того чтобы организация деятельности УУП была эффективной, а для граждан помощь полиции доступной, согласно п. 18 приказа МВД России № 205 УУП обеспечивается служебной связью, чтобы охватить максимально большое количество источников информации, которыми в данном случае являются граждане, для наиболее эффективного реагирования на изменения оперативной обстановки, а также для создания гражданам условий, которые по каким-либо причинам не могут прийти к УУП на прием, не желают раскрывать свою личность, приходиться с заявлением в территориальный орган МВД России, давать какие-либо объяснения, однако хотят сообщить о каком-либо происшествии.

Безусловно, информация о семейно-бытовом насилии может поступить к УУП таким образом, а значит и прием, и рассмотрение обращений граждан по праву могут считаться направлением профилактической деятельности участкового уполномоченного полиции по предупреждению совершения преступлений и административных правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений.

Следующая форма несения службы УУП, в ходе которой могут быть применены меры профилактического воздействия, однако только в отношении неопределенного круга лиц, — отчет перед населением о проделанной работе.

Нормативной основой проведения отчетов перед населением является Приказ МВД России от 30.08.2011 № 975 «Об организации и проведении отчетов территориальных органов МВД России»³.

³ Об организации и проведении отчетов должностных лиц территориальных органов МВД России: приказ МВД России от 30.08.2011 № 975 (ред. от 25.01.2021) // Российская газета. 2011. 30 нояб. № 219.

¹ Постановление суда № 5-800 по делу об административном правонарушении по ст. 6.1.1 КоАП РФ // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/9Hut4hCG3XJs/>

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 17.02.2023) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.

Отчеты бывают двух видов — ежеквартальные и годовые отчеты о результатах деятельности по всем службам и отчеты о деятельности УУП.

Так, система годовых отчетов не только позволяет всесторонне и объективно оценить деятельность территориального органа МВД России, но и в случае обнаружения в его деятельности существенных недостатков не допустить их появления в дальнейшем, т. е. годовой отчет перед населением не может быть рассмотрен в качестве инструмента профилактики семейно-бытового насилия. По-другому обстоят дела с ежеквартальными отчетами перед населением УУП. Отчеты в формате «живого выступления» проводятся, как правило, в зданиях муниципальных образований.

Например, в ходе доклада о результатах деятельности по итогам 2020 г. УУП в Невском районе было акцентировано внимание на увеличении количества лиц, привлекаемых к административной ответственности за бытовую преступность. После доклада УУП еще раз разъяснил собравшимся жителям о необходимости соблюдения закона и правовых последствиях его нарушения. Далее УУП дал возможность высказаться гражданам по различным вопросам, а также принял меры по их урегулированию [2, 3, 4].

Отчетность перед населением можно рассматривать как один из способов профилактики правонарушений, поскольку в месте проведения отчета, как правило, собирается большое количество граждан. Проведенная УУП пропаганда по недопущению совершения антиобщественных действий может оказать свое положительное воздействие и побудить некоторых граждан отказаться от своих противоправных замыслов.

Хотя и маловероятен такой сценарий, но исключать его в качестве способа профилактики правонарушений в сфере семейно-бытовых правонарушений было бы неправильно.

И наконец, к четвертной форме несения службы УУП, которая непосредственно относится к профилактической деятельности, связанной с предупреждением правонарушений в сфере семейно-бытового насилия, относится проведение индивидуальной адресной профилактической работы в отношении исчерпывающей категории лиц, в т. ч. допускающих правонарушения в семейно-бытовой сфере.

Основанием для постановки на учет лиц в качестве допускающих правонарушения в семейно-бытовой сфере и проведения в отношении них адресной профилактической работы является совершение ими правонарушений по ст. 6.1.1 КоАП

РФ, а также преступлений в виде причинения средней тяжести вреда здоровью, легкого вреда здоровью, побоев, истязаний, угроз убийством, либо если было принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела о семейно-бытовом насилии из-за отсутствия заявления потерпевшего, когда без него уголовное дело не может быть возбуждено, это касается дел о побоях, причинении легкого вреда здоровью.

Было бы неправильным не отметить и другие категории лиц, в отношении которых проводится индивидуальная профилактическая работа, поскольку каждая из категорий подучетных лиц способна на совершение правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений.

Так, это лица, в отношении которых установлен административный надзор, освобожденные из мест лишения свободы и имеющие непогашенную или неснятую судимость за тяжкие и особо тяжкие преступления против личности, больные алкоголизмом, состоящие на учете в медицинской организации.

По нашему мнению, проведение профилактических бесед с указанной категорией лиц, постановка их на профилактический учет, осуществление в отношении них профилактического надзора и применение других форм профилактического воздействия, установленных в ст. 17 Федерального закона от 23.06.2016 № 182 «Об основах системы профилактики правонарушений в России», позволяют добиться УУП снижения количества правонарушений и минимизации антиобщественного поведения указанной категории подучетных лиц в сфере семейно-бытовых отношений.

Следует отметить, что проведение профилактической работы не должно ограничиваться воздействием только на лицо, состоящее на учете. Проживающие с ним лица (как показывает практика) нередко способны проявлять ответную агрессию на противоправное поведение, т. е. лицо, склонное к совершению правонарушений, само вполне способно выступить в роли жертвы. Так, индивидуальная профилактическая работа с лицами, склонными к совершению правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений, должна носить комплексный характер, затрагивать как подучетника, так и его окружение.

Таким образом, резюмируя вышеизложенное, мы можем сделать следующие выводы.

Во-первых, в настоящее время деятельность УУП может осуществляться в четырех формах несения службы: профилактический обход административного участка, рассмотрение обращений

и прием граждан, индивидуальная профилактическая работа и отчет перед населением о проделанной работе.

Во-вторых, профилактическая деятельность участкового уполномоченного полиции по предупреждению правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений может осуществляться во всех формах несения службы и может быть обеспечена различными формами профилактического воздействия.

Несмотря на то что только адресные превентивные меры могут сказаться на результативности в деятельности УУП по противодействию правонарушениям в сфере семейно-бытовых правонарушений, не стоит забывать и про иные формы безадресного профилактического воздействия, применяемые при несении службы УУП, которые также являются неотъемлемой частью профилактической работы УУП по предупреждению правонарушений, поскольку совершить правонарушение, которое условно можно отнести к группе правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений, может не только подучетное лицо, но и любой гражданин, проживающий на обслуживаемом административном участке.

В целом участковый уполномоченный полиции имеет широкие возможности для профилактики совершения преступлений и административных правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений, и его работа является важным элементом в общей системе профилактики правонарушений в этой сфере.

С учетом вышеизложенного стоит отметить, что на сегодняшний день организация работы органов внутренних дел в Российской Федерации напрямую зависит от уровня компетенции сотрудников (работников), которые обеспечивают системное функционирование и разрешение поставленных целей и задач.

Не являются исключением и органы внутренних дел, которые реализуют в своей работе правоохранительный круг таких целей и задач.

Первой проблемой в организации профилактической работы полиции по предупреждению правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений является некомплект личного состава органов внутренних дел.

На последнем расширенном заседании коллегии МВД России Владимир Колокольцев публично признался в проблеме кадрового обеспечения в ОВД, назвав ситуацию очень напряженной, поскольку по всем ключевым направлениям комплектования служб (в уголовном розыске, в под-

разделениях участковых уполномоченных полиции и по делам несовершеннолетних, в патрульно-постовой службе) наблюдается тенденция к оттоку кадров [5]. Далее Владимир Колокольцев отметил, что «в условиях некомплекта оставшиеся сотрудники вынуждены работать с дополнительной нагрузкой», что, разумеется, не может не сказаться на деятельности, связанной с предупреждением совершения правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений.

После выступления Владимира Колокольцева в феврале 2022 г. на расширенной коллегии МВД России следующий доклад о состоянии кадровой политики в МВД России состоялся 19 октября 2022 г. на правительственном часе, где министр заявил, что служба участковых уполномоченных полиции не укомплектована почти на 20 % личного состава¹.

Решением указанной проблемы, как нам представляется, является увеличение денежного довольствия сотрудников органов внутренних дел, как и было предложено Владимиром Колокольцевым. Помимо этого, следует решать вопросы организационные, направленные на снижение бюрократической нагрузки на сотрудников полиции в целом и участковых уполномоченных в частности.

Следующим проблемным вопросом, как нам кажется, является неоднозначная позиция законодателя относительно основания для постановки лица в качестве допускающего правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений.

Что касается составов преступлений, совершаемых в семейно-бытовой сфере, следует отметить, что это деяния, предусмотренные ст. 112, 115, 116, 117, 119 Уголовного кодекса РФ, и правонарушения, предусмотренные ст. 6.1.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Если же побои нанесены лицом, подвергнутым административному наказанию, то такие действия виновного квалифицируются как уголовное деяние по ст. 116.1 УК РФ.

Но в семейно-бытовой сфере могут совершаться и другие преступления или административные правонарушения, которые равным образом могут стать причиной совершения тяжких или особо тяжких преступлений.

К ним можно отнести оскорбление, которое отмечает И. Н. Архипцев, обосновывая это тем,

¹ Проект федерального закона № 1183390-6 «О профилактике семейно-бытового насилия» (внесен 28.09.2016 депутатом ГД С. Ш. Мурзабаевой, членом СФ А. В. Беляковым) (не действует) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

что достаточно редко правонарушения происходят внезапно, в основном они имеют возрастающий, постепенный характер. Например, все начинается с незначительных оскорблений, затем побоев и заканчивается причинением тяжкого вреда здоровью, т. е. они происходят в течение достаточно продолжительного периода времени.

А как же семьи, в которых проживают лица, страдающие психическими расстройствами, больные алкоголизмом, лица, ранее судимые за аналогичные деяния, — все это лица, которые могут спровоцировать правонарушение в семейно-бытовой сфере.

В-третьих, это высокая латентность преступлений в семейно-бытовой сфере. Профилактика преступлений и правонарушений в сфере семейно-бытового насилия представляет определенную сложность, поскольку в российском обществе есть мнение, будто взаимоотношения в семье (в т. ч. разного рода насильственные действия) — это личное дело их членов. Из-за этого много негативных фактов остается латентными и не выносятся за пределы ячейки общества.

В связи с этим необходимо совершенствовать методику выявления и фиксации рассматриваемых деяний, более широко привлекать общественность и граждан к осуществлению содействия сотрудникам органов внутренних дел в решении данного вопроса, активно освещать положительные результаты деятельности участковых уполномоченных в средствах массовой информации.

В-четвертых, отсутствие правовых последствий постановки лица на учет в качестве допускающего правонарушения в семейно-бытовой сфере.

Например, административный надзор. Лицо, освобожденное из мест лишения свободы, в отношении которого установлен административный надзор, предупреждается об ответственности за нарушение установленного в отношении него режима временного ограничения прав и свобод: любое совершенное им правонарушение в пределах действий административного надзора приведет к усилению мер уголовной и административной ответственности, т. к. совершение преступления в состоянии рецидива, признается обстоятельством, отягчающим наказание.

Кроме того, на лицо, в отношении которого установлен административный надзор, налагаются определенные обязательства, например, не покидать место жительства после ночного времени, обязательство (как нам кажется, оно же и основное), согласно которому поднадзорное лицо обязано допустить сотрудников полиции в жилое

помещение в определенное время суток, в течение которого этому лицу запрещено пребывание вне указанного помещения.

Однако нельзя сказать того же в отношении проведения индивидуальной профилактической работы.

В пункте 33.3 приказа МВД России № 205 об организации деятельности УУП указано, что УУП посещает лиц, допускающих правонарушения в семейно-бытовой сфере, по месту их жительства или пребывания не реже одного раза в квартал с целью проведения с ними индивидуальной профилактической работы. Однако в отличие от лица, состоящего под административным надзором, лицо, состоящее на учете как допускающее правонарушения в семейно-бытовой сфере, может просто не открыть дверь УУП, и за это ему не будет никаких правовых последствий, соответственно, если говорить об инструментах профилактического воздействия с целью предупреждения правонарушений в сфере семейно-бытового насилия, когда нет объективных данных, свидетельствующих о событии правонарушения, УУП, кроме профилактической беседы (и то, если с ним захотят разговаривать), ничего сделать не сможет.

Поэтому и получается ситуация, что пока не будет совершено преступление или административное правонарушение в сфере семейно-бытовых отношений, реально оказать воздействие на такое лицо у сотрудников полиции нет никакой возможности.

Один из вариантов решения данной проблемы, предлагаемый депутатом Государственной Думы С. Ш. Мурзабаевой при внесении на рассмотрение в Государственную Думу законопроекта «О профилактике семейно-бытового насилия», — закрепить в законе норму о том, что на лицо, состоящее на профилактическом учете, возлагается обязанность являться в ОВД от 1 до 4 раз в месяц для профилактической беседы.

Даже если взять в качестве примера такую форму профилактического воздействия, как объявление официального предупреждения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения, порядок объявления которого регламентирован приказом МВД России от 04.03.2020, каких-либо серьезных правовых последствий отступления от предостережения не наступит.

Для решения указанной проблемы необходимо в качестве отягчающего вину обстоятельства добавить совершение правонарушений после

предостережения о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений, административных правонарушений, путем внесения соответствующих норм в Уголовный кодекс РФ и КоАП РФ. Возможно также введение административной ответственности за уклонение гражданина от проводимых сотрудником полиции индивидуальных профилактических мероприятий, т. к. по своей правовой природе такое уклонение имеет почти тождественное значение с оказанием неповиновения законным требованиям сотрудника правоохранительного органа.

Список источников

1. Расширенное заседание коллегии МВД России по итогам работы ОВД за 2021 г. // Интернет-портал «Президент России». URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/community_meetings/67795.
2. График отчета УУП УМВД России по Невскому району г. Санкт-Петербурга за 2021 г. // Официальный интернет-портал МВД России по Невскому району. URL: <https://невский.78.мвд.рф/document/19341497>.
3. Расширенное заседание коллегии МВД России в 2022 г. // Официальный интернет-портал «Президент России». URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67795>.
4. Выступление Владимира Колокольцева в Совете Федерации в рамках «правительственного часа» // Интернет-портал МВД МЕДИА. URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/vystuplenie-vladimira-kolokoltseva-v-sovete-federatsii-federalnogo-sobraniya-v-ramkakh-pravitelstven/>.
5. Архипцев И. Н., Сарычев А. В., Маклакова О. Г. Профилактические работы участковых уполномоченных полиции в семейно-бытовой сфере // Правовая парадигма. 2022. Т. 21. № 3. С. 138.

References

1. Rasshirennoe zasedanie kollegii MVD Rossii po itogam raboty OVD za 2021 g. // Internet-portal «Prezident Rossii». URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/community_meetings/67795.
2. Grafik otcheta UUP UMVD Rossii po Nevskomu rajonu g. Sankt-Peterburga za 2021 g. // Oficial'nyj internet-portal MVD Rossii po Nevskomu rajonu. URL: <https://nevskij.78.mvd.rf/document/19341497>.
3. Rasshirennoe zasedanie kollegii MVD Rossii v 2022 g. // Oficial'nyj internet-portal «Prezident Rossii». URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67795>.
4. Vystuplenie Vladimira Kolokol'tseva v Sovete Federacii v ramkah «pravitel'stvennogo chasa» // Internet-portal MVD MEDIA. URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/vystuplenie-vladimira-kolokoltseva-v-sovete-federatsii-federalnogo-sobraniya-v-ramkakh-pravitelstven/>.
5. Arhipcev I. N., Sarychev A. V., Maklakova O. G. Profilakticheskie raboty uchastkovykh upolnomochennykh policii v semejno-bytovoj sfere // Pravovaya paradigma. 2022. T. 21. № 3. S. 138.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 21.11.2023; одобрена после рецензирования 18.12.2023; принята к публикации 22.02.2024.

The article was submitted 21.11.2023; approved after reviewing 18.12.2023; accepted for publication 22.02.2024.

Алтайский юридический вестник. 2024. № 1 (45). С. 38–45.

Altai Law Journal. 2024. № 1 (45). P. 38–45.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342.53(410)

СУВЕРЕНИТЕТ ПАРЛАМЕНТА И ПРИНЦИП РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Людмила Геннадьевна Коновалова

Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Барнаул, Россия, vaskova82@yandex.ru

Аннотация. В статье проводится анализ особенностей восприятия и реализации принципа разделения властей в Великобритании в условиях отсутствия писаной конституции и официального признания доктрины парламентского суверенитета. Автор анализирует нормативные акты в рассматриваемой сфере, сложившуюся правоприменительную практику, а также мнения различных ученых по поводу совершенствования рассматриваемых институтов. В качестве специфики реализации принципа разделения властей Великобритании обращается внимание на формальную вовлеченность монарха во все ветви власти, совмещенность должностей министров и депутатов, признание парламента высшим государственным органом по отношению к иным государственным институтам, сдерживающую роль Палаты лордов по отношению к органам исполнительной власти.

Рассматриваются правовые способы доминирования органов исполнительной власти в системе разделения властей. Описываются конституционные реформы, направленные на изменение баланса властей в Великобритании, проводимые с целью укрепления авторитета парламента.

Ключевые слова: разделение властей, парламент, монарх, парламентская демократия

Для цитирования: Коновалова Л. Г. Суверенитет парламента и принцип разделения властей в Великобритании // Алтайский юридический вестник. 2024. № 1 (45). С. 38–45.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

SOVEREIGNTY OF PARLIAMENT AND THE PRINCIPLE OF SEPARATION OF POWERS IN THE UK

Liudmila G. Konovalova

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Barnaul, Russia, vaskova82@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the peculiarities of the perception and implementation of the principle of separation of powers in the UK in the absence of a written constitution and official recognition of the doctrine of parliamentary sovereignty. The author uses the analysis of regulations in the area under consideration, the established law enforcement practice, as well as the opinions of various scientists regarding the improvement of the institutions in question. As a specific feature of the implementation of the principle of separation of powers in Great Britain, attention is drawn to the formal involvement of the monarch in all branches of government, the combination of ministers and deputies, the recognition of Parliament as the highest state body in relation to other state institutions, and the restraining role of the House of Lords in relation to executive authorities.

The legal ways of dominance of executive authorities in the system of separation of powers are considered, including its ability to determine which chamber to submit its bill to, rely on the support of the ruling party in parliament.

Keywords: separation of powers, parliament, monarch, parliamentary democracy

For citation: Konovalova L. G. Sovereignty of parliament and the principle of separation of powers in the UK. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2024;1:38–45 (In Russ.).

Своеобразием отличается реализация принципа разделения властей на родине парламентаризма — в Великобритании. В условиях отсутствия писаной конституции взаимоотношения высших органов государственной власти регулируются статутными актами парламента (например, законы о парламенте 1911 и 1949 гг., акт о пэрах 1963 г., акт о Палате общин 1978 г., акты о народном представительстве 1949, 1969, 1974, 1983 гг., акт о престолонаследии 1701 г. и около 40 других законов), прецедентным правом (общим правом и правом справедливости), конституционными соглашениями и доктринальными источниками [1, с. 19–34].

Из их анализа следует, что формально принцип разделения властей в Соединенном Королевстве не закреплен, хотя и учреждены государственные органы, ассоциируемые с традиционными ветвями власти. Монарх юридически является частью каждой из ветвей власти. Во взаимоотношениях с парламентом полномочия монарха характеризуются прежде всего тем, что он является составной частью этого органа — «король в парламенте» [2, с. 45]. В то же время монарх не может посещать заседания парламента без специального приглашения, кроме ежегодного открытия очередной сессии парламента. К прерогативам монарха относится подписание принятых парламентом законов, право вето на них (по факту не используется с 1707 г.), право роспуска Палаты общин по совету министров. В исполнительной сфере король назначает премьер-министром лидера партии, которая обладает большинством мест в Палате общин, возглавляет правительство, состоящее из 75–80 руководителей органов исполнительной власти, и Кабинет его величества, формируемый из 30 наиболее влиятельных министров. Судебные полномочия монарха характеризуются тем, что от его имени объявляются амнистии и помилование, назначаются судьи, возбуждаются и ведутся все уголовные дела [3, с. 406–410].

Несмотря на то что в отношении английской Короны сформировалось общепризнанное мнение о символической роли в системе разделения властей (монарх «царствует, но не правит»), поскольку он не может реализовывать свои прерогативы без одобрения лидера парламентарского большинства, некоторые исследователи призывают не умалять роли британского монарха [4, с. 106; 5, с. 43]. Многолетнее нахождение на престоле делает монарха весьма искушенным в политических делах, поэтому к нему реально прислушиваются премьер-министры и другие государственные деятели [1, с. 13]. Также его роль возрастает в усло-

виях каких-либо конституционных кризисов. Например, в 1957 и 1963 гг. победившая на выборах Консервативная партия не смогла выдвинуть согласованную кандидатуру премьер-министра. Решающее слово оказалось за монархом. Монарх посредством обращения к подданным может оказать влияние на формирование мнения избирателей [6, с. 73; 7, с. 48]. Однако превалирует убеждение, что «у короля нет прерогатив, кроме тех, которые позволяет ему закон страны» [8, с. 1535]. Более того, в последнее время в рассуждениях об источнике прерогатив монарха доминирует позиция, что полномочия главы государства не являются исторически первичными по отношению к парламента, а, напротив, выступают дарованными парламентом монарху, поскольку после Славной революции 1689 г. королевская власть была воссоздана заново Конвентом — предком современного парламента [9, с. 1071].

Особенности государственного устройства Великобритании проявляются не только в положении монарха в системе государственных органов, но и в иных отступлениях от классических требований принципа разделения властей. Во-первых, члены правительства являются членами Палаты общин, что говорит о частичном персональном слиянии ветвей власти. Во-вторых, слияние властей наблюдалось до конституционной реформы 2005 г., когда Палата лордов выполняла судебные функции. Она считалась высшим судебным органом, ее комитет служил в качестве высшей судебной инстанции страны, которая отчитывалась за свои решения перед палатой парламента. Комитет возглавлялся лордом-канцлером, действовавшим одновременно в качестве спикера Палаты лордов, члена правительства и судьи. Такое совмещение функций давало и дает повод многим российским и зарубежным юристам ставить под сомнение наличие разделения властей в этой стране [10, с. 39; 11, с. 11; 12, с. 8; 5, с. 43]. Даже классик британского права У. Беджот обосновывал фундаментальность принципа слияния, а не разделения властей для английской конституции [13, с. 191].

Вместе с тем сторонники признания существования принципа разделения властей в Великобритании считают вышеприведенные доводы поверхностными. Личностное слияние законодательной и исполнительной власти в лице министров они рассматривают как незначительное ввиду того, что исполнительная власть представлена многочисленными органами исполнительной власти и работающими там государственными служащими, которым запрещено членство в парламенте

[14, с. 27]. А еще в 1975 г. Актом о Палате общин (дисквалификации) было ограничено максимальное количество министров, которые могут быть членами нижней палаты парламента [15, с. 14]. Судебные функции дореформенной Палаты лордов предлагается не гипертрофировать и считать судебную власть самостоятельной еще с принятия Акта о дальнейшем ограничении Короны и лучшим обеспечении прав и вольностей подданного 1701 г., по которому была гарантирована независимость судей благодаря закреплению правила отстранения от должностей только после принятия соответствующего решения обеими палатами парламента. Комитет Палаты лордов формально возглавлял судебную власть, но «в действительности между Палатой лордов (Судебным комитетом) и остальным парламентом всегда существовал большой разрыв. Члены Судебного комитета назначались благодаря своему опыту в правовой сфере, и остальные члены Палаты лордов всегда соглашались с его решением. Хотя члены этого комитета принимали активное участие в дебатах законодательного органа, они составляли лишь незначительную часть последнего, а их роль в принятии статутов была ограниченной и исключительно технической» [16, с. 10].

На сегодняшний день этот критический аргумент в адрес британской системы разделения властей нивелирован, поскольку судебная функция Палаты лордов была ликвидирована. Согласно Акту о конституционной реформе 2005 г. создан новый Верховный суд, отделенный от законодательной ветви власти. Лорд-канцлер потерял возможность действовать в качестве судьи и принимать участие в назначении судей. Должность лорда-канцлера теперь приравнена к посту министра юстиции; он больше не является спикером Палаты лордов, хотя и остается членом парламента [16, с. 16].

Существенная особенность Великобритании состоит в официальном признании доктрины парламентского суверенитета (верховенства), согласно которой парламента является высшим государственным органом по отношению ко всем другим государственным институтам, включая органы исполнительной и судебной власти, он ничем не ограничен в своем праве принимать и отменять законы, «никто не может посягнуть на его суверенные права и законодательство» [17, с. 38].

При этом под парламентом подразумевается так называемый триумвират — трехэлементный институт, включающий короля, Палату лордов и Палату общин. Функции короля в законодатель-

ском процессе к настоящему времени стали соизмеримы с обычными полномочиями современного главы государства — право законодательной инициативы, право вето, которые по факту требуют контрасигнации премьер-министра. А вот разделение властей среди палат за последние годы вызывает дискуссии. Поводом послужило издание Актов о Парламенте 1911 и 1949 гг., которые предусмотрели возможность принятия законов без одобрения Палаты лордов при условии их поддержки Палатой общин и монархом. Это дало основания некоторым авторам считать, что отныне суверенитет парламента в законодательской сфере принадлежит не королю в парламенте, а королю и Палате общин.

Однако практика показала, что подобная упрощенная процедура принятия законов используется крайне редко и за время ее существования применялась не более 10 раз. Авторитет Палаты лордов остается весомым, несмотря на явный перевес законодательных прерогатив за нижней палатой. В то же время отмечается, что до принятия указанных актов верхняя палата парламента, будучи в своей основе консервативной, играла сдерживающую роль по отношению не только к нижней палате, но и к правительству в целом. Официальным лейтмотивом реформы считается демократизация [14, с. 25–27]. Еще в первые годы после Второй мировой войны утвердился обычай, согласно которому Палата лордов обязуется не отвергать законопроекты правительства, принятые Палатой общин в качестве реализации предвыборного манифеста партии, победившей на выборах, поскольку презюмируется, что эти инициативы получили одобрение избирателей [18, с. 190]. Акты 1911 и 1949 гг. разработаны для того, чтобы «выборная палата в конце концов всегда достигала своего», однако по факту они отчасти усилили статус правительства, пользующегося поддержкой большинства нижней палаты [19, с. 370].

Тем не менее Палата лордов и в современных условиях остается элементом сдерживания исполнительной власти, поскольку ее члены свободны от партийных пристрастий и имеют пожизненные полномочия, обеспечивающие их «независимость». Главный механизм сдерживания правительства заключается в ревизии законопроектов, принятых нижней палатой. Количество поправок, предлагаемых пэрами к рассматриваемому биллю, может достигать тысячи. В этом плане Палата лордов одна из самых активнейших в мире. Однако правительство может занять жесткую позицию, используя свое доминирующее положение в Па-

лате общин, и отклонить любые поправки. В этом случае роль сдерживающего фактора верхней палаты может свестись только к задержке принятия нефинансовых биллей [6, с. 76].

В целом доктрина верховенства или суверенитета парламента подвергается сомнению из-за реального доминирования исполнительной власти. В частности, правительство долгие годы является ведущим и независимым субъектом законодательного процесса, поскольку оно: а) в одностороннем порядке определяет, в какую палату внести свой законопроект, а также тип комитета, в котором он будет рассматриваться; б) посредством так называемого «программирования» устанавливает сроки, в течение которых должны быть рассмотрены его билли; в) благодаря поддержке членов правящей партии проводит через парламент подавляющее большинство своих инициатив [15, с. 11]; г) через профильных министров согласовывает любые поправки в бюджет [4, с. 107]; д) имеет в нижней палате своего официального представителя — лидера Палаты общин, обеспечивающего реализацию программы правительства в парламенте и активно сотрудничающего с главным парламентским партийным администратором [1, с. 21].

Кроме этого, доминированию правительства в системе разделения властей способствуют отсутствие закрытого перечня его полномочий; практика делегированного законодательства, принимаемого исполнительными органами и значительно превышающего по количеству и объему парламентские статуы; существовавшая до 2011 г. и возобновленная с 2022 г. возможность премьер-министра решать вопрос о роспуске парламента. Например, в XX в. роспуск Палаты общин проводился более 20 раз и, как правило, был связан со стремлением правящей партии провести выборы в наиболее удобный для нее момент [7, с. 52].

Несмотря на формально закрепленные масштабные полномочия парламента по контролю за правительством в виде вотума недоверия, резолюции порицания, парламентских вопросов и т. п., в условиях партийной солидарности правительства и Палаты общин, по признанию многих исследователей, конституционный принцип министерской ответственности превратился в принцип «министерской безответственности», вместо парламентаризма утвердился министерализм, вместо верховенства парламента существует «экспансия исполнительной власти» [20, с. 27; 21, с. 23], а вместо разделения властей наблюдается «выборная диктатура» [22, с. 45].

Все же подобные критические замечания в адрес британской модели разделения властей, высказанные в достаточно резком тоне, не умаляют ценности принципа разделения властей в этом государстве и являются метафоричными. Например, М. Рассел, проведя глубокий анализ многолетней практики взаимоотношений правительства и парламента Великобритании, пришел к выводу, что британская «выборная диктатура», где правительству гарантировано место в парламенте, — это миф. Такие взгляды всегда были упрощенными: даже при правительстве большинства внутри правящей партии за кулисами происходит гораздо больше переговоров по политическим вопросам, чем это часто считается. Автор приводит примеры ситуаций, когда ключевые игроки исполнительной власти «попадались на удочку» этого мифа, предполагая, что министры могут протолкнуть любую свою политику через парламент, однако подобные действия заканчивались неудачами. Один из последних такой случай имел место с Т. Мэй, которая использовала негибкие приемы работы с парламентом, что в условиях сложной политической обстановки и правительства меньшинства привело ее к отставке в 2017 г. [23, с. 445]. Поэтому игнорирование правительством мнения парламента во времена правления большинства в политико-правовой литературе этой страны считается рискованным, а при правительстве меньшинства — откровенно безрассудным, поскольку компромисс с парламентом становится необходимым [24, с. 263].

Повышение статуса парламента подтверждается и развитием конституционной реформы Великобритании, начавшейся в 1997 г., которая направлена на усиление принципа разделения властей и большую демократизацию системы государственного управления. Помимо создания Верховного суда в рамках конституционной реформы, Статут «О конституционной реформе и управлении» 2010 г. создал нормативную базу для управления в сфере государственной службы [14, с. 36]. Актом о фиксированном сроке полномочий парламента 2011 г. была установлена пятилетняя периодичность выборов в Палату общин, и премьер-министр лишился права произвольно решать вопрос о праве роспуска этой палаты. Но к 2022 г. право обращения премьер-министра к монарху с вопросом о роспуске Палаты общин было восстановлено [25]. В законотворческой сфере произошло реформирование системы парламентских комитетов с наделением их права привлекать экспертов, получать свидетельские показания, доказательства

и документы, необходимые для принятия статутов; введена практика публикации законопроектов до дня их официального внесения в парламент, установлена возможность переноса рассмотрения публичных биллей из одной парламентской сессии в другую, введена практика осуществления последующего законодательного надзора в отношении важных политических актов парламента [15, с. 8]. Подобные меры повысили статус парламента в системе разделения властей и ознаменовали тенденцию к «ренессансу» парламентаризма.

Однако в XXI в. «ренессанс» британского парламентаризма снова был поставлен под вопрос. Сложные процессы деволюции (передачи полномочий органам власти в Уэльсе, Шотландии и Северной Ирландии), выхода Великобритании из Европейского союза (Brexit), правление правительства меньшинства в период 2017-2019 гг., современный общеевропейский энергетический кризис породили беспрецедентный уровень популистской риторики и общественной враждебности к парламентам. В юридическом дискурсе возникла мысль, что британский парламентам плохо приспособлен для решения актуальных задач государства, смена премьер-министров демонстрирует кризис властных институтов, а парламентаризм претерпевает крах из-за формирования квазифедеративного государства и использования референдумов о независимости Шотландии (2014 г.) и Brexit (2016 г.). Стало выдвигаться предложение провести глубокую конституционную реформу, заменив парламентаризм на народный суверенитет, умерив «высокомерие парламента» [26, с. 1166].

К настоящему времени все же в указанной дискуссии наметился явный перевес сторонников стабильности принципа парламентаризма. Предоставление политических привилегий отдельным территориям Великобритании стало рассматриваться как следствие воли парламента, предопределенного многонациональным характером государственного устройства Великобритании и стремлением сохранить унитарность. Обращение к референдуму предложено воспринимать как крайнее средство, обусловленное исключительной важностью рассматриваемых вопросов, символизирующее разумность принятия решений в парламенте и его стремление опираться на народное одобрение. Хотя сам по себе референдум не может сравниться с рациональностью парламентаризма, что еще раз продемонстрировало голосование по Brexit, поскольку на референдуме невозможно было решать вопросы о нюансах и ус-

ловиях выхода из Европейского союза, которые чрезвычайно важны. А сам выход из Европейского союза британскими юристами связывается с усилением парламентаризма [27, с. 199].

Превалирует мнение, что сложившаяся «политическая турбулентность в системе разделения властей Великобритании — это не симптом краха всей политико-правовой системы, а следствие сочетания тяжелых обстоятельств, так называемого "идеального шторма"» [23, с. 460]. Смена премьер-министров, референдумы, досрочные выборы, деволюция — это попытки парламента и правительства подстроиться под существующий общественный запрос. «Все это говорит о том, что британское общество остается политически зрелым, оно добивается позитивной повестки в сложившихся условиях. И демократическая система вполне адекватна социальным настроениям» [28].

Верховный суд Великобритании в нескольких своих решениях также поддержал незыблемость доктрины суверенитета парламента при новых обстоятельствах. В частности, суд указал, что референдумы не ограничивают волю парламента и могут носить для него лишь рекомендательный характер, что выход из Европейского союза может быть оформлен исключительно актами парламента. Попытку приостановления работы парламента Б. Джонсоном с 10 сентября 2019 г. на пять недель Верховный суд признал незаконной, подчеркнув, что у правительства есть только одна демократическая легитимность — это воля парламента, следовательно, министры при принятии решений не могли обойтись без «своего старшего партнера — парламента» [29, с. 1429].

Поэтому преждевременно утверждать, что парламентам Великобритании превратился во второстепенный институт вестминстерской модели управления. Парламент остается тем местом, где происходит общественное обсуждение политических мнений и проектов, законов и направлений государственного развития. Он отражает основную задачу парламентаризма — найти в процессе дискуссии разумную истину и справедливую норму, обеспечить «правление через обсуждение» [14, с. 37]. Парламент Великобритании активно влияет на программы и правотворчество правительства, большинство рекомендаций парламентаризма комитетов принимается правительством [30, с. 923].

В целом система сдержек и противовесов в Великобритании считается достаточно эффективной для предотвращения концентрации чрезмерной власти в руках одного лица или государственного органа. Несмотря на то что британская систе-

ма проявляет определенную слабость институциональных факторов контроля за деятельностью премьер-министра и Кабинета, опирающихся на стабильное большинство в Палате общин, цель деконцентрации власти достигается благодаря существованию сильной парламентской оппозиции, обеспечивающей постоянный контроль за правительством и его сменяемость [6, с. 75]. Официальная доктрина парламентского верховенства не противоречит принципу разделения властей, а наоборот, способствует его реализации, поскольку

главная угроза узурпации власти исходит не от парламента, а от исполнительной власти. Эта доктрина является явным преувеличением и призвана активизировать парламент [31, с. 135; 32, с. 107]. В самом Соединенном Королевстве к настоящему времени разделение властей официально воспринимается как принцип, лежащий в основе Конституции Великобритании. На этот принцип, наряду с принципом суверенитета парламента, ссылаются судьи в своих решениях, к нему часто прибегают в политических дебатах.

Список источников

1. Конституционные акты Великобритании // Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский союз, Соединенные Штаты Америки, Япония, Индия: учебное пособие / сост. В. В. Маклаков. М., 2006.
2. Дэйси А. В. Основы государственного права Англии: введение в изучение английской конституции / под ред. П. Г. Виноградова. М., 1907.
3. Чиркин В. Е. Конституционное право зарубежных стран: учебник. М., 2001.
4. Паречина С. Г. Реализация принципа разделения властей в Великобритании // Научные труды Республиканского института высшей школы. Философско-гуманитарные науки: сборник научных статей. Минск: Республиканский институт высшей школы. 2014. Вып. 10.
5. Грачев Н. И. Единство государственной власти как принцип государственного строительства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 6 (113). С. 38–48.
6. Шмыгановский А. В. Конституционно-правовые основы политической конкуренции: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.
7. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: в 4 т. / отв. ред. Б. А. Страшун. М., 1997.
8. Ginsburg T. The Role of Monarchy in Modern Democracy: European Monarchies Compared // International Journal of Constitutional Law. Volume 18. Issue 4. December 2020. Pages 1535–1538. URL: <https://doi.org/10.1093/icon/moaa102>.
9. Kershaw D. Revolutionary amnesia and the nature of prerogative power // International Journal of Constitutional Law. Volume 20. Issue 3. July 2022, Pages 1071–1102. URL: <https://doi.org/10.1093/icon/moac094>.
10. Гарнер Дж. Великобритания: Центральное и местное управление. М., 1984.
11. Hood Philips J. A Constitutional Myth: Separation of Powers // Law Quarterly Review. 1977. № 93.
12. Cowly P., Stuart M. Parliament: More Revolts, More Reform // Parliamentary Affairs. Oxford, 2003. Vol. 56. № 2.
13. Vagehot W. The English Constitution (1867 edition). L.: Watts & Co., 1964. Ch. 1. 214 p.
14. Бруслик А. Парламент Великобритании и его взаимосвязь с исполнительной властью // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 1 (110). С. 24–38.
15. Попова М. А. Законодательный процесс в парламенте Великобритании: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.
16. Барбер Н. У. Разделение властей и Конституция Великобритании // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 1. С. 3–17.
17. Элефтериадес П. Парламентский суверенитет и Конституция // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 3. С. 29–55.
18. Иванова И. К. Соединенное королевство: большая конституционная реформа // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2008. № 6. С. 183–196.
19. Elliot M. United Kingdom: Bicameralism, sovereignty, and the unwritten Constitution // International Journal of Constitutional Law. 2007. № 5. Vol. 5.
20. Лузин В. В. Парламентская модель разделения властей (на примере Великобритании) // Право и политика. 2000. № 6.

21. Медушевский А. Конституционные преобразования в Великобритании и России: сравнительные параллели // Сравнительное конституционное обозрение. 2005. № 2 (51). С. 20–24.
22. Lord Hailsham. The Dilemma of Democracy. L., 1978.
23. Russell M. Brexit and Parliament: The Anatomy of a Perfect Storm // Parliamentary Affairs. Volume 74. Issue 2. April 2021. Pages 443–463. URL: <https://academic.oup.com/pa/article/74/2/443/5855887>.
24. White S. G. The Referendum in the UK's Constitution: From Parliamentary to Popular Sovereignty? // Parliamentary Affairs. Volume 75. Issue 2. April 2022. Pages 263–280. URL: <https://doi.org/10.1093/pa/gsaa062>.
25. Kelly R. Fixed-term Parliaments Act 2011. URL: <https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/sn06111/>.
26. Greene A. Parliamentary sovereignty and the locus of constituent power in the United Kingdom // International Journal of Constitutional Law. Volume 18. Issue 4. December 2020. Pages 1166–1200. URL: <https://doi.org/10.1093/icon/moaa100>.
27. Ekins R. The Balance of the Constitution // The American Journal of Jurisprudence. Volume 67. Issue 2. December 2022. Pages 199–222. URL: <https://doi.org/10.1093/ajj/auac014>.
28. О чем говорит смена премьеров в Великобритании // Независимая газета. 2022. 24 октября. URL: https://www.ng.ru/editorial/2022-10-24/2_8573_editorial.html.
29. Gardbaum S. Comparative political process theory // International Journal of Constitutional Law. Volume 18. Issue 4. December 2020. Pages 1429–1457. URL: <https://doi.org/10.1093/icon/moaa084>.
30. Lynch P., Whitaker R. Select Committees and Brexit: Parliamentary Influence in a Divisive Policy Area // Parliamentary Affairs. Volume 72. Issue 4. October 2019. Pages 923–944. URL: <https://doi.org/10.1093/pa/gsz028>.
31. Алебастрова И. А. Принцип социальной солидарности в конституционном праве: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. 556 с.
32. Crick B. Democracy. A Very Short Introduction. New York, 2002.

References

1. Konstitucionnye akty Velikobritanii // Konstitucii zarubezhnyh gosudarstv: Velikobritaniya, Franciya, Germaniya, Italiya, Evropejskij soyuz, Soedinennye Shtaty Ameriki, Yaponiya, Indiya: uchebnoe posobie / sost. V. V. Maklakov. M., 2006.
2. Dajsi A. V. Osnovy gosudarstvennogo prava Anglii: vvedenie v izuchenie anglijskoj konstitucii / pod red. P. G. Vinogradova. M., 1907.
3. Chirkin V. E. Konstitucionnoe pravo zarubezhnyh stran: uchebnik. M., 2001.
4. Parechina S. G. Realizaciya principa razdeleniya vlastej v Velikobritanii // Nauchnye trudy Respublikanskogo instituta vysshej shkoly. Filosofsko-gumanitarnye nauki: sbornik nauchnyh statej. Minsk: Respublikanskij institut vysshej shkoly. 2014. Vyp. 10.
5. Grachev N. I. Edinstvo gosudarstvennoj vlasti kak princip gosudarstvennogo stroitel'stva // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj juridicheskoj akademii. 2016. № 6 (113). S. 38–48.
6. Shmyganovskij A. V. Konstitucionno-pravovye osnovy politicheskoj konkurencii: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2016.
7. Konstitucionnoe (gosudarstvennoe) pravo zarubezhnyh stran: v 4 t. / otv. red. B. A. Strashun. M., 1997.
8. Ginsburg T. The Role of Monarchy in Modern Democracy: European Monarchies Compared // International Journal of Constitutional Law. Volume 18. Issue 4. December 2020. Pages 1535–1538. URL: <https://doi.org/10.1093/icon/moaa102>.
9. Kershaw D. Revolutionary amnesia and the nature of prerogative power // International Journal of Constitutional Law. Volume 20. Issue 3. July 2022, Pages 1071–1102. URL: <https://doi.org/10.1093/icon/moac094>.
10. Garner Dzh. Velikobritaniya: Central'noe i mestnoe upravlenie. M., 1984.
11. Hood Philips J. A Constitutional Myth: Separation of Powers // Law Quarterly Review. 1977. № 93.
12. Cowly P., Stuart M. Parliament: More Revolts, More Reform // Parliamentary Affairs. Oxford, 2003. Vol. 56. № 2.
13. Bagehot W. The English Constitution (1867 edition). L.: Watts & Co., 1964. Sh. 1. 214 r.
14. Bruslik A. Parlament Velikobritanii i ego vzaimosvyaz' s ispolnitel'noj vlast'yu // Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie. 2016. № 1 (110). S. 24–38.

15. Popova M. A. Zakonodatel'nyj process v parlamente Velikobritanii: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2015.
16. Barber N. U. Razdelenie vlastej i Konstituciya Velikobritanii // Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki. 2012. № 1. S. 3–17.
17. Elefteriades P. Parlamentskij suverenitet i Konstituciya // Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki. 2012. № 3. S. 29–55.
18. Ivanova I. K. Soedinennoe korolevstvo: bol'shaya konstitucionnaya reforma // Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk. 2008. № 6. S. 183–196.
19. Elliot M. United Kingdom: Bicameralism, sovereignty, and the unwritten Constitution // International Journal of Constitutional Law. 2007. № 5. Vol. 5.
20. Luzin V. V. Parlamentskaya model' razdeleniya vlastej (na primere Velikobritanii) // Pravo i politika. 2000. № 6.
21. Medushevskij A. Konstitucionnye preobrazovaniya v Velikobritanii i Rossii: sravnitel'nye paralleli // Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie. 2005. № 2 (51). S. 20–24.
22. Lord Hailsham. The Dilemma of Democracy. L., 1978.
23. Russell M. Brexit and Parliament: The Anatomy of a Perfect Storm // Parliamentary Affairs. Volume 74. Issue 2. April 2021. Pages 443–463. URL: <https://academic.oup.com/pa/article/74/2/443/5855887>.
24. White S. G. The Referendum in the UK's Constitution: From Parliamentary to Popular Sovereignty? // Parliamentary Affairs. Volume 75. Issue 2. April 2022. Pages 263–280. URL: <https://doi.org/10.1093/pa/gsaa062>.
25. Kelly R. Fixed-term Parliaments Act 2011. URL: <https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/sn06111/>.
26. Greene A. Parliamentary sovereignty and the locus of constituent power in the United Kingdom // International Journal of Constitutional Law. Volume 18. Issue 4. December 2020. Pages 1166–1200. URL: <https://doi.org/10.1093/icon/moaa100>.
27. Ekins R. The Balance of the Constitution // The American Journal of Jurisprudence. Volume 67. Issue 2. December 2022. Pages 199–222. URL: <https://doi.org/10.1093/ajj/auac014>.
28. O chem govorit smena prem'erov v Velikobritanii // Nezavisimaya gazeta. 2022. 24 oktyabrya. URL: https://www.ng.ru/editorial/2022-10-24/2_8573_editorial.html.
29. Gardbaum S. Comparative political process theory // International Journal of Constitutional Law. Volume 18. Issue 4. December 2020. Pages 1429–1457. URL: <https://doi.org/10.1093/icon/moaa084>.
30. Lynch P., Whitaker R. Select Committees and Brexit: Parliamentary Influence in a Divisive Policy Area // Parliamentary Affairs. Volume 72. Issue 4. October 2019. Pages 923–944. URL: <https://doi.org/10.1093/pa/gsz028>.
31. Alebastrova I. A. Princip social'noj solidarnosti v konstitucionnom prave: dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 2016. 556 s.
32. Crick B. Democracy. A Very Short Introduction. New York, 2002.

Информация об авторе

Л. Г. Коновалова — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

L. G. Konovalova — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 14.11.2023; одобрена после рецензирования 15.12.2023; принята к публикации 22.02.2024.

The article was submitted 14.11.2023; approved after reviewing 15.12.2023; accepted for publication 22.02.2024.

Алтайский юридический вестник. 2024. № 1 (45). С. 46–51.

Altai Law Journal. 2024. № 1 (45). P. 46–51.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342.7:347.63

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ И ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ РЕБЕНКА

Алена Александровна Лихова

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, alenalichova@mail.ru

Аннотация. Осуществление защиты прав и законных интересов ребенка невозможно без налаженного систематического и эффективного взаимодействия различных органов и организаций в государстве. Вопросы взаимодействия всегда занимают одно из первостепенных мест в системе публичной власти как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов Российской Федерации. Говоря непосредственно о защите прав и законных интересов ребенка, в настоящей статье уделяется внимание актуальным аспектам взаимодействия органов местного самоуправления (как более приближенных и способных эффективно решать вопросы местного значения, в т. ч. связанные с защитой прав и законных интересов ребенка) и органов внутренних дел (одной из целей которых является защита прав человека).

Ключевые слова: ребенок, дети, права, защита прав, взаимодействие, органы местного самоуправления, органы внутренних дел

Для цитирования: Лихова А. А. Актуальные вопросы взаимодействия органов местного самоуправления и органов внутренних дел Российской Федерации по защите прав и законных интересов ребенка // Алтайский юридический вестник. 2024. № 1 (45). С. 46–51.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

CURRENT ISSUES OF INTERACTION BETWEEN LOCAL GOVERNMENT BODIES AND INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION IN PROTECTING THE RIGHTS AND LEGITIMATE INTERESTS OF THE CHILD

Alena A. Likhova

Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, alenalichova@mail.ru

Abstract. The protection of the rights and legitimate interests of the child is impossible without established systematic and effective interaction between various bodies and organizations in the state. Issues of interaction always occupy one of the primary places in the system of public authority, both at the federal level and at the level of the constituent entities of the Russian Federation. Speaking directly about the protection of the rights and legitimate interests of the child, this article pays attention to the current aspects of the interaction between local government bodies (as closer and more capable of effectively resolving issues of local importance, including those related to the protection of the rights and legitimate interests of the child), and internal authorities cases (one of the goals of which is the protection of human rights).

Keywords: child, children, rights, protection of rights, interaction, local government bodies, internal affairs bodies

For citation: Likhova A. A. Current issues of interaction between local government bodies and internal affairs bodies of the Russian Federation in protecting the rights and legitimate interests of the child. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2024;1:46–51 (In Russ.).

© Лихова А. А., 2024

Дети — особая правовая категория, которая предопределяет то, каким будет в будущем государство, общество, какие ценности будут в приоритете и какие направления (сферы) жизнедеятельности будут развиваться первоначально. В силу этого многие государства определяют приоритетом государственной политики детей, в частности Российская Федерация¹, а соответственно, вопросы обеспечения и защиты прав и законных интересов ребенка являются ключевыми, т. к. государство должно не только создавать условия, способствующие всестороннему духовному, интеллектуальному и физическому развитию, но и обеспечивать безопасность детей и защиту их прав, жизни и здоровья. В. И. Абрамов под защитой прав ребенка понимает систему мер, которые применяются для обеспечения реализации субъективных прав ребенка [1].

Если говорить о непосредственном обеспечении и защите прав ребенка, проживающего на территории муниципального образования, то важно обратить внимание на взаимодействие органов местного самоуправления и органов внутренних дел. Органы местного самоуправления более тесно связаны с населением, проживающим на территории муниципалитета, что позволяет им более точно определить круг существующих проблем, поэтому их качественное взаимодействие с территориальными органами МВД России является важным элементом [2, с. 7].

Рассматривая органы местного самоуправления в рамках защиты прав ребенка, отметим, что на сегодняшний день местное самоуправление представляет собой одну из важнейших и необходимых основ конституционного строя Российской Федерации, и органы местного самоуправления входят в систему единой публичной власти. В силу приближенности указанных органов к населению, проживающему на территории муниципалитета, они обладают некоторыми механизмами, позволяющими более эффективно и оперативно обеспечивать и гарантировать защиту прав и законных интересов ребенка.

Обращаясь ко второму субъекту взаимодействия — органам внутренних дел, следует отметить, что одним из направлений их оперативно-служебной деятельности являются профилактика

антиобщественного и противоправного поведения несовершеннолетних и защита их прав.

Органы местного самоуправления, как правило, осуществляют тесное взаимодействие с территориальными органами МВД России, в частности, и по вопросам, которые связаны с защитой прав и законных интересов ребенка. Взаимодействие указанных субъектов осуществляется по различным направлениям, в числе которых профилактика преступлений, совершенных несовершеннолетними, создание комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, взаимодействие в сфере социального обеспечения, взаимодействие по противодействию злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту [3]. Последнее направление взаимодействия в настоящее время приобретает все большую значимость в силу того, что часть преступлений совершается несовершеннолетними или же в отношении несовершеннолетних, которые находятся в состоянии наркотического опьянения. Нами перечисляются только основные направления взаимодействия органов местного самоуправления и органов внутренних дел, в рамках которых не только охраняется здоровье и жизнь ребенка, но и обеспечивается нормальное функционирование всего общества и государства, безопасное существование и развитие ребенка как личности.

Первый актуальный аспект взаимодействия указанных органов связан с деятельностью по профилактике преступлений, противоправного поведения несовершеннолетних, безнадзорности. Это направление является ключевым в системе взаимодействия органов внутренних дел и органов местного самоуправления в силу того, что первые отвечают за состояние преступности на обслуживаемой ими территории, а также обладают механизмами борьбы с преступностью и ее профилактикой, а вторые контролируют общее состояние сложившейся ситуации на территории муниципального образования, в т. ч. и криминогенной. Обращаясь к ст. 4 ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 24.06.1999 № 120-ФЗ², органы местного самоуправления и органы внутренних дел входят в систему профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Обратим внимание, что, несмотря на качественную и эффективную работу органов внутрен-

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [Электронный ресурс]: федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 21.11.2022). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

них дел по выявлению и учету преступлений в отношении несовершеннолетних и преступлений, которые совершаются несовершеннолетними, степень латентности таких преступлений, как правило, всегда присутствует, что еще раз показывает необходимость профилактики антиобщественного противоправного поведения среди несовершеннолетних.

На территориях муниципальных образований создаются различные советы и комиссии, в состав которых входят представители как муниципалитета, так и органов внутренних дел. К примеру, на территории г. Барнаула действуют Совет общественной безопасности, межведомственная комиссия города Барнаула по противодействию экстремизму, антитеррористическая комиссия, антинаркотическая комиссия и другие комиссии, целью функционирования которых является не только обеспечение безопасности детей и профилактика правонарушений среди несовершеннолетних, но и защита их жизни и здоровья.

Говоря о роли Совета общественной безопасности города Барнаула, отметим, что в компетенцию этого координационного органа администрации муниципального образования входит определение основных угроз, проблемных аспектов обеспечения безопасности на территории города, оценка и анализ состояния безопасности, уровня преступности.

Основные задачи Совета общественной безопасности — это анализ сложившейся обстановки на территории муниципального образования, определение стратегии обеспечения общественной безопасности, осуществление координационной деятельности органов администрации муниципального образования, правоохранительных органов по подготовке, принятию и реализации муниципальных программ, направленных на предупреждение, пресечение и устранение причин и условий, способствующих дестабилизации обстановки в муниципальном образовании, разработка мероприятий по обеспечению общественной безопасности и правопорядка на территории муниципального образования. Многие разрабатываемые программы и мероприятия направлены на защиту прав и законных интересов ребенка, проживающего на территории муниципального образования. К их числу можно отнести уроки повышения правовой грамотности, профилактические мероприятия, которые проводятся как представителями образовательных организаций, так и представителями органов внутренних дел, разработка и распространение памяток с указанием конкретных составов

преступлений, которые, в частности, совершаются несовершеннолетними, и разъяснение ответственности за данные преступления.

Одну из угроз безопасности обществу и государству в целом представляют такие негативные явления, как экстремизм и терроризм, которые не только приносят большой ущерб государству, но и влекут за собой человеческие потери, обесценивание человеческой жизни, разрушение нравственных идеалов, устоев и принципов. Учитывая изложенное, обратим внимание на деятельность таких комиссий на территории муниципальных образований, как комиссия по противодействию экстремизму и антитеррористическая комиссия. Например, основной задачей межведомственной комиссии города Барнаула по противодействию экстремизму являются профилактика экстремизма, ликвидация и (или) минимизация последствий экстремизма, а также разработка мер по профилактике экстремизма. В рамках работы межведомственной комиссии уделяется внимание профилактике экстремизма среди несовершеннолетних лиц, для чего проводятся мероприятия, разъясняющие опасность такого негативного социального явления, ответственность за экстремизм. Основным направлением деятельности антитеррористической комиссии является организация взаимодействия подразделений территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти Алтайского края и органов местного самоуправления по профилактике терроризма. На муниципальном уровне разрабатываются различные муниципальные программы или подпрограммы, г. Барнаул не является исключением, и на его территории реализуется подпрограмма «Противодействие экстремизму и идеологии терроризма в городе Барнауле», в рамках которой проводится заседание антитеррористической и межведомственной комиссии г. Барнаула по противодействию экстремизму. Также в рамках программы организуются разного рода мероприятия, в числе которых: проведение профилактической работы с несовершеннолетними, придерживающимися радикальных взглядов асоциальной направленности; выявление соответствующими органами местного самоуправления города в ходе служебной деятельности мест массового пребывания (проживания) на территории города иностранных граждан и лиц без гражданства и сообщение данной информации в УМВД России по г. Барнаулу; проведение органами местного самоуправления и органами внутренних дел совместных проверок исполнения законодательства о состоянии анти-

террористической защищенности объектов (территорий) в г. Барнауле, в т. ч. и объектов образования, что непосредственно касается обеспечения безопасности пребывания детей.

Еще одно направление взаимодействия органов внутренних дел и органов местного самоуправления — это профилактика незаконного оборота наркотиков и употребления наркотических средств не по назначению врача. На территориях субъектов РФ создаются антинаркотические комиссии, однако для осуществления своих задач комиссия вправе рекомендовать руководителям органов местного самоуправления муниципальных образований создавать антинаркотические комиссии в муниципальных образованиях. Деятельность указанной комиссии направлена не только на профилактику противоправного антисоциального поведения, но и на обеспечение безопасной здоровой среды для развития и пребывания ребенка.

Говоря о взаимодействии органов местного самоуправления и органов внутренних дел по вопросам обеспечения и защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, обратимся к ч. 1 ст. 11 Федерального закона от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», которая устанавливает, что органы местного самоуправления создают комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее — комиссии) (в случае наделения их соответствующими полномочиями законом субъекта Российской Федерации). В состав каждой комиссии входят представители территориальных органов МВД России. Например, в комиссию, созданную в г. Абакане, входит начальник отдела по делам несовершеннолетних отдела уполномоченных участковых полиции и подразделения по делам несовершеннолетних УМВД России по г. Абакану¹. Если обратиться к комиссии, созданной на территории г. Барнаула, то, например, в состав комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав администрации Индустриального района г. Барнаула входит заместитель начальника отдела полиции по Индустриальному району УМВД России по г. Барнаулу и врио заместителя начальника участковых уполномоченных полиции и по делам несовершеннолетних отдела

¹ Об образовании комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав при Администрации города Абакана и утверждении ее состава: решение Совета депутатов г. Абакана от 26 сентября 2023 г. № 10 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/406830423> (дата обращения: 15.12.2023).

полиции по Индустриальному району УМВД России по г. Барнаулу², в состав остальных комиссий, образованных на территории определенного района г. Барнаула, также входят представители территориальных органов МВД России, занимающие схожие должности с указанными выше. Председателем комиссии является, как правило, глава или заместитель главы муниципального образования. В состав комиссии при администрации муниципального образования г. Рязани³, г. Симферополя⁴ также входят представители территориальных органов МВД России, которые занимают указанные выше должности или равные им в системе МВД.

Целью создания и деятельности таких комиссий выступает профилактика беспризорности, безнадзорности и антиобщественного поведения, а также выявление причин и условий указанных выше негативных явлений и устранение их, обеспечение прав и интересов несовершеннолетних в различных сферах жизнедеятельности, в т. ч. в сфере образования, социальной защиты, здравоохранения. Порядок создания комиссий определяется в соответствии с законодательством субъекта РФ.

Учитывая, что основная цель работы комиссий заключается в деятельности по профилактике правонарушений среди несовершеннолетних, в защите прав ребенка, комиссии по делам несо-

² О внесении изменения в постановление администрации города от 31.12.2015 № 652: постановление администрации города Барнаула от 7 августа 2023 г. № 1095 (в ред. постановления от 24.03.2023 № 391) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/406758885?marker=64U0IK> (дата обращения: 15.12.2023).

³ О комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав городского округа город Рязань: постановление города Рязани от 18 марта 2016 г. № 1125 (с изм. на 14 августа 2023 г.) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document> (дата обращения: 15.12.2023); О внесении изменений в приложение № 2 к Постановлению администрации города Рязани от 18.03.2016 № 1125 «О комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав городского округа город Рязань»: постановление города Рязани от 14 августа 2023 г. № 10973 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document> (дата обращения: 15.12.2023).

⁴ О создании комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав муниципального образования городской округ Симферополь Республики Крым: постановление администрации города Симферополя от 5 апреля 2016 г. № 571 (с изм. на 6 июня 2023 г.) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/446298672> (дата обращения: 15.12.2023).

вершеннолетних и защите их прав обладают определенными механизмами, позволяющими воздействовать на детей, которые совершили правонарушение или преступление, а также на их родителей и иных законных представителей.

Также следует обратить внимание на несовершеннолетних, в отношении которых совершаются преступления и правонарушения. Факт и тем более рост совершения таких преступлений указывают на необходимость органам публичной власти субъектов Российской Федерации и органам местного самоуправления, в компетенцию которых входит обеспечение и защита прав и законных интересов ребенка, проводить анализ сложившейся обстановки на территории определенного муниципального образования, в т. ч. анализ уровня и условий преступности в отношении несовершеннолетних, по итогам которого указанные органы могут разрабатывать определенные меры по противодействию преступности и создавать условия, способствующие полноценному развитию ребенка как личности. Полноценное развитие ребенка невозможно без пребывания его в состоянии безопасности как физической, так и психологической.

Здесь прежде всего стоит уделять внимание увеличению количества детско-юношеских культурно-оздоровительных учреждений, а также улучшению условий нахождения в них (ремонт, повышение качества предоставляемых услуг, повышение уровня профессионализма преподавателей, тренеров, наставников), открытие новых спортивных секций и кружков для детей на территории муниципального образования.

Учитывая вышеизложенное, особое внимание уделим рассмотрению взаимодействия органов внутренних дел и образовательных организаций, а именно школ, в силу важности этого института при формировании и развитии ребенка как личности. Помимо школьной программы, перед образовательными организациями, по нашему мнению, должна стоять задача адаптации ребенка к самостоятельной жизни, всестороннее обучение и развитие, к примеру, дети должны знать правила дорожного движения, чтобы безопасно чувствовать себя в качестве участника дорожного движения, не подвергать себя и других людей опасности, не совершать правонарушений, связанных с нарушением правил дорожного движения. Для более наглядного понимания важности соблюдения правил дорожного движения сотрудники ГИБДД проводят различные беседы с учениками школ, с их родителями, организуют и проводят на территориях школ практические игры, в которых дети могут

играть роль любого участника дорожного движения, узнать правила поведения на дороге и понять, к какой трагедии могут привести нарушения этих правил. Также, к примеру, дети должны быть осведомлены, как вести себя в экстремальных условиях, если к ним обращаются незнакомые подозрительные лица, и как уберечь себя от преступников. В настоящее время более актуальными становятся беседы о том, как уберечься от мобильного мошенничества. Этому направлению уделяется особое внимание в силу роста числа указанных преступлений. Сотрудники органов внутренних дел по договоренности с директорами школ проводят с учениками и их родителями, а также с учителями и другими работниками школ беседы, направленные на обучение безопасному поведению в сети Интернет, повышение правовой грамотности. Полагаем, что такие мероприятия полезны не только для учеников, но и для родителей, ведь именно на них лежит обязанность и ответственность за правильное воспитание их ребенка, за его безопасность, всестороннее развитие его личности.

Раскрывая со всех сторон взаимодействие рассматриваемых субъектов, отметим, что органы, осуществляющие управление в сфере образования, в т. ч. и созданные на уровне муниципального образования, ведут учет несовершеннолетних, не посещающих или систематически пропускающих по неуважительным причинам занятия в образовательных организациях; разрабатывают и внедряют в практику работы образовательных организаций программы и методики, направленные на формирование законопослушного поведения несовершеннолетних; обеспечивают проведение мероприятий по раннему выявлению незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ обучающимися в общеобразовательных организациях (ч. 1 ст. 14 ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»). Сотрудничество в рассматриваемой сфере регулируется положениями Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»¹.

Резюмируя все вышеизложенное, отметим, что взаимодействие органов местного самоуправления и органов внутренних дел по вопросам обеспечения и защиты прав и законных интересов ребенка является одним из ключевых элементов механизма обеспечения и защиты прав ребенка. Без налаженного и системного взаимодействия указанных

¹ Об образовании в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

субъектов будет невозможно должным образом защищать и обеспечивать реализацию прав ребенка на современном этапе развития общества и государства. В настоящее время нет единого нормативного правового акта, который бы регулировал взаимодействие органов местного самоуправления и органов внутренних дел по различным вопросам и направлениям, в частности по обеспечению и защите прав и законных интересов ребенка. Некоторые вопросы взаимодействия по определенным направлениям находят свое отражение в решениях созданных советов, комиссий на территории муниципалитета, в состав которых входят как представители муниципального образования, так и представители территориальных органов МВД России.

Считаем, что для эффективного обеспечения и защиты прав ребенка между органами местного самоуправления и органами внутренних дел необходимо выстроить механизм обмена информацией, в т. ч. между образовательными организациями и УУПиПНД (например, информация о количестве преступлений, совершенных несовершеннолетними, или же количество преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, на территории муниципалитета); проводить совместную работу с детьми, совершившими преступления или правонарушения, с детьми, находящимися в группе риска; разрабатывать, планировать, реализовывать совместные программы, мероприятия (учебного и воспитательного плана), в частности правовые игры, профилактические беседы с при-

влечением сотрудников органов внутренних дел; формирование здорового образа жизни, проведение дней здоровья.

Для обеспечения эффективности таких совместных мероприятий необходимо разработать механизм взаимодействия, который будет способствовать оперативной и эффективной деятельности указанных органов. Важно определить роли и обязанности всех участников организации такой деятельности, а также обеспечить координацию, для чего целесообразно проводить координационные совещания, в состав которых будут входить представители не только органов местного самоуправления и органов внутренних дел, но и должностные лица, деятельность которых связана с обеспечением, защитой прав несовершеннолетних, и сотрудники образовательных организаций, социальные службы, представители молодежных объединений, спортивно-оздоровительных организаций. Кроме того, следует разработать и внедрить информационную систему, которая позволит всем участникам своевременно обмениваться информацией и использовать результаты совместной деятельности для предотвращения правонарушений среди несовершеннолетних. Для разработки такой информационной системы и различных мероприятий необходимо не только опираться на особенности, в т. ч. и исторические, муниципального образования, но и изучать, анализировать и внедрять положительный опыт других муниципальных образований.

Список источников

1. Абрамов В. И. Права ребенка и их защита в России: общетеоретический анализ. Саратов, 2007. 455 с.
2. Галиев Р. С., Лихова А. А. Взаимодействие органов внутренних дел и органов местного самоуправления: проблемы и перспективы развития // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2023. № 4 (18). С. 4–12.
3. Кожевников О. А., Мещеряков А. Н. Основные направления взаимодействия органов внутренних дел Российской Федерации и органов местного самоуправления: правовые и организационные аспекты // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. № 1 (59). С. 13–22.

References

1. Abramov V. I. Prava rebenka i ih zashchita v Rossii: obshcheteoreticheskij analiz. Saratov, 2007. 455 s.
2. Galiev R. S., Lihova A. A. Vzaimodejstvie organov vnutrennih del i organov mestnogo samoupravleniya: problemy i perspektivy razvitiya // Voенno-pravovye i gumanitarnye nauki Sibiri. 2023. № 4 (18). S. 4–12.
3. Kozhevnikov O. A., Meshcheryakov A. N. Osnovnye napravleniya vzaimodejstviya organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii i organov mestnogo samoupravleniya: pravovye i organizacionnye aspekty // Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika. 2022. № 1 (59). S. 13–22.

Статья поступила в редакцию 22.12.2023; одобрена после рецензирования 26.01.2024; принята к публикации 22.02.2024.

The article was submitted 22.12.2023; approved after reviewing 26.01.2024; accepted for publication 22.02.2024.

Алтайский юридический вестник. 2024. № 1 (45). С. 52–57.

Altai Law Journal. 2024. № 1 (45). P. 52–57.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342.9:343.3

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННЫЕ Ч. 2 СТ. 5.26 КоАП РФ, СОВЕРШЕННЫЕ ПО ЭКСТРЕМИСТСКИМ МОТИВАМ

Алексей Викторович Равнюшкин

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России, Симферополь, Россия, rav.kin@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7711-2962>

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные вопросы квалификации и правоприменения правонарушений по ч. 2 ст. 5.26 КоАП РФ, совершенных в том числе по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. В результате анализа статистики и судебной практики выявлено, что сама конструкция нормы нуждается в доработке, т. к. действующая редакция не позволяет однозначно отграничивать ее от сходных административных правонарушений и даже преступлений. Автором рассмотрены способы совершения данного правонарушения, констатировано, что значительная их часть совершается и по экстремистским мотивам, предложена новая ее редакция с учетом административной преюдиции ст. 148 УК РФ.

Ключевые слова: экстремизм, осквернение, религиозная литература, предметы религиозного почитания, знаки, эмблемы, мировоззренческая символика и атрибутика, мотивы, ненависть, вражда

Для цитирования: Равнюшкин А. В. Ответственность за правонарушения, предусмотренные ч. 2 ст. 5.26 КоАП РФ, совершенные по экстремистским мотивам // Алтайский юридический вестник. 2024. № 1 (45). С. 52–57.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

RESPONSIBILITY FOR OFFENSES PROVIDED FOR PART 2 OF ARTICLE 5.26 OF THE ADMINISTRATIVE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION COMMITTED FOR EXTREMIST MOTIVES

Alexey V. Ravnushkin

Crimean Branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Simferopol, Russia,
rav.kin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7711-2962>

Abstract. The article deals with problematic issues of qualification and law enforcement of part 2 of article 5.26 of the Administrative Code of the Russian Federation, committed, inter alia, on the grounds of political, ideological, racial, national or religious hatred or enmity, or on the grounds of hatred or enmity against any social group. As a result of the analysis of statistics and judicial practice, it was revealed that the very construction of the norm needs to be finalized, since the current version does not allow it to be unambiguously distinguished from similar administrative offenses and even crimes. The author considers the ways of committing this offense, states that a significant part of them is committed for the specified «extremist» motives, and proposes a new version of it, taking into account the administrative prejudice of article 148 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: extremism, desecration, religious literature, objects of religious veneration, signs, emblems, ideological symbols and attributes, motives, hatred, enmity

For citation: Ravnushkin A. V. Responsibility for offenses provided for part 2 of article 5.26 of the Administrative Code of the Russian Federation committed for extremist motives. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2024;1:52–57 (In Russ.).

В последние годы государством приняты определенные меры по предупреждению и пресечению в общественных отношениях различных экстремистских проявлений. Осуществляются фактически всеобъемлющее нормативно-правовое регулирование и правоприменительная деятельность. Помимо специальных норм, в главе 29 УК РФ введены составы преступлений, которые также могут совершаться по так называемым экстремистским мотивам, т. е. по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (например, вандализм или хулиганство).

КоАП РФ также включает в себя специальные составы (ст. 20.3, 20.3.1, 20.3.2, 20.29). На проблемы административно-правового регулирования рассматриваемых правонарушений ранее неоднократно обращалось внимание ученых, общественности и правоприменителей [1, 2, 3].

В то же время нельзя не отметить и те правонарушения, которые могут допускаться и по экстремистским мотивам. К ним можно отнести, например, статьи 5.26, 17.10, 20.1, 20.2, 20.2.2 КоАП РФ.

Однако именно в данной области охраняемых государством общественных отношений законодатель не всегда придерживается юридико-технических правил, предполагающих соблюдение требований правовой определенности и системности. Можно смело констатировать, что однозначного отграничения не только административно наказуемых деяний от сходных преступлений, но и административных правонарушений друг от друга не достигнуто. Зачастую законодатель как выбирает простой путь расширения альтернативных действий в объективной стороне, так и допускает наличие указанных мотивов и побуждений в субъективной стороне, а порой не исключает наличие тех и других. Различные альтернативные действия могут быть как прямо описаны в диспозициях статей, так и подразумеваться, в частности, когда речь идет об оскорбительных действиях или осквернении.

В подготовленном в 2019 г. по поручению Президента Российской Федерации Президиумом Верховного Суда Российской Федерации обзоре по результатам изучения 550 судебных актов применения ст. 5.26 КоАП РФ были выделены только отдельные вопросы применения данной нормы в 2016–2018 гг. Рассматривая применение ч. 2 ст. 5.26 КоАП РФ, Верховный Суд обратил внимание на наличие вины в форме умысла и субъекта, которым может быть и должностное лицо. Ни

о способах, ни о возможных мотивах совершения данного правонарушения в обзоре не упоминалось.

В последующее время проблемы квалификации и правоприменения рассматриваемой нормы стали особенно очевидными. Об этом свидетельствуют результаты анализа статистики и судебной практики применения ч. 2 ст. 5.26 КоАП РФ, в результате которого также выявлены правонарушения, совершаемые различными способами и по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Всего за 2022 год по ст. 5.26 КоАП РФ в мировые суды поступило 375 дел. По числу лиц рассмотрено мировыми судьями 388 дел, возвращено для устранения недостатков 61 дело, освобождено от административной ответственности 28 лиц. Подвергнуто наказанию 238 человек (91 юридическое лицо, 3 должностных лица, 144 физических лица). В качестве основных наказаний назначено: предупреждение — 52 лицам, административный штраф — 186 лицам. Всего наложено штрафов на сумму 4 067 000 рублей. В качестве дополнительного наказания назначена конфискация предметов и орудий совершения 16 лицам [4].

Всего за первое полугодие 2023 г. по ст. 5.26 КоАП РФ в мировые суды поступило 163 дела. По числу лиц рассмотрено мировыми судьями 145 дел, возвращено для устранения недостатков 27 дел, освобождено от административной ответственности 13 лиц. Подвергнуто наказанию 95 человек (31 юридическое лицо, 5 должностных лиц, 59 физических лиц). В качестве основных наказаний назначено: предупреждение — 14 лицам, административный штраф — 81 лицу (всего наложено штрафов на сумму 1 611 000 рублей); в качестве дополнительных мер: административному выдворению за пределы Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства (как единственная мера наказания) подвергнуто 5 лиц, конфискации орудия совершения или предмета административного правонарушения — 2 лица [4].

Из анализа статистики установлено, что количество правонарушений по рассматриваемой статье и суммы штрафов являются значительными. Предусмотренное в ч. 2 умышленное публичное осквернение религиозной или богослужебной литературы, предметов религиозного почитания, знаков или эмблем мировоззренческой символики и атрибутики либо их порчу или уничтожение

с определенной оговоркой (при наличии указанных мотивов) можно отнести к правонарушениям экстремистской направленности. В большинстве случаев об этом свидетельствуют результаты религиозно-лингвистических исследований, на которые, как правило, опираются судебные решения. В исследованиях фиксируется, что действия не только оскверняют литературу и предметы религиозного почитания, но и направлены на разжигание религиозной розни, возбуждение религиозной ненависти и (или) вражды.

Значение слова «осквернить» — это опозорить, подвергнуть поруганию, унижению, запятнать чем-нибудь. Согласно диспозиции рассматриваемой нормы осквернению подвергаются определенные предметы: религиозная или богослужебная литература, предметы религиозного почитания, знаки или эмблемы мировоззренческой символики и атрибутики. В данном случае правонарушитель посягает на общественные отношения, связанные с обеспечением свободы совести и свободы вероисповедания и иных религиозных прав граждан, через совершение определенных действий с перечисленными предметами. Эти предметы по своей природе являются чистыми, высокими и достойными, но правонарушитель относится к ним с негативом и поступает с ними унижительно, стремится их запятнать и опорочить. Таким образом, виновное лицо издевается над религиозными принципами нравственности.

Кроме того, правонарушитель, находясь непосредственно перед предметом религиозного почитания, может оскорбить их словами, насмешками, непристойными жестами, а также наглой демонстрацией любого рода антирелигиозных материалов во время исповеди. В то же время такие способы совершения правонарушения на практике фактически не встречаются.

Предметы религиозного почитания могут быть уничтожены, т. е. прийти в полную негодность, в результате разбития на мелкие осколки, разлома, разрыва на куски или фрагменты, сжигания и т. д. Испортиться такие предметы могут в случае нанесения непристойных и унижительных надписей или рисунков, нанесения каких-то иных механических повреждений. От уголовно наказуемого вандализма (когда осквернению подвергаются здания или иные сооружения, а порче — имущество на общественном транспорте или в иных общественных местах) правонарушение, предусмотренное ч. 2 ст. 5.26 КоАП РФ, отличается тем, что порче или уничтожению подлежат именно предметы, знаки и символы религиозного почитания, а так-

же объекты посягательства (при вандализме это общественный порядок).

В то же время, оскверняя предметы религиозного почитания, правонарушитель разделяет общество, подвергает его розни, насаждает вражду и нетерпимость по религиозному принципу. Поэтому большинство правонарушений по ч. 2 ст. 5.26 КоАП РФ вызваны не только основными (унижение, месть), но и дополнительными (вражда, ненависть) мотивами.

Наибольшее количество правонарушений совершено путем размещения на интернет-страницах социальных сетей текстово-графических изображений, оскверняющих предметы религиозного почитания. Эти изображения могут быть как созданными с нуля, так и получившимися в результате обработки, дорисовки прежних каких-то оригинальных изображений. Как правило, оригинальные изображения подвергаются порче.

Например, в нашем распоряжении имеется судебное постановление, в котором указано, что при открытии интернет-страницы «ВКонтакте», в профиле «Владимира Шомина», вкладки «фото», отражаются 632 фотографии. При переходе на фотографию 358 отображается текстово-графическое изображение неустановленного лица в облачении священнослужителя. В ходе осмотра данной интернет-страницы «ВКонтакте» обнаружены сведения, которые можно трактовать как экстремистские, а именно изображение негативного характера, направленное на разжигание религиозной розни. Таким образом, по результатам комплексного религиозно-лингвистического исследования изображения установлено содержание признаков осквернения предметов религиозного почитания, знаков и эмблем религиозной символики и атрибутики, а именно осквернение символов, эмблем и догматов веры (облачение Патриарха и знаков патриаршего достоинства — панагии, куколи и креста нагрудного) путем совмещения их с вымышленным образом «Главного Зла на Земле», а также выраженная в визуальной форме адресная негативная информация о лице, в отношении которого верующие осуществляют религиозное почитание, а именно Патриархе РПЦ. Данная информация является общественной характеристикой, т. е. характеристикой его деятельности, данной в связи с осуществлением профессиональной деятельности. Таким образом, Шомин В. В. совершил административное правонарушение, предусмотренное ч. 2 ст. 5.26 КоАП РФ¹.

¹ Постановление мирового судьи судебного участка № 49 района Черемушки г. Москвы Долгой И. И. по делу

Вот еще один пример, демонстрирующий, что виновный был побужден в том числе мотивами разжигания религиозной ненависти и вражды: «Оценивая субъективную сторону состава правонарушения, совершенного Мудрицким В. В., суд приходит к выводу о наличии у него умысла, поскольку он в силу своего возраста, а также полученного образования не мог не знать, что крест является орудием казни Богочеловека Иисуса Христа, на котором он был распят ради искупления людей, а потому публичное размещение в социальной сети "ВКонтакте" графического изображения, где изображен <данные изъяты>, содержание которого является явно оскорбительно-провокационным, направлено на разжигание негативных чувств верующих конкретной конфессии»¹. Данное провокационное действие не только унижает и оскорбляет чувства верующих путем осквернения предметов религиозного почитания, но и разжигает ненависть по указанным религиозным мотивам, по сути, являющимся экстремистскими. Следует отметить, что само правонарушение считается оконченным с момента совершения определенных действий, в данном случае размещения оскорбительного изображения для всеобщего обозрения в сети Интернет.

Наконец, стоит обратить внимание на пример не только низменного оскорбления чувства верующих, но и наиболее грубого и бесцеремонного умышленного возбуждения ненависти и вражды на религиозной почве, когда виновный Федотов А. А., использующий страницу <https://in.xxx> в социальной сети «ВКонтакте», опубликовал на своей странице, доступной для просмотра неопределенному кругу лиц, религиозное изображение — икону Божией Матери с внесенными изменениями (дорисованной шаурмой)². Как известно,

№ 5-730/2023 от 30 июня 2023 г. // Портал единого информационного пространства мировых судей города Москвы. URL: <https://mos-sud.ru/49/cases/admin/details/53104ecd-6929-48f5-acf9-971a7f4285e2?documentMainArticle=5.26&formType=fullForm> (дата обращения: 07.12.2023).

¹ Постановление мирового судьи судебного участка № 30 Белогорского судебного района Республики Крым Олейникова А. Ю. по делу № 5-30-229/2023 от 3 мая 2023 г. // Мировые судьи Республики Крым. URL: <http://mirsud82.rk.gov.ru/officework/dectextsas/?id=40972969&year=2023> (дата обращения: 07.12.2023).

² Постановление мирового судьи судебного участка № 377 Пресненского района г. Москвы Верясова А. В. по делу № 5-1046/23 от 16 мая 2023 г. // Портал единого информационного пространства мировых судей города Москвы. URL: <https://mos-sud.ru/377/cases/admin/details/e779c475-e985-48a5-bc36-76967cd5db54?documentMainArticle=5.26&formType=fullForm> (дата обращения: 07.12.2023).

шаурма является национальным блюдом Турции и других мусульманских стран, поэтому данное изображение может спровоцировать конфликт на религиозной почве между христианами и мусульманами, разжечь вражду, в любом случае может способствовать росту религиозной нетерпимости в обществе.

Размещение в помещениях предприятия и организаций подобных изображений встречается на много реже. Находясь в доступном для всеобщего обозрения месте, данные изображения бросаются в глаза посетителям и клиентам и вызывают крайне негативные эмоции.

В то же время имеется замечание, что при осуществлении юридической оценки таких деяний правоприменители вынуждены принимать во внимание необходимость разрешения конкуренции с нормой об административном правонарушении, предусматривающем возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства по признаку отношения к религии (ст. 20.31 КоАП РФ), фактически охватывающей публичное оскорбление чувств верующих [5, с. 344]. Однако не во всех случаях осквернение предметов религиозного почитания вызвано ненавистью и (или) враждой к данной группе граждан. Поэтому дополнять диспозицию ч. 2 рассматриваемой статьи указанными мотивами нецелесообразно, и в этом на самом деле нет никакой нужды.

Кроме того, в отличие от нацистской и иной запрещенной федеральными законами атрибутики или символики, являющимися предметами правонарушения, предусмотренного ст. 20.3 КоАП РФ, предметы религиозного почитания не находятся в каком-то запрещенном списке или перечне. Способы осквернения могут быть, как ранее отмечалось, самыми разнообразными, и факт осквернения предметов и знаков религиозного почитания устанавливается экспертизой. Подобный перечень по указанным причинам не может быть составлен, т. к. невозможно предусмотреть все способы осквернения.

Поэтому необходимо разграничивать не только данные административные правонарушения друг с другом, но и со смежной статьей УК РФ — ч. 1 ст. 148, т. к. в ней также не были закреплены признаки, которые позволили бы сформировать единообразную практику отграничения данного преступления от сходных уголовно и административно наказуемых деяний. Сама конструкция данной статьи подвергается справедливой критике [6, с. 218].

Следует отметить, что на практике имеются вполне успешные примеры такого отграничения,

когда законодатель прибегает к административной преюдиции. Так, ст. 280.1 УК РФ согласуется со ст. 20.3.2 КоАП РФ, ст. 282 УК РФ — со ст. 20.3.1 КоАП РФ.

Таким образом, если трансформировать диспозиции ч. 1 и 2 ст. 148 УК РФ, ч. 2 ст. 5.26 КоАП РФ, то можно добиться сохранения их как специальных норм по отношению соответственно к однородным уголовным и административным. Учеными уже предложена новая редакция конструкции ст. 148 УК РФ с учетом административной преюдиции:

«Статья 148. Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий

Публичные действия, выраженные в умышленном осквернении религиозной или богослужебной литературы, предметов религиозного почитания, знаков или эмблем мировоззренческой символики и атрибутики либо их порче или уничтожении, лицом после его привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года.

Публичные действия, выраженные в умышленном осквернении религиозной или богослужебной литературы, предметов религиозного почитания, знаков или эмблем мировоззренческой символики и атрибутики либо их порче или уничтожении, совершенные в местах, специально предназначенных для проведения богослужений, других религиозных обрядов и церемоний» [7, с. 347].

Полагаем, что для придания единообразия нормотворческой и правоприменительной деятельно-

сти будет логичным и целесообразным в диспозиции ч. 2 ст. 5.26 КоАП РФ указать, что правонарушение совершается публично, и изменить на следующую:

«Публичные действия, выраженные в умышленном осквернении религиозной или богослужебной литературы, предметов религиозного почитания, знаков или эмблем мировоззренческой символики и атрибутики либо их порче или уничтожении».

При установлении рассматриваемых экстремистских мотивов совершения данного правонарушения ч. 2 ст. 5.26 КоАП РФ следует считать специальной нормой по отношению к ст. 20.3.1 КоАП РФ. При повторном совершении названного административного правонарушения в течение календарного года виновное лицо привлекалось бы по соответствующей статье к уголовной ответственности.

Действия, оскверняющие предметы религиозного почитания, могут быть направлены на возбуждение религиозной ненависти либо вражды, посягают не только на общественные отношения, связанные с обеспечением свободы совести и свободы вероисповедания, но и на целостность Российской Федерации.

Подвергнутый новой редакции в КоАП РФ состав административного правонарушения был бы призван способствовать предотвращению и пресечению экстремизма в стране, росту терпимости и религиозному согласию в обществе, обладал бы профилактическим характером.

Список источников

1. Равнюшкин А. В. Проблемы квалификации совершения в общественных местах административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8. № 2. С. 111–118.
2. Равнюшкин А. В. Проблемы квалификации и практики применения совершаемых в общественных местах административных правонарушений, предусмотренных ст. 20.3.1 КоАП РФ // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9. № 3. С. 268–274.
3. Равнюшкин А. В. Предупреждение и пресечение нарядами полиции правонарушений экстремистской направленности в общественных местах: учебно-практическое пособие. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2022. 104 с.
4. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2022 год: № 1-АП «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях» // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=7> (дата обращения: 07.12.2023).
5. Иванова Т. Е. К вопросу о предпосылках введения и направлениях совершенствования уголовно-правового запрета публичных действий, выражающих явное неуважение к обществу и направленных на оскорбление религиозных чувств верующих // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13. № 1–2–1. С. 342–348.

6. Суворов В. И. К вопросу об объекте преступлений против свободы совести и свободы вероисповедания // Человек. Социум. Общество. 2023. № 10. С. 217–228.

7. Пережогина Г. В., Петров В. В. К вопросу об установлении административной преюдиции при привлечении лиц к уголовной ответственности за оскорбление религиозных чувств верующих в Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. № 4–1. С. 341–349.

References

1. Ravnuyshkin A. V. Problemy kvalifikatsii soversheniya v obshchestvennyh mestah administrativnogo pravonarusheniya, predusmotrennogo ch. 1 st. 20.3 KoAP RF // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. 2022. T. 8. № 2. S. 111–118.

2. Ravnuyshkin A. V. Problemy kvalifikatsii i praktiki primeneniya sovershaemyh v obshchestvennyh mestah administrativnyh pravonarushenij, predusmotrennyh st. 20.3.1 KoAP RF // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. 2023. T. 9. № 3. S. 268–274.

3. Ravnuyshkin A. V. Preduprezhdenie i presechenie naryadami policii pravonarushenij ekstremistskoj napravlenosti v obshchestvennyh mestah: uchebno-prakticheskoe posobie. Krasnodar: Krasnodarskij universitet MVD Rossii, 2022. 104 s.

4. Svodnye statisticheskie svedeniya o deyatelnosti federal'nyh sudov obshchej yurisdikcii i mirovyh sudej za 2022 god: № 1-AP «Otechet o rabote sudov obshchej yurisdikcii po rassmotreniyu del ob administrativnyh pravonarusheniyah» // Sudebnyj departament pri Verhovnom Sude Rossijskoj Federacii. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=7> (data obrashcheniya: 07.12.2023).

5. Ivanova T. E. K voprosu o predposylkah vvedeniya i napravleniyah sovershenstvovaniya ugovolno-pravovogo zapreta publicnyh dejstvij, vyrazhayushchih yavnoe neuvazhenie k obshchestvu i napravlennyh na oskorblenie religioznyh chuvstv veruyushchih // Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. 2023. T. 13. № 1–2–1. S. 342–348.

6. Suvorov V. I. K voprosu ob ob'ekte prestuplenij protiv svobody sovesti i svobody veroispovedaniya // Chelovek. Socium. Obshchestvo. 2023. № 10. S. 217–228.

7. Perezhogina G. V., Petrov V. V. K voprosu ob ustanovlenii administrativnoj prejudicii pri privlechenii lic k ugovolnoj otvetstvennosti za oskorblenie religioznyh chuvstv veruyushchih v Rossijskoj Federacii // Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. 2019. T. 9. № 4–1. S. 341–349.

Информация об авторе

А. В. Равнюшкин — кандидат исторических наук.

Information about the author

A. V. Ravnushkin — Candidate of Science (History).

Статья поступила в редакцию 13.12.2023; одобрена после рецензирования 12.01.2024; принята к публикации 22.02.2024.

The article was submitted 13.12.2023; approved after reviewing 12.01.2024; accepted for publication 22.02.2024.

Уголовно-правовые науки

Алтайский юридический вестник. 2024. № 1 (45). С. 58–64.

Altai Law Journal. 2024. № 1 (45). P. 58–64.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.985

ТИПИЧНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ СИТУАЦИИ, СКЛАДЫВАЮЩИЕСЯ НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НАРУШЕНИЯ МИГРАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Анастасия Анатольевна Бондарева

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия,

anastasiya.bondareva2906@gmail.com

Аннотация. Значимость ситуационного подхода в расследовании преступлений отмечается в научных работах большинства ученых. Автором проведен анализ научных взглядов ученых-криминалистов на содержание и сущность понятия «следственная ситуация», изучены научные работы, посвященные классификации типичных следственных ситуаций, складывающихся на первоначальном этапе расследования указанной категории преступлений. Проанализировав позиции ученых по данному вопросу, автор формулирует авторскую классификацию типичных следственных ситуаций, складывающихся на первоначальном этапе расследования преступлений в сфере нарушения миграционного законодательства, и предлагает алгоритм действий следователя (дознавателя) по их разрешению.

Ключевые слова: следственная ситуация, первоначальный этап расследования, уголовное дело, следственные действия, оперативно-розыскные мероприятия, организация незаконной миграции, иностранный гражданин

Для цитирования: Бондарева А. А. Типичные следственные ситуации, складывающиеся на первоначальном этапе расследования преступлений в сфере нарушения миграционного законодательства // Алтайский юридический вестник. 2024. № 1 (45). С. 58–64.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

TYPICAL INVESTIGATIVE SITUATIONS THAT DEVELOP AT THE INITIAL STAGE OF THE INVESTIGATION OF CRIMES IN THE FIELD OF VIOLATION OF MIGRATION LEGISLATION

Anastasiya A. Bondareva

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia,

anastasiya.bondareva2906@gmail.com

Abstract. The significance of the situational case in the investigation of indicators in the scientific works of most scientists. The author conducted a scientific analysis of the views of forensic scientists on the content and essence of the concept of «investigative situation», studied by the scientific works of researchers devoted to the classification of typical investigative events moving at the initial stages of the investigation of the specified category of consequences. Having analyzed the position of scientists on the consideration of the issue, the author formulates the author's classification of typical investigative situations that arise at the initial stages of investigations in the field of violation of migration legislation, and proposes an algorithm for the actions of the investigator (interrogator) to resolve them.

Keywords: investigative situation, initial stage of investigation, criminal case, investigative actions, operational search activities, organization of illegal migration, foreign citizen

For citation: Bondareva A. A. Typical investigative situations that develop at the initial stage of the investigation of crimes in the field of violation of migration legislation. *Altajskij juridicheskiy vestnik = Altai Law Journal*. 2024;1:58–64 (In Russ.).

© Бондарева А. А., 2024

Проведение эффективного предварительного расследования преступлений в сфере нарушения миграционного законодательства зависит от того, насколько следователем (дознавателем) будет осуществлена всесторонняя, полная и своевременная оценка обстоятельств и условий, сложившихся на определенный момент расследования. В целях обнаружения, сбора, исследования и оценки криминалистически значимой информации должностным лицам правоохранительных органов необходимо тактически грамотно провести оперативно-розыскные мероприятия и произвести процессуальные и следственные действия, характер и последовательность которых зависит от сложившейся на первоначальном этапе расследования преступления следственной ситуации.

В криминалистике мнения ученых относительно понятия «следственная ситуация» различны: одни авторы относят ее к системе объективно существующих факторов, которые определяют процесс расследования уголовного дела; другие авторы отдают предпочтение субъективным элементам. Так, Р. С. Белкин считал, что следственной ситуацией является «...совокупность условий, в которых в данный момент осуществляется расследование, то есть ту обстановку, в которой протекает процесс доказывания» [1, с. 187]. Л. Я. Драпкин, напротив, предложил рассматривать следственную ситуацию как «...мысленную динамическую модель, отражающую информационно-логическое, тактико-психологическое, тактико-управленческое и организационное состояние, сложившееся по уголовному делу и характеризующее благоприятный или неблагоприятный характер процесса расследования» [2, с. 17]. В. К. Гавло определил следственную ситуацию как «...сбор, совокупность информации, которая должна характеризовать определенное состояние в ходе расследования по уголовному делу без учета условий, а также обстановки, в которых оно происходит в период предварительного следствия» [3].

Мы в свою очередь солидарны с мнением А. В. Варданяна и И. И. Варова, согласно которому «...следственная ситуация есть динамично эволюционирующая под воздействием объективных и субъективных факторов, формирующаяся в рамках информационного, процессуально-тактического, психологического, организационного и материально-технического компонентов обстановка, в которой происходит расследование преступления» [4, с. 3]. Считаем необходимым учитывать не только объективные, но и субъективные факторы, т. к. в ходе производства предварительного рас-

следования в сфере нарушения миграционного законодательства следователь (дознаватель) должен обладать профессиональной терминологией в области миграционного законодательства и ориентироваться в нормативно-правовой базе в целях недопущения следственных ошибок.

Не менее дискуссионным является вопрос, касающийся классификации следственных ситуаций. А. С. Князьков выделил две группы ситуаций, производимых по характеру образующейся информации: формально-определенные и оценочно-информационные следственные ситуации. К первой группе, по мнению ученого, относятся типовая и конкретная, общая и частная, исходная и конечная следственные ситуации. Ко второй группе следует относить индивидуальные типичные и индивидуальные атипичные следственные ситуации, промежуточные, проблемные, конфликтные, ситуации тактического риска [5, с. 43].

Анализ научной литературы показал, что вопросам выделения типичных следственных ситуаций, возникающих при расследовании уголовных дел данной категории, уделяли свое внимание С. Ю. Бирюков, Т. Ф. Худина, А. В. Сухарникова, И. А. Ларионов [6, 7, 8, 9].

Мы разделяем позицию И. А. Ларионова по видению типичных следственных ситуаций, складывающихся на первоначальном этапе расследования преступлений в сфере нарушения миграционного законодательства, который изложил их следующим образом:

Ситуация 1. Задержан с поличным (при взаимодействии с мигрантами, соучастниками, принимающей стороной, лицами, неосведомленными о преступном умысле задержанного) участник организованной группы, специализирующейся на организации незаконной миграции, установлена причастность к совершению данных деяний большинства участников организованной группы.

Ситуация 2. Задержан субъект организации незаконной миграции, обстоятельства указывают на связь его действий с деятельностью организованной группы, сведения об участниках которой, а также о специфике функционирования организованной группы недостаточны для их установления.

Ситуация 3. Установлен факт проживания и/или осуществления трудовой деятельности незаконно находящихся в РФ иностранных граждан или лиц без гражданства вне адреса, указанного в миграционных документах.

Ситуация 4. Установлено лицо, систематически осуществляющее подделку или подлог миграционных документов в отношении заведомо

фиктивной информации о пересечении мигрантом государственной границы РФ.

Ситуация 5. Факт организации незаконной миграции (в виде отдельных обстоятельств, указывающих на данное деяние) установлен в процессе расследования иных преступлений [9, с. 105–110].

Мы согласны с приведенным И. А. Ларионовым перечнем следственных ситуаций. Однако практика раскрытия и расследования преступлений данного вида показывает, что преступлениям в сфере нарушения миграционного законодательства нередко присущ групповой и организованный характер, в состав соучастников входят должностные лица, которые, используя свои служебные полномочия, содействуют в обеспечении функционирования незаконных каналов легализации мигрантов на территории Российской Федерации.

На основании эмпирических данных¹ сформулируем авторскую позицию по поводу следственных ситуаций, складывающихся на первоначальном этапе расследования преступлений в сфере нарушения миграционного законодательства, и классифицируем их следующим образом.

1. В зависимости от источника получения информации о признаках преступления можно выделить следующие следственные ситуации:

Ситуация 1. В результате проведения оперативно-розыскных мероприятий установлен факт совершения преступления в сфере нарушения миграционного законодательства — 58 %.

Ситуация 2. В результате осуществления государственной функции по контролю и надзору за соблюдением миграционного законодательства иностранными гражданами и лицами без гражданства установлен факт проживания и/или осуществления трудовой деятельности незаконно находящихся в Российской Федерации иностранных граждан или лиц без гражданства вне адреса, указанного в документах, предоставленных в подразделении по вопросам миграции, — 36 %.

Ситуация 3. Факт совершения преступления в сфере нарушения миграционного законодательства установлен в ходе расследования других преступлений — 6 %.

II. В зависимости от количества лиц, совершивших преступление, и их организованной де-

ятельности можно выделить следующие следственные ситуации:

Ситуация 1. Полученные доказательства свидетельствуют, что преступление было совершено одним лицом, деятельность которого направлена на организацию незаконного въезда иностранных граждан или лиц без гражданства на территорию Российской Федерации, их пребывания на территории страны, — 54 %.

Ситуация 2. Полученные доказательства свидетельствуют, что преступление было совершено группой лиц по предварительному сговору, деятельность которой направлена на организацию незаконного въезда иностранных граждан или лиц без гражданства на территорию Российской Федерации, их пребывания на территории страны, — 29 %.

Ситуация 3. Полученные доказательства свидетельствуют, что преступление было совершено организованной группой, деятельность которой направлена на организацию канала незаконной миграции. Участники группы установлены, в большинстве случаев к участникам преступной группы относится должностное лицо, использующее свои служебные полномочия и содействующее в обеспечении функционирования незаконного канала легализации иностранных граждан, лиц без гражданства на территории Российской Федерации. Часть участников организованной группы задержаны в соответствии со статьями 91 и 92 УПК РФ — 17 %.

Рассмотрим I группу из предложенной классификации типичных следственных ситуаций более подробно и предложим алгоритм их разрешения.

1. В результате проведения оперативно-розыскных мероприятий установлен факт совершения преступления в сфере нарушения миграционного законодательства.

Применительно к данной следственной ситуации первоначального этапа расследования перед следователем (дознавателем) стоит задача закрепления имеющихся доказательств. Необходимо изучить представленные оперативно-розыскным подразделением письменные материалы в целях их использования для подготовки и осуществления следственных действий. Допросить в качестве свидетелей очевидцев преступления и также лиц, принимавших участие в проведении оперативно-розыскных мероприятий и дававших объяснения. Допросить в качестве свидетелей незаконно находящихся на территории Российской Федерации иностранных граждан, лиц без гражданства, которым был организован въезд в страну, пребывание

¹ Данные получены по результатам изучения и обобщения следственно-судебной практики расследования преступлений в сфере нарушения миграционного законодательства (120 уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 322¹, 322², 322³ УК РФ, и иных смежных общественно опасных деяний, совершенных с вышеназванными по совокупности).

(проживание) на территории страны в нарушение миграционного законодательства. Произвести допрос подозреваемого. Провести обыски по месту жительства, месту работы подозреваемого, также выемки предметов и документов (уведомлений о прибытии в место пребывания иностранного гражданина или лица без гражданства, уведомлений о заключении гражданско-правовых (трудовых) договоров на выполнение работ (оказание услуг) с иностранными гражданами (лицами без гражданства), миграционных карт и т. д.), местонахождение которых было установлено в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий и которые могут быть признаны вещественными доказательствами по уголовному делу. Далее провести осмотр изъятого при производстве обыска, выемки с составлением протоколов осмотра предметов (документов). Назначить необходимые судебные экспертизы: технико-криминалистическую экспертизу документов, почерковедческую, фоноскопическую и т. д., при необходимости получить образцы для сравнительного исследования.

2. В результате осуществления государственной функции по контролю и надзору за соблюдением миграционного законодательства иностранными гражданами и лицами без гражданства установлен факт проживания и/или осуществления трудовой деятельности незаконно находящихся в Российской Федерации иностранных граждан или лиц без гражданства вне адреса, указанного в документах, предоставленных в подразделения по вопросам миграции.

Применительно к данной следственной ситуации целесообразно произвести осмотр места происшествия — «резиновой» квартиры (в случае установления фиктивной регистрации или постановки мигранта в жилом помещении), в ходе которого с использованием фото- и видеотехники зафиксировать факт отсутствия следов пребывания (нахождения) иностранных граждан или лиц без гражданства (отсутствие значительного количества спальных мест, предметов личной гигиены, носимых вещей и т. д.). Также необходимо произвести допрос свидетелей, к которым будет относиться сотрудник подразделения по вопросам миграции, о порядке осуществления миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации, о порядке осуществления ими трудовой деятельности, об обстоятельствах выявления факта фиктивной постановки на учет, предоставления фиктивного гражданско-правового договора на выполнение работ (оказание услуг). Также у сотрудника подразде-

ления по вопросам миграции произвести выемку бланков (отрывные части) уведомлений о прибытии в место пребывания иностранного гражданина или лица без гражданства; заявлений о постановке (регистрации) на учет граждан РФ или иностранных граждан, поданных при постановке на учет; уведомлений о заключении гражданско-правовых (трудовых) договоров на выполнение работ (оказание услуг) с иностранными гражданами (лицами без гражданства). Осмотреть и приобщить указанные документы в качестве вещественных доказательств, имеющих значение для уголовного дела. При необходимости провести почерковедческую экспертизу по рукописным заявлениям и подписям в бланках уведомлений о прибытии в место пребывания иностранного гражданина или лица без гражданства, о заключении трудовых договоров. Установить местонахождение мигрантов, проживающих/осуществляющих трудовую деятельность вне адреса, указанного в документах, предоставленных в подразделения по вопросам миграции, и произвести их допрос в качестве свидетелей. В случае неустановления их местоположения направить поручение о проведении отдельных следственных действий в оперативные подразделения МВД России, ФСБ России, ПУ ФСБ России для установления их местонахождения и обеспечения явки на допрос. Установить лицо, совершившее преступление, его местонахождение, допросить в качестве подозреваемого. Произвести по месту жительства или работы подозреваемого обыск в целях изъятия документов и предметов, подтверждающих факт незаконного трудоустройства или фиктивного проживания мигрантов.

3. Факт совершения преступления в сфере нарушения миграционного законодательства установлен в ходе расследования других преступлений.

При возникновении данной следственной ситуации необходимо в соответствии со ст. 154, 155 УПК РФ выделить из уголовного дела в отдельное производство другое уголовное дело или материалы уголовного дела.

Например, в автомобильном пункте пропуска «Павловка» сотрудниками ПУ ФСБ России по Новосибирской области при попытке выезда с территории РФ выявлена незаконно находящаяся гражданка Республики Узбекистан Б. В отношении гражданки Б. возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 322 УК РФ. В ходе проведения следственных действий по уголовному делу установлено, что незаконный въезд на территорию РФ гражданки Республики Узбекистан Б. органи-

зовали проводники пассажирского поезда № 124 сообщением «Белгород–Новосибирск», гражданки РФ Г. и П. В действиях Г. и П. усматривались признаки состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 322¹ УК РФ. В соответствии со ст. 155 УПК РФ дознавателем вынесено постановление о выделении в отдельное производство материалов уголовного дела¹.

В целях установления всех обстоятельств преступной деятельности, связанной с нарушением миграционного законодательства, необходимо исследовать фактические данные, изложенные в протоколах ранее проведенных следственных действий либо в иных выделенных в отдельное производство материалах, а также провести оперативно-розыскные мероприятия, процессуальные и следственные действия, которые изложены в ситуациях 1 и 2 типов.

Перейдем к рассмотрению II группы типичных следственных ситуаций и предложим соответствующий алгоритм их разрешения.

1. Полученные доказательства свидетельствуют, что преступление было совершено одним лицом, деятельность которого направлена на организацию незаконного въезда иностранных граждан или лиц без гражданства на территорию Российской Федерации, их пребывания на территории страны.

Особенностью данной следственной ситуации является то, что преступная деятельность одного лица может быть установлена как в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий, так и в результате осуществления государственной функции по контролю и надзору за соблюдением миграционного законодательства иностранными гражданами и лицами без гражданства. Если информация поступила из оперативных источников, то целесообразно провести комплекс согласованных следственных действий, процессуальных действий и оперативно-розыскных мероприятий, обеспечивающих задержание лица. В случае установления факта противоправной деятельности лица при осуществлении контроля и надзора за соблюдением миграционного законодательства необходимо провести осмотр места происшествия (служебного кабинета, офисного помещения, где лицо осуществляло незаконную деятельность по созданию условий для въезда, пребывания, проживания мигрантов в РФ). Допросить лицо в качестве подозреваемого. Провести обыск по месту жительства (работы), выемку предметов и документов, под-

тверждающих факт незаконного въезда мигрантов в РФ, их пребывания (проживания) в стране. Изъятые предметы и документы подлежат осмотру и приобщению в качестве вещественных доказательств. Назначить технико-криминалистическую, почерковедческую и иные виды судебных экспертиз. Допросить в качестве свидетелей мигрантов, которые воспользовались услугами данного лица. Провести допрос других свидетелей (очевидцев совершения преступления, принимающей стороны, сотрудника подразделения по вопросам миграции, сотрудника оперативного подразделения МВД России, ФСБ России, ПУ ФСБ России, родственников и знакомых подозреваемого, обладающих информацией об осуществлении им преступной деятельности и т. д.).

2. Полученные доказательства свидетельствуют, что преступление было совершено группой лиц по предварительному сговору, деятельность которой направлена на организацию незаконного въезда иностранных граждан или лиц без гражданства на территорию Российской Федерации, их пребывания на территории страны.

Особенностью следственной ситуации является то, что преступная деятельность группы лиц по предварительному сговору устанавливается в результате осуществления оперативно-розыскной деятельности. В данной следственной ситуации тактическими задачами являются установление причастности к совершению преступления двух и более лиц, совершивших преступление, и накопление доказательственной информации, изобличающей совершение преступления группой лиц по предварительному сговору. При производстве допроса подозреваемого необходимо установить лиц, участвовавших в совершении преступления, их действия, направленные на подготовку совершения преступного деяния, непосредственное совершение преступного посягательства и также действия, направленные на сокрытие следов преступления. Выяснить информацию о времени и месте вступления лиц в преступный сговор, о распределении ролей в преступной группе. Установить очевидцев совершения преступления, незаконно находящихся мигрантов и лиц, принимавших участие в проведении оперативно-розыскных мероприятий и дававших объяснения, допросить их в качестве свидетелей. При осуществлении допроса свидетелей необходимо собрать информацию относительно иных соучастников и их преступной деятельности. Аналогично провести обыски по месту жительства, месту работы участников группы, выемки документов и предметов, подтвержда-

¹ Архив Ленинского районного суда г. Омска. Дело № 1-592/2018.

ющих факт незаконного въезда мигрантов в РФ, их пребывания (проживания) в стране. Изъятые предметы, документы в ходе проведения вышеназванных следственных действий осмотреть и приобщить в качестве вещественных доказательств. Назначить необходимые судебные экспертизы.

3. Полученные доказательства свидетельствуют, что преступление было совершено организованной группой, деятельность которой направлена на организацию канала незаконной миграции. Участники группы установлены, в большинстве случаев к участникам преступной группы относится должностное лицо, использующее свои служебные полномочия и содействующее в обеспечении функционирования незаконного канала легализации иностранных граждан, лиц без гражданства на территории Российской Федерации. Часть участников организованной группы задержаны в соответствии со статьями 91 и 92 УПК РФ.

Типичная следственная ситуация складывается вследствие непосредственного выявления признаков преступления в сфере нарушения миграционного законодательства органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность.

Например, в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий сотрудниками УУР ГУ МВД России по Новосибирской области выявлена и задокументирована деятельность организованной группы, занимавшейся организацией незаконной миграции иностранных граждан. В ходе проведения оперативно-розыскного мероприятия «Проверочная закупка» установлено, что организатор организованной группы гражданин М. при содействии соучастников гражданки З., гражданина М. и гражданина Ф. (инспектор отдела по вопросам миграции) организовали незаконное пребывание в РФ двух граждан Киргизской Республики путем изготовления и сбыта на их имя фиктивных трудовых договоров с последующей постановкой на миграционный учет¹.

Мы считаем справедливым мнение А. В. Варданяна, что «правоприменительная деятельность органов внутренних дел позволила накопить определенный положительный опыт реализации возможностей, предоставленных законом "Об оперативно-розыскной деятельности", в практике раскрытия наиболее опасных преступных проявлений» [10, с. 62]. Реализация оперативно-розыскных мероприятий предупреждает задержание соучастников преступной группы. В этой связи необходимо произвести допрос подозреваемых и из-

брать меру пресечения. Учитывая организованный характер группы, в процессе производства допроса подозреваемого является важным установление признаков, присущих организованной группе: устойчивости, высокой степени организованности, наличия постоянных средств связи для быстрого взаимодействия между участниками. Произвести осмотр места происшествия (служебного кабинета, офисного помещения, где осуществлялась незаконная деятельность по созданию условий для въезда, пребывания, проживания мигрантов в РФ), также обыск по месту жительства (работы) соучастников, выемку предметов, документов, отражающих преступную деятельность организованной группы. В связи с участием в организации канала незаконной миграции должностного лица органов государственной власти необходимо произвести обыск или выемку по месту его службы и допросить в качестве свидетелей коллег. И также необходимо определить служебные полномочия должностного лица, которые им использовались в преступных целях, правовые основания наделения виновного лица таковыми служебными полномочиями (приказ о назначении на должность, контракт, должностной регламент (инструкция) и т. д.).

Далее следует осмотреть предметы и документы, изъятые в ходе осмотра места происшествия, обыска или выемки. Назначить судебные экспертизы, при необходимости получить образцы для сравнительного исследования. Установить иностранных граждан, лиц без гражданства, которым преступной группой были созданы условия для незаконного въезда, пребывания на территории РФ, очевидцев совершения преступления и также иных лиц, обладающих значимой для предварительного расследования информацией, в целях дачи свидетельских показаний. Также произвести допрос в качестве свидетелей понятых и должностных лиц органов, осуществлявших оперативно-розыскную деятельность, участвовавших в проведении оперативно-розыскных мероприятий. При этом осуществляются процессуальные действия для получения и фиксации информации об организованном характере преступной деятельности, имеющей доказательственное значение. В связи с большим объемом проведения следственных и процессуальных действий целесообразным для типичной следственной ситуации является создание следственной группы в соответствии со ст. 163 УПК РФ.

Таким образом, нами сформулирован перечень типичных следственных ситуаций, складывающихся на первоначальном этапе расследования преступлений в сфере нарушения миграционного

¹ Архив Дзержинского районного суда г. Новосибирска. Дело № 1-267/2020.

законодательства, предусматривающий алгоритм следственных и процессуальных действий, оперативно-розыскных мероприятий, что должно способствовать повышению эффективности деятельности правоохранительных органов по расследованию преступлений данного вида.

Список источников

1. Белкин Р. С. Курс криминалистики: в 3 т. М., 1997. Т. 3. 480 с.
2. Драпкин Л. Я. Основы теории следственных ситуаций. Свердловск, 1987. 164 с.
3. Гавло В. К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. Томск, 1985. 379 с.
4. Варданыан А. В., Варов И. И. Дискуссионные вопросы формирования исходных следственных ситуаций, типичных для первоначального этапа злоупотреблений полномочиями лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческих и иных организациях // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 2–2. С. 3–9.
5. Князьков А. С. Классификация следственных ситуаций // Вестник Томского государственного университета. Право. 2013. № 1 (7). С. 36–46.
6. Бирюков С. Ю. Особенности расследования организации незаконной миграции: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2008. 226 с.
7. Худина Т. Ф. Методика расследования преступлений, связанных с незаконным оформлением документов для въезда и проживания в России иностранных граждан и лиц без гражданства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2008. 23 с.
8. Сухарникова А. В. Методика расследования преступлений, совершаемых в сфере организации незаконной миграции: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 23 с.
9. Ларионов И. А. Совершенствование методики расследования преступлений в сфере организации незаконной миграции: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2022. 235 с.
10. Варданыан А. В. Результаты оперативно-розыскной деятельности как источники доказательственной информации по уголовному делу // Юристы-Правоведь. 2010. № 6 (43). С. 61–64.

References

1. Belkin R. S. Kurs kriminalistiki: v 3 t. M., 1997. T. 3. 480 s.
2. Drapkin L. Ya. Osnovy teorii sledstvennykh situatsij. Sverdlovsk, 1987. 164 s.
3. Gavlo V. K. Teoreticheskie problemy i praktika primeneniya metodiki rassledovaniya otdel'nykh vidov prestuplenij. Tomsk, 1985. 379 s.
4. Vardanyan A. V., Varov I. I. Diskussionnye voprosy formirovaniya iskhodnykh sledstvennykh situatsij, tipichnykh dlya pervonachal'nogo etapa zloupotreblenij polnomochiyami licami, vpolnyayushchimi upravlencheskie funkicii v kommercheskih i inyh organizatsiyah // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki. 2013. № 2–2. S. 3–9.
5. Knyaz'kov A. S. Klassifikaciya sledstvennykh situatsij // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. 2013. № 1 (7). S. 36–46.
6. Biryukov S. Yu. Osobennosti rassledovaniya organizatsii nezakonnoj migratsii: dis. ... kand. yurid. nauk. Volgograd, 2008. 226 s.
7. Hudina T. F. Metodika rassledovaniya prestuplenij, svyazannykh s nezakonnym oformleniem dokumentov dlya v'ezda i prozhivaniya v Rossii inostrannykh grazhdan i lic bez grazhdanstva: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Irkutsk, 2008. 23 s.
8. Suharnikova A. V. Metodika rassledovaniya prestuplenij, sovershaemykh v sfere organizatsii nezakonnoj migratsii: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2010. 23 s.
9. Larionov I. A. Sovershenstvovanie metodiki rassledovaniya prestuplenij v sfere organizatsii nezakonnoj migratsii: dis. ... kand. yurid. nauk. Rostov-na-Donu, 2022. 235 s.
10. Vardanyan A. V. Rezul'taty operativno-razysknoj deyatel'nosti kak istochniki dokazatel'stvennoj informatsii po ugovolnomu delu // Yurist'-Pravoved'. 2010. № 6 (43). С. 61–64.

Статья поступила в редакцию 15.12.2023; одобрена после рецензирования 26.01.2024; принята к публикации 22.02.2024.

The article was submitted 15.12.2023; approved after reviewing 26.01.2024; accepted for publication 22.02.2024.

ОПЕРАТИВНО ЗНАЧИМЫЕ ДАННЫЕ О МЕХАНИЗМЕ СЛЕДОБРАЗОВАНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДИСТАНЦИОННОГО МОШЕННИЧЕСТВА

Сергей Иванович Давыдов¹, Александр Альбертович Шмидт², Евгений Олегович Наливайко³

^{1,2} Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия

¹ davidov_ord@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6245-0726>

² alexshm79@mail.ru

³ Дальневосточный юридический институт МВД России имени И. Ф. Шилова, Хабаровск, Россия,
nalivayko.ev@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются общие положения криминалистического учения о сле­ дообразовании и его значение в исследовании проблем поиска и получения оперативными подразде­ лениями информации о преступлении. Дана характеристика информационно-коммуникационной среды как сферы возникновения информации о следах дистанционного мошенничества. Представлен пере­ чень электронных носителей информации о дистанционном мошенничестве; классификация следов, образующихся при совершении указанных преступлений, типичные доказательства, формирующиеся по такой категории уголовных дел. Подчеркивается роль оперативных подразделений в добывании информации, имеющей доказательственное значение.

Ключевые слова: информация, слеобразование, дистанционное мошенничество, оперативные подразделения, доказательства

Для цитирования: Давыдов С. И., Шмидт А. А., Наливайко Е. О. Оперативно значимые данные о механизме слеобразования как элемент оперативно-розыскной характеристики дистанционного мошенничества // Алтайский юридический вестник. 2024. № 1 (45). С. 65–71.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

OPERATIONALLY SIGNIFICANT DATA ON THE MECHANISM OF TRACE FORMATION AS AN ELEMENT OF OPERATIONAL AND SEARCH CHARACTERISTICS OF REMOTE FRAUD

Sergei I. Davidov¹, Alexander A. Schmidt², Evgeny O. Nalivaiko³

^{1,2} Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia

¹ davidov_ord@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6245-0726>

² alexshm79@mail.ru

³ Shilova Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia, Khabarovsk, Russia,
nalivayko.ev@yandex.ru

Abstract. The general provisions of the forensic theory of trace formation and its significance in the study of the problems of searching and obtaining information about a crime by operational units are considered. The characteristics of the information and communication environment as a sphere of occurrence of information about the traces of remote fraud are given. A list of electronic media of information about remote fraud is presented; classification of traces formed during the commission of these crimes, typical evidence formed in this category of criminal cases. The role of operational units in obtaining information of evidentiary value is emphasized.

Keywords: information, trace formation, remote fraud, operational units, evidence

For citation: Davidov S. I., Schmidt A. A., Nalivaiko E. O. Operationally significant data on the mechanism of trace formation as an element of operational and search characteristics of remote fraud. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2024;1:65–71 (In Russ.).

Для разработки эффективных оперативно-розыскных методик раскрытия преступлений, включая и дистанционное мошенничество, большое значение имеют знания о механизме образования следов преступления. Это позволяет целенаправленно организовать использование специальных средств и методов оперативно-розыскной деятельности для поиска, получения и фиксации информации о следах преступления. Полученная информация в последующем может являться основой для формирования доказательственной базы по уголовным делам либо носить ориентирующий характер, способствовать установлению лиц, совершивших преступления. В связи с этим полагаем, что оперативно значимые данные о механизме образования следов при совершении дистанционного мошенничества следует рассматривать в качестве элемента его оперативно-розыскной характеристики.

Процесс образования информации о дистанционных мошенничествах, поиском которой должны заниматься оперативные подразделения, обусловлен закономерностями механизма следообразования в информационно-коммуникационной среде при совершении таких преступлений. В теории оперативно-розыскной деятельности проблемы, связанные с источниками, носителями, видами информации, образующейся при совершении преступлений в информационно-коммуникационной среде, в настоящее время активно разрабатываются, однако остается еще много неразрешенных вопросов.

Вначале сделаем важное уточнение об использовании в настоящей статье терминов «след» и «информация». Как известно, смысл оперативно-розыскной деятельности заключается в добытии информации, а категорию «след» принято относить к криминалистической. Полагаем, что указанные понятия взаимосвязаны, след необходимо рассматривать как источник информации. Уместно привести суждение В. С. Овчинского о роли информации в процессе доказывания: «оперативно-розыскная информация отражает явления, события, обстоятельства, изменения в среде, которые возникают в результате преступлений <...> она определяет вещи, предметы, факты, которые могут быть доказательствами; обладает теми сведениями, которые представляют собой содержание доказательств; указывает на людей, документы, которые становятся источниками доказательств» [1, с. 553–554].

Рассмотрение вопросов специфики образования оперативно значимой информации о дистан-

ционных мошенничествах невозможно без обращения к общим положениям криминалистического учения о следообразовании, которое активно развивается в новых условиях цифровой реальности. Тем не менее вначале обратимся к истокам учения и общим понятиям. В общепринятом понимании механизм следообразования — это «специфическая конкретная форма протекания процесса, конечная фаза которого представляет собой образование следа — отображения. Элементами этого механизма являются объекты следообразования — следообразующий, следовоспринимающий и вещество следа, следовый контакт как результат взаимодействия между ними вследствие приложения энергии к объектам следообразования» [2, с. 61].

Для эффективной деятельности оперативных подразделений по раскрытию преступлений большое значение имеют знания о закономерностях возникновения информации об обстоятельствах совершения преступления, его механизме. Познание указанных закономерностей способствует установлению лица, совершившего преступление, поиску и обнаружению доказательственной информации. Методологической основой выделения данных закономерностей является «свойство отражения, которое является всеобщим свойством материи» [3, с. 127].

Обратимся к исследованию А. М. Кустова [4, с. 230–231], в котором раскрывается суть процесса возникновения информации о механизме преступления, и выделим три аспекта, характеризующих этот процесс:

1) механизм преступления — это совокупность различных процессов и явлений, которые обязательно отражаются на участниках события, объектах и предметах окружающей среды в виде их изменений, которые и несут информацию о преступлении;

2) в результате взаимодействия материальных элементов механизма преступления появляются носители криминалистически значимой информации о нем;

3) возникшие следы преступления имеют способность сохранять и передавать содержащуюся в них информацию о преступлении.

Однако знание механизма образования информации о преступлении недостаточно для того, чтобы оперативно сотруднику организовать эффективную работу по ее поиску. Применительно к каждому виду преступления ему необходимо также представлять: содержание искомой информации с учетом целей установления преступника и его изобличения; для решения каких задач она

будет использоваться; объем требуемой информации; возможные ее источники; какие оперативно-розыскные мероприятия необходимо провести для поиска и получения информации; какие при этом технические средства применить; как зафиксировать полученную информацию для последующего ее использования.

В комплексе теоретических знаний об образовании оперативно значимой информации о следах дистанционного мошенничества особое место занимает характеристика электронных следов. Полагаем, что наиболее удачно ее представил А. Б. Смушкин [5, с. 43], выделив следующие признаки таких следов:

- это одна из объективных форм существования компьютерной информации;
- электронные следы всегда опосредованы через искусственно созданный предмет материального мира; вне электронного носителя информации они физически не могут существовать;
- дистанционный доступ к электронным следам могут одновременно иметь много физических лиц;
- они могут быть скопированы на различные виды электронных носителей информации;
- электронные следы обнаруживаются, исследуются и используются только с помощью специальных научно-технических средств.

Перейдем к характеристике информационно-коммуникационной среды как сферы возникновения информации об электронных следах совершения дистанционных мошенничеств.

Обстоятельно исследовал понятие «информационная среда» К. А. Калужный, определяя ее как «часть пространства, в котором взаимодействуют и самоорганизуются субъекты и объекты информационных процессов, поддерживаемых информационной инфраструктурой, связанной с поиском, обработкой и хранением информации и знаний» [6, с. 17]. Структуру информационной среды, по его мнению, составляют:

- «информационные процессы (процессы создания, поиска, обработки, хранения, распространения и потребления информации);
- документы (материальные объекты с зафиксированной на них информацией в виде текстовой, звуковой, графической формы и предназначенной для обмена между участниками информационных процессов);
- информационные технологии (средства и способы создания, поиска, обработки, хранения, распространения, потребления информации);

- информационная инфраструктура (базы, банки данных; аппаратное и программное обеспечение, информационные сервисы, технический персонал);

- сетевая инфраструктура (беспроводные коммуникационные каналы и сети — компьютерные, телефонные; системы сетевого управления — сетевое оборудование)» [6, с. 18–19].

Считаем, что при проведении оперативно-розыскных исследований по проблемам механизма образования в информационной среде информации о преступлениях необходимо учитывать и такой ее признак, как информационная среда, которая не существует без присутствия человека, формируется им и одновременно влияет на него. Отметим, что фактически такой же позиции придерживается А. Л. Осипенко, считающий, что «возможно говорить о существовании в криминологическом смысле сетевой социальной среды как устойчивой специфической совокупности личностей, участвующих в сетевых коммуникационных процессах ("сетевое сообщество"), и возникающих между ними общественных отношений», специфика которых определяется создаваемым сетевым информационным пространством [7, с. 69–70].

Лица, совершающие дистанционные мошенничества, используют сетевое пространство как среду установления контактов с потерпевшими и непосредственного осуществления действий с целью реализации своего преступного умысла. Указанные действия преступников в информационной среде неизбежно оставляют электронные следы, на поиск и обнаружение которых направлена деятельность оперативных подразделений при раскрытии преступлений.

Наиболее значимым элементом инфраструктуры информационной среды для целей поиска, получения информации и формирования будущих доказательств по уголовным делам о дистанционном мошенничестве являются электронные носители информации. Для оперативного сотрудника важно знать, какая информация может содержаться на электронных носителях и какое она может иметь значение для установления лиц, совершивших дистанционные мошенничества.

В криминалистике, теории оперативно-розыскной деятельности пока не сложилось устойчивых представлений о понятии «электронный носитель информации». С нашей точки зрения, в этом вопросе следует принять подход А. Л. Осипенко и А. И. Гайдина, которые предлагают обратиться к понятию, сформулированному в ГОСТе 2.051-

2006: «Электронный носитель — это материальный носитель, используемый для записи, хранения и воспроизведения информации, обрабатываемой с помощью средств вычислительной техники». Они же уточняют, что «объектами, которые, без сомнения, подпадают под это определение, являются носители информации, не являющиеся частью другого устройства и реализующие функцию хранения информации в качестве основной» [8]. Обобщив имеющиеся в литературе сведения, полагаем, что можно представить следующий перечень электронных носителей информации:

- внешние накопители на жестких магнитных дисках;
- оптические носители информации (CD, DVD и другие диски);
- карты флэш-памяти;
- установленные в средствах вычислительной техники внутренние накопители на жестких магнитных дисках (винчестеры);
- все устройства, реализующие функцию записи, хранения и воспроизведения информации (различные приборы, бытовая техника, сувениры, игрушки и др.);
- облачные хранилища, расположенные на удаленных сетевых серверах;
- электронные цифровые устройства, оснащенные картами флэш-памяти (смартфоны, планшеты, фотоаппараты, видеорегистраторы и т. п.).

Особо следует выделить мобильные телефоны в качестве носителей электронной информации, поскольку они представляют собой миниатюрную приемо-передающую станцию, оснащенную специализированным процессором с необходимым объемом электронной памяти.

Наиболее значимой для раскрытия дистанционного мошенничества является биллинговая и коммуникационная информация, которую выделил и охарактеризовал в своей докторской диссертации В. Ф. Васюков [9, с. 10]:

- об активности в сети сотовой связи пользователя мобильного устройства;
- о коммуникативной деятельности в сети пользователя (абонента);
- о социокоммуникативном портрете абонента;
- о геолокации мобильного телефона;
- об абонентском маршруте, т. е. путях следования абонента.

Несмотря на технические различия электронных носителей информации о дистанционном мошенничестве, в т. ч. не относящихся к средствам компьютерной техники, механизм образования на них информации в большей степени характеризу-

ется сходством, чем отличиями. Из этого следует, что свойства информации, которая образуется в информационном пространстве и фиксируется с помощью технических средств коммуникации, одинаковые. А выделение таких свойств важно с точки зрения ее доказательственного значения.

Во-первых, это информация объективная, т. е. она зафиксирована и существует вне и независимо от человеческого сознания, от чьего-либо мнения или суждения.

Во-вторых, эта информация достоверная, она отражает истинное положение дел. При правильной фиксации информация не может быть искажена. Преднамеренное ее искажение может быть выявлено экспертным исследованием.

Указанные характеристики информации, образующейся в информационной среде, обеспечивают достоверность формируемых на ее основе доказательств по делам о дистанционном мошенничестве.

Для эффективной деятельности оперативных подразделений по поиску, получению информации в процессе раскрытия дистанционного мошенничества необходимо знать специфику следов указанного преступления, места их возникновения, а также доказательства, которые формируются на основе таких следов.

Определяя значение получаемой в процессе оперативно-розыскной деятельности по раскрытию дистанционного мошенничества информации в доказывании, обратимся к высказыванию С. С. Овчинского: «Оперативно-розыскная информация обеспечивает установление обстоятельств совершенного преступления и получения данных о доказательствах» [10, с. 61].

Думается, здесь необходимо сделать пояснение относительно применения терминов «след» и «доказательство». Достаточно обстоятельно исследует этот вопрос Н. В. Карепанов, отмечая, что «доказательство есть не что иное, как форма следов, которая допускает использование последних в судопроизводстве. Эти понятия неразрывно связаны. Существенными различиями между ними являются отношения к процессуальной форме. Следы всегда первичны, доказательства вторичны. Их взаимодействие складывается в процессе превращения следов в доказательства» [11, с. 382–387].

Таким образом, деятельность оперативных подразделений по раскрытию дистанционного мошенничества должна быть организована с учетом следующей цепочки преобразования данных о преступном событии: «поиск, получение оперативно-розыскной информации о следах преступной дея-

тельности» — «обнаружение, фиксация, изъятие, исследование следов» — «преобразование следов в доказательства в соответствии с УПК РФ».

В результате совершения дистанционного мошенничества образуются следующие группы следов, информацию о которых необходимо добывать в процессе его раскрытия:

- способствующие установлению личности преступника и его связей;
- отражающие механизм совершения преступления;
- указывающие на место и время его совершения;
- способствующие выявлению потерпевших, ранее не обращавшихся с заявлением.

При раскрытии дистанционного мошенничества необходимо учитывать, что следы преступления образуются не только в информационной среде, которые мы определили как электронные. Образуются и традиционные следы — материальные, идеальные. Это обусловлено совершением преступниками и лицами, связанными с ними, целого комплекса действий, направленных на создание условий совершения преступления, его подготовку, подбор участников, распределение ролей, осуществление мер конспирации, организацию противодействия правоохранительным органам и др.

Мы исходим из того, что информационное пространство, в котором отражаются действия участников дистанционного мошенничества, необходимо рассматривать в общей системе элементов обстановки преступления (наряду с местом, временем, материальными предметами и другими условиями его совершения).

Полагаем, что для организации раскрытия дистанционного мошенничества и создания доказательственной базы по уголовным делам имеет значение предлагаемая нами классификация следов их совершения по следующим основаниям:

1. По механизму формирования:

- а) идеальные следы («отпечатки» в сознании людей события преступления и всего, что с ним связано, ему предшествовало и сопутствовало);
- б) материальные следы («отпечатки» события преступления на предметах, документах; изменения обстановки, окружающей среды);
- в) электронные следы («отпечатки» события преступления в информационном пространстве).

2. По средствам совершения преступления:

- а) следы мошенничества, совершаемого с использованием сотовой связи;

- б) следы мошенничества, совершаемого с использованием сети Интернет.

3. По времени возникновения:

- а) следы, образующиеся на подготовительном этапе дистанционного мошенничества (материальные — документы на аренду помещений, создание сайтов, приобретение компьютеров и др.; идеальные — формируются при подборе участников группы, распределении ролей, осуществлении мер конспирации);

- б) следы, образующиеся на этапе совершения дистанционного мошенничества (электронные — звукозапись переговоров с потерпевшими; видеозапись с камер наблюдения в банках; сведения о включении, выключении, различных операциях с содержимым памяти компьютера; сведения о работе в сети Интернет и др.; материальные — документы, полученные по запросу от операторов связи, провайдеров, банков; банковские карты, сим-карты, денежные купюры, собственные записи преступников и др.; идеальные — мысленные образы, зафиксированные в памяти потерпевших, свидетелей, участников преступления).

4. По месту возникновения и нахождения следов:

- а) следы, имеющиеся у компаний-операторов сотовой связи;

- б) следы, имеющиеся у интернет-провайдеров;
- в) следы, имеющиеся в банковских учреждениях;

- г) следы в организациях, проводящих расчетные операции по абонентским номерам операторов сотовой связи;

- д) следы в компаниях, представляющих услуги IP-телефонии;

- е) следы, содержащиеся в персональных компьютерах, ноутбуках;

- ж) следы, содержащиеся в сотовых телефонах;

- з) следы в помещениях — местах выхода на связь с потерпевшими;

- и) сведения, которыми располагают потерпевшие, свидетели, участники преступной группы.

5. В зависимости от материального носителя информации:

- а) данные, зафиксированные на бумажном носителе;

- б) данные, зафиксированные на электронном носителе.

6. В зависимости от способа получения сведений (следов):

- а) сведения, получаемые по запросу у соответствующих служб и организаций (например, IP-

адрес компьютера сети; MAC-адрес сетевого оборудования; адрес электронной почты; идентификатор социальной сети; номер банковской карты, произведенные с неё транзакции; номер телефона; информация о соединениях абонента; информация базовых станций мобильной связи; данные систем геолокации) [12, с. 3];

б) сведения, получаемые самостоятельно оперативным сотрудником в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий, в т. ч. с привлечением содействующих лиц (о личности преступников, их связях; о потерпевших, об обстоятельствах преступлений и др.).

Предлагаемую классификацию следов, образующихся при совершении дистанционного мошенничества, не стоит рассматривать как исчерпывающую. Существуют специфические следы дистанционного мошенничества, совершаемого в разных сферах и разным способом. Например, для мошенничества при оказании оккультных услуг характерен целый комплекс типичных именно для таких преступлений следов, который представлен Э. Д. Нугаевой [13].

Изучение в ходе исследования уголовных дел проверочных материалов позволило сделать вывод о том, что типичными доказательствами по делам, связанным с дистанционными мошенничествами, являются:

- показания свидетелей (100 %);
- показания подозреваемых, обвиняемых (100 %);
- сим-карты (69 %);
- планшеты, компьютеры (43 %);
- банковские карты (65 %);
- платежные банковские документы (чеки, различные выписки по счетам и т. д.), подтверждаю-

щие поступление и движение денежных средств (81 %);

- средства электронной и вычислительной техники (37 %);

- электронные носители информации (карты памяти, флеш-накопители, съемные жесткие диски и т. п.) (49 %);

- материальные носители информации (блокноты, записные книжки, тетради; договоры аренды на офисные помещения, используемые преступниками; договоры о создании интернет-сайтов для привлечения потерпевших и т. п.), на которых могли осуществляться записи, относящиеся к совершению преступления (31 %), — о суммах денежных средств, полученных в результате реализации противоправного умысла; абонентских номерах, на которые в последующем переводились денежные средства, номера банковских карт, сведения об абонентских номерах жертв мошенничества и др.;

- аудиозаписи (95 %);

- документы, полученные по запросам оперативных сотрудников и следователей от операторов сотовой связи, интернет-провайдеров, банковских и других организаций, содержащие доказательственную информацию о совершенном мошенничестве (100 %).

Отметим, что поиск и получение информации о совершенных дистанционных мошенничествах является сложным, трудоемким процессом. Он предусматривает взаимодействие оперативных подразделений с разными службами и подразделениями органов внутренних дел, другими правоохранительными органами, а также с организациями, инфраструктура которых используется для реализации преступниками своего преступного умысла.

Список источников

1. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2018.
2. Белкин Р. С. Курс криминалистики. Частные криминалистические теории: в 2 т. М.: Юрист, 1997.
3. Спиркин А. И. Курс марксистской философии. М., 1963.
4. Кустов А. М. Криминалистика и механизм преступления. М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: МОДЭК, 2002.
5. Смушкин А. Б. Виртуальные следы в криминалистике // Законность. 2012. № 8 (934). С. 43–45.
6. Калюжный К. А. Информационная среда и информационная среда науки: сущность и значение // Наука. Инновации. Образование. 2015. № 2. Т. 10. С. 7–23.
7. Осипенко А. Л. Сетевая компьютерная преступность: теория и практика борьбы: монография. Омск: Омская академия МВД России, 2009.
8. Осипенко А. Л., Гайдин А. И. Правовое регулирование и тактические особенности изъятия электронных носителей информации // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. № 1. С. 170–177.
9. Васюков В. Ф. Раскрытие и расследование преступлений с использованием информации из систем сотовой связи: методология, теория, практика: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2018.

10. Овчинский С. С. Оперативно-розыскная информация: монография. 2-е изд., доп. М.: ИНФРА-М, 2017.
11. Карепанов Н. В. Криминалистическое исследование следов // Сибирское юридическое обозрение. 2019. Т. 16. № 3. С. 382–388.
12. Гаврилин Ю. В. Особенности следообразования при совершении мошенничеств в сфере компьютерной информации // Российский следователь. 2013. № 25.
13. Нугаева Э. Д. Особенности расследования мошенничества при оказании оккультных услуг: дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2018. 269 с.

References

1. Teoriya operativno-rozysknoj deyatel'nosti: uchebnyk / pod red. K. K. Goryainova, V. S. Ovchinskogo. 4-e izd., pererab. i dop. M.: INFRA-M, 2018.
2. Belkin R. S. Kurs kriminalistiki. Chastnye kriminalisticheskie teorii: v 2 t. M.: Yurist, 1997.
3. Spirkin A. I. Kurs marksistskoj filosofii. M., 1963.
4. Kustov A. M. Kriminalistika i mekhanizm prestupleniya. M.: Izd-vo Moskovskogo psihologo-social'nogo instituta; Voronezh: MODEK, 2002.
5. Smushkin A. B. Virtual'nye sledy v kriminalistike // Zakonnost'. 2012. № 8 (934). S. 43–45.
6. Kalyuzhnyj K. A. Informacionnaya sreda i informacionnaya sreda nauki: sushchnost' i znachenie // Nauka. Innovacii. Obrazovanie. 2015. № 2. T. 10. S. 7–23.
7. Osipenko A. L. Setevaya komp'yuternaya prestupnost': teoriya i praktika bor'by: monografiya. Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2009.
8. Osipenko A. L., Gajdin A. I. Pravovoe regulirovanie i takticheskie osobennosti iz'yatiya elektronnyh nositelej informacii // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2014. № 1. S. 170–177.
9. Vasyukov V. F. Raskrytie i rassledovanie prestuplenij s ispol'zovaniem informacii iz sistem sotovoj svyazi: metodologiya, teoriya, praktika: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. Volgograd, 2018.
10. Ovchinskij S. S. Operativno-rozysknaya informaciya: monografiya. 2-e izd., dop. M.: INFRA-M, 2017.
11. Karepanov N. V. Kriminalisticheskoe issledovanie sledov // Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie. 2019. T. 16. № 3. S. 382–388.
12. Gavrilin Yu. V. Osobennosti sledoobrazovaniya pri sovershenii moshennichestv v sfere komp'yuternoj informacii // Rossijskij sledovatel'. 2013. № 25.
13. Nugaeva E. D. Osobennosti rassledovaniya moshennichestva pri okazanii okkul'tnyh uslug: dis. ... kand. jurid. nauk. Ufa, 2018. 269 s.

Информация об авторах

С. И. Давыдов — доктор юридических наук, доцент.
А. А. Шмидт — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

S. I. Davidov — Doctor of Science (Law), Associate Professor.
A. A. Schmidt — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 13.08.2023; одобрена после рецензирования 02.10.2023; принята к публикации 22.02.2024.

The article was submitted 13.08.2023; approved after reviewing 02.10.2023; accepted for publication 22.02.2024.

Алтайский юридический вестник. 2024. № 1 (45). С. 72–78.

Altai Law Journal. 2024. № 1 (45). P. 72–78.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.2/7

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ПРОИЗВОДСТВО ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ, НА ПРИМЕРЕ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ И РЕСПУБЛИКИ ТУРЦИЯ

Бэлла Артуровна Кашежева

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия, balik07@yandex.ru

Аннотация. Изучение зарубежного опыта функционирования и применения норм уголовного законодательства имеет важное научное и практическое значение для совершенствования правовых систем и методов борьбы с преступностью. Такой метод позволяет адаптировать законодательство под современные вызовы и международные стандарты, а в некоторых случаях, опираясь на зарубежный опыт, заблаговременно предупредить или минимизировать ущерб от новых видов или методов совершения общественно опасных деяний. В рамках данного подхода был проведен анализ зарубежного законодательства в сфере уголовно-правовой защиты должностных лиц, осуществляющих производство предварительного расследования. В статье предлагается рассмотреть теоретические аспекты уголовной ответственности за преступные посягательства на жизнь и здоровье сотрудников правоохранительных органов, в частности лиц, осуществляющих производство предварительного расследования, и судебно-следственную практику на примере Китайской Народной Республики и Республики Турция.

Ключевые слова: предварительное расследование, защита, зарубежный опыт, посягательство, угроза, жизнь и здоровье, Китай, Турция, безопасность, следователь, дознаватель

Для цитирования: Кашежева Б. А. Зарубежный опыт уголовно-правовой защиты должностных лиц, осуществляющих производство предварительного расследования, на примере Китайской Народной Республики и Республики Турция // Алтайский юридический вестник. 2024. № 1 (45). С. 72–78.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

FOREIGN EXPERIENCE IN CRIMINAL LEGAL PROTECTION OF OFFICIALS CARRYING OUT PRELIMINARY INVESTIGATIONS USING THE EXAMPLE OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA AND THE REPUBLIC OF TURKEY

Bella A. Kashezheva

Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, Saint Petersburg, Russia,

balik07@yandex.ru

Abstract. The study of foreign experience in the functioning and application of criminal legislation has important scientific and practical significance for improving legal systems and methods of combating crime. This method makes it possible to adapt legislation to modern challenges and international standards, and in some cases, in advance, based on foreign experience, to prevent or minimize damage from new types or methods of committing socially dangerous acts. As part of this approach, an analysis of foreign legislation in the field of criminal law protection of officials carrying out preliminary investigations was carried out. The text of this article proposes to consider the theoretical aspects of criminal liability for criminal attacks on the life and health of law enforcement officers, in particular those conducting preliminary investigations, and judicial investigative practice using the example of the People's Republic of China and the Republic of Turkey.

Keywords: preliminary investigation, protection, foreign experience, assault, threat, life and health, China, Turkey, security, investigator, interrogator

For citation: Kashezheva B. A. Foreign experience in criminal legal protection of officials carrying out preliminary investigations using the example of the People's Republic of China and the Republic of Turkey. *Altajskij juridicheski vestnik = Altai Law Journal*. 2024;1:72–78 (In Russ.).

© Кашежева Б. А., 2024

Любая правовая система, в частности правоохранительные органы, может качественно функционировать лишь при условии, что она способна в первую очередь защитить саму себя. Для эффективности действия меры защиты должны прежде всего отвечать современным реалиям криминогенной обстановки. В этой связи существует необходимость в постоянном совершенствовании законодательства в данном направлении. Помимо анализа статистических данных и практики применения, необходимо постоянное изучение и мониторинг зарубежного законодательства для обмена положительным опытом и возможного заимствования эффективных способов и мер предупреждения и профилактики.

Во второй половине XX в. международным сообществом был взят курс на реформирование законодательных систем стран путем приведения их в единое соответствие международно-правовым принципам и стандартам. Одним из требований было определение более совершенных правовых, организационных средств и способов усиления защиты прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве [1, с. 187].

Проблема обеспечения государственной защитой сотрудников правоохранительных органов и других участников стадий уголовного процесса была поднята на международное обсуждение. В частности, посягательства на лиц органов предварительного расследования были признаны экспертами международного сообщества наиболее распространенным способом подрыва системы правосудия. На международном уровне существует несколько документов и принципов, которые призывают к обеспечению защиты судей, должностных лиц правоохранительных и контролируемых органов.

Так, в Милане 6 сентября 1985 г. на седьмом Конгрессе Организации Объединенных Наций (далее — ООН), посвященном предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, Генеральной Ассамблеей ООН приняты «Основные принципы ООН о независимости судебной власти» (Basic Principles on the Independence of the Judiciary). Документ устанавливает принципы, направленные на обеспечение независимости судей. Подчеркивает важность защиты судей и других участников уголовного процесса от внешних вмешательств, угроз и давлений.

В конце XX в. появляется еще одна Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 09.12.1998 № 53/144 «Декларация о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять

и защищать общепризнанные права человека и основные свободы» («Защита правозащитников»). Данная резолюция призывает государства обеспечивать защиту правозащитников, включая судей и должностных лиц правоохранительных органов, от угроз, вмешательств в их деятельность, давления и насилия.

В результате принятия вышеперечисленных актов 15.11.2000 Генеральной Ассамблеей ООН в Конвенции против транснациональной организованной преступности принимается ст. 23 «Криминализация воспрепятствования осуществлению правосудия». В указанной статье излагалось требование ко всем странам-участникам об утверждении соответствующих законодательных и других мер, требующихся для установления уголовной ответственности за умышленные деяния в отношении представителей системы правосудия и других должностных лиц правоохранительных органов. К таким умышленным деяниям в соответствии с конвенцией относятся: применение физической силы, угроз (запугивания, обещания, предложения и т. д.), вмешательство или воспрепятствование законной деятельности должностного лица.

В отечественном законодательстве указанная Конвенция была ратифицирована с принятием Федерального закона от 26.04.2004 № 26-ФЗ «О ратификации Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности и дополняющих ее Протокола против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху и Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее».

Далее в том же году в рамках этой же Конвенции Президентом РФ был издан Указ от 26.10.2004 № 1362 «О 59 центральных органах РФ, ответственных за реализацию положений Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, касающихся взаимной правовой помощи».

Позднее, в 2010 г., обсуждение этого вопроса было снова инициировано, уже Советом Европы. В результате этого была сформулирована рекомендация № R (2010) 12 Комитета министров Совета Европы о судебной независимости и эффективности юстиции. Текст указанного документа содержит рекомендации для государств-членов по обеспечению независимости судебной власти, включая защиту судей и других должностных лиц, участвующих в стадиях уголовного процесса, от давлений, насилия и угроз, связанных с исполнением ими должностных обязанностей.

В Российской Федерации одним из основных законодательных актов, регулирующих вопросы

государственной защиты рассматриваемых нами лиц, является Федеральный закон от 20.04.1995 № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов», ключевая цель которого заключается в обеспечении безопасности, независимости и эффективности осуществления профессиональной деятельности должностных лиц, осуществляющих правоохранительные функции.

Аналогично российскому законодательству и в других странах были приняты подобные акты, регулирующие обеспечение безопасности должностных лиц, в т. ч. осуществляющих производство предварительного расследования.

В рамках анализа зарубежного опыта применения интересующих нас норм, а также в условиях развивающегося международного сотрудничества Российской Федерации со странами Азии особое научно-практическое значение приобретает изучение уголовного законодательства именно некоторых стран — представительниц этой части света.

В Китайской Народной Республике (далее — КНР) к государственным структурам, наделенным правом предварительного расследования, относятся следственные подразделения Министерства общественной безопасности, Народной прокуратуры, Государственной безопасности, таможни, военной защиты и тюрьмы¹. Указанные органы наделены правом производства предварительного расследования в форме следствия и дознания.

Народная полиция аналогично отечественной осуществляет правоохранительные полномочия от имени государства и выполняет важные обязанности, такие как борьба с преступлениями, поддержание социальной стабильности, поддержание общественного порядка и исполнение судебных решений.

Наиболее многочисленный следственный аппарат имеет в своем составе Министерство общественной безопасности, которое занимается расследованием большей части уголовных дел общегосударственной направленности. Согласно ст. 18 УПК КНР преступления против государства и другие особо сложные преступления расследуются органами предварительного расследования, входящими в состав Министерства государственной безопасности или Народной прокуратуры. Органами военной защиты и администрацией тюрьмы производится предварительное расследование по уголовным делам в том случае, если преступление

было совершено военными либо на территории воинских частей или тюрем².

В научной среде есть мнение, что в основу Уголовно-процессуального кодекса КНР легли принципы и положения Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1961 г. [2]. Действительно, стоит отметить, что уже после частичного изучения данного акта прослеживаются значительные сходства, в т. ч. в структуре и порядке деятельности органов предварительного расследования.

Уголовный кодекс КНР (далее — УК КНР) также выделяет отдельные составы преступлений, предусматривающие уголовную ответственность за посягательства на жизнь и здоровье сотрудников органов государственной власти, к которым согласно китайскому законодательству относят всех должностных лиц органов исполнительной и законодательной власти, а также других государственных организаций.

В главе 6 УК КНР, посвященной преступлениям против общественного порядка и порядка управления, содержится статья 277 «Препятствование путем насилия и угроз выполнению в соответствии с законом сотрудниками государственных органов своих служебных обязанностей», в другой формулировке ее название звучит как «Преступления, связанные с препятствованием общественным делам, и преступления, связанные с нападением на полицию».

Текст данной статьи гласит следующее: «1. Лица, которые применяют насилие или угрозы, чтобы помешать сотрудникам государственных органов выполнять свои обязанности в соответствии с законом, приговариваются к тюремному заключению на срок не более 3 лет, общественному надзору или штрафу... 4. Лица, которые умышленно препятствуют органам государственной безопасности выполнять задачи по обеспечению государственной безопасности в соответствии с законом и применяют насильственные или угрожающие методы, приводящие к серьезным последствиям, подлежат наказанию в соответствии с положениями пункта 1. 5. Те, кто жестоко нападает на сотрудника народной полиции, выполняющего свои обязанности в соответствии с законом, должны быть приговорены к срочному тюремному заключению на срок не более 3 лет или контролю; те, кто использует огнестрельное оружие, ножи или управляет транспортным средством для нанесения

¹ Уголовно-процессуальный закон Китая (2018 г.). URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/criminal-procedure-law-of-china-20181026> (дата обращения: 12.12.2023).

² 刑事訴訟法典 (Уголовно-процессуальный кодекс Китайской Народной Республики). URL: <https://bo.io.gov.mo/bo/i/96/36/codpropencn/default.asp> (дата обращения: 12.12.2023).

ударов и другими способами, серьезно угрожающими их личной безопасности, должны быть приговорены к срочному тюремному заключению на срок от 3 до 7 лет»¹.

Представляется, что данная статья является своеобразным аналогом ст. 296 УК РФ. Стоит отметить, что отдельной статьи, посвященной посягательствам на жизнь сотрудников правоохранительных органов, в УК КНР не предусмотрено. Нападение на должностное лицо, повлекшее тяжкий вред здоровью или смерть, квалифицируется по общим составам преступлений ст. 232 (Преступление в виде умышленного убийства наказывается смертной казнью, пожизненным лишением свободы или лишением свободы на срок не менее 10 лет); ст. 234 (Преступление, связанное с умышленным причинением вреда, наказывается лишением свободы на срок не менее 10 лет, пожизненным лишением свободы или смертной казнью) с отягчающим обстоятельством².

В Китае преступление, совершенное против жизни и здоровья сотрудников правоохранительных органов и других представителей закона, воспринимается крайне негативно. Прежде всего, особое значение оказывает то, что преступления против сотрудников правоохранительных органов широко осуждаются китайским обществом, и такие преступники редко находят сочувствие у общества. Полиция и другие должностные лица правоохранительной системы пользуются большим уважением у населения КНР. Представители этих профессий имеют высокую репутацию, такая работа считается очень престижной, т. к. она почитаема в обществе, высоко оплачиваема и стабильна. Другой причиной является то, что процесс приема на службу в правоохранительные органы Китая очень сложен, кандидаты на должности проходят очень серьезный отбор по физическим, интеллектуальным и личным качествам. Лишь единицы остаются после всех испытаний.

«В конце марта 2023 г. в России был задержан гражданин КНР С. В., который находился в международном розыске с 2012 года. Он был объявлен подозреваемым и разыскивался в связи с убийством полицейского в 1996 году» [3]. Расследование данного преступления проводилось и не прекращалось на протяжении 27 лет. Следственными органами Китая производились всевозможные ме-

роприятия, направленные на розыск и задержание подозреваемого. Необходимо отметить, что равно отечественному в уголовном законодательстве КНР подчеркивается важность и уделяется большое внимание раскрытию преступлений против жизни и здоровья должностных лиц правоохранительной системы, а также привлечению виновных лиц к уголовной ответственности.

Институт государственной защиты образовался в КНР в 1994 г. с созданием и принятием в Народной полиции специальной программы мер безопасности свидетелей и иной помощи лицам, подвергшимся угрозам в связи с участием в расследовании того или иного преступления. В КНР применение мер государственной защиты регламентировано специальным указом, который также определяет порядок предоставления государственной защиты лиц, подлежащих защите, и сроки предоставления и прекращения государственной защиты.

Другой страной, уже в западной части Азии, представляющей научный интерес, является Турция. Здесь предварительное расследование по уголовным делам также проводится по большей части сотрудниками следственного аппарата, входящего в состав полиции. Помимо полиции, органы предварительного расследования есть в структуре прокуратуры и суда (судебные офицеры — прокуроры). Полиция аналогично отечественной включает в себя различные подразделения, например уголовный розыск, занимающийся собиранием доказательств и первоначальным расследованием уголовных преступлений. Полиция расследует дела общеуголовной направленности, более сложные преступления могут передаваться должностным лицам прокуратуры.

Должность лиц, осуществляющих производство предварительного расследования в полиции Турции, именуется «криминальный следователь» или «криминальный офицер». Лицо, которое осуществляет предварительное расследование в прокуратуре, именуется «прокурор» или «прокурор-следователь».

Также следует отметить, что в Турции существует отдельное подразделение — судебная полиция, которая может участвовать в совместных расследованиях с прокурорами. Судебная полиция относится к Министерству юстиции и выполняет функции, связанные с обеспечением порядка в судебных учреждениях, охраной судей и прокуроров, а также оказанием содействия в проведении расследования по уголовным делам.

В Уголовном кодексе Республики Турция (далее — УК РТ) уголовная ответственность за при-

¹ 中华人民共和国刑法 2023年最新版 (действующий в 2023 г. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики). URL: <http://www.chnlawyer.net/law/subs/xingfa.html> (дата обращения: 11.12.2023).

² Там же.

менение силы или угрозы в отношении должностного лица предусмотрена ст. 265 УК РТ: «1. Лицо, которое применяет силу или высказывает угрозу в отношении государственного должностного лица с целью помешать ему выполнять свои обязанности, приговаривается к тюремному заключению на срок от шести месяцев до трех лет. 2. В случае совершения преступления против лиц, выполняющих судебные обязанности, они приговариваются к лишению свободы на срок от двух до четырех лет. 3. Если преступление совершено лицом, сделавшим себя неузнаваемым, или несколькими лицами одновременно, налагаемое наказание увеличивается на одну треть. 4. Если преступление совершено с применением оружия или с использованием устрашающей силы, созданной существующими или предполагаемыми преступными организациями, наказание, налагаемое в соответствии с вышеуказанными пунктами, увеличивается вдвое. 5. Если совершение этого преступления повлекло наступление тяжких последствий, применяются положения, касающиеся умышленного причинения вреда этого вида».

Помимо специального состава преступления, предусматривающего уголовную ответственность за нападение, угрозу или применение физической силы в отношении должностных лиц государственных органов, в общих составах преступлений в качестве квалифицированного признака предусмотрено совершение преступления в отношении представителя власти. Стоит отметить, что, равно как и в уголовном законодательстве КНР, статей, схожих с действующими в отечественном уголовном законодательстве ст. 295, 317 УК РФ, нет. Но при этом, в отличие от КНР, в общем составе предусмотрены квалифицирующие признаки, что имеет сходство с ч. 2 ст. 105 УК РФ. Таким образом, если будет совершено посягательство на жизнь должностного лица, повлекшее за собой смерть или наступление тяжких последствий, деяние будет квалифицировано по соответствующим общим составам преступлений с квалифицирующим признаком, а именно по ст. 82 или ст. 86 УК РТ:

«Статья 82. Если умышленное убийство совершено: ... ж) в отношении государственного служащего в связи с исполнением им должностных обязанностей; з) ради скрытия другого преступления, уничтожения улик или облегчения совершения другого преступления, или ради уклонения от наказания... виновное лицо приговаривается к пожизненному заключению в колонии строгого режима».

«Статья 86. 1. Лицо, умышленно причинившее телесные повреждения либо вред здоровью, при-

говаривается к тюремному заключению на срок от 1 до 3 лет... 3. Если умышленное причинение телесных повреждений совершено: ... в) в отношении государственного служащего, в связи с исполнением им должностных обязанностей... наказание увеличивается на половину вне зависимости от наличия жалобы»¹.

Меры государственной защиты в Турции также утверждены и законодательно прописаны. Порядок применения и виды мер государственной защиты предусмотрены Законом «О защите судей, прокуроров и сотрудников МВД». Этот закон регулирует меры по обеспечению безопасности и государственной защите судей и сотрудников правоохранительных органов в стране. Он предоставляет им уголовно-правовые гарантии и меры безопасности, необходимые для исполнения их служебных обязанностей и защиты от возможных угроз и нападений. Такие меры включают в себя «предоставление охраны и тайные меры безопасности»² и другие меры, направленные на обеспечение их защиты в контексте их служебной деятельности.

В Турции большое распространение имеют преступления террористической направленности и преступления, совершенные организованными группами. Читая новостные ленты турецких СМИ, можно заметить, что начиная с 2015 г. достаточно часто происходят разного рода резонансные преступления. К судьям, прокурорам и прокурорам-следователям часто за этот период применялись меры государственной защиты. В настоящее время этот вопрос активно обсуждается и в обществе, бытует мнение о необходимости установления постоянных мер безопасности в отношении должностных лиц, производящих предварительное расследование или отправление правосудия по делам террористической направленности и другим резонансным уголовным делам.

В 2015 г. турецкую общественность шокировало жесточайшее преступление в отношении прокурора М. С. К., а именно: «Прокурор Республики М. С. К. занимался расследованием уголовного дела о смерти 14-летнего Б. Э. Подросток был серьезно ранен газовой гранатой, выпущенной полицией во время протестов, провел 269 дней в коме, но не выжил. 31.03.2015 в здание прокуратуры

¹ TÜRK CEZA KANUNU (Уголовный кодекс Республики Турция). URL: <https://www.mevzuat.gov.tr/mevzuat?MevzuatNo=5237&MevzuatTur=1&MevzuatTertip=5> (дата обращения: 11.12.2023).

² Yargıçlar ve Savcılar ile İçişleri Bakanlığı Personelinin Güvenliği Hakkında Kanun (Закон о защите судей, прокуроров и сотрудников МВД). URL: <https://www.mevzuat.gov.tr/mevzuatmetin/1.5.2802.pdf> (дата обращения: 11.12.2023).

под видом адвокатов проникли два члена террористической организации "ДНКР-С" (РНОПФ). Так как расследование длилось уже около 2 лет, преступники требовали немедленного суда. Велись переговоры, в ходе которых приехал отец того самого мальчика, призывавший прекратить все это, утверждая, что расследование еще идет и нужно время. Но террористы были непреклонны в своем решении и, не получив желаемого, застрелили М. С. К. в его же кабинете. Услышав выстрелы, сотрудники силовых структур в срочном порядке проникли в здание, но, к сожалению, было уже поздно. Преступники были ликвидированы на месте» [4].

Общественность, еще недавно шокированная смертью подростка, снова была потрясена таким необычайно жестоким преступлением. После этого случая власти усилили пропускной контроль во всех зданиях государственных структур, а также предприняли меры, направленные на применение мер государственной защиты к лицам, производящим предварительное расследование или отправление правосудия, особенно по резонансным уголовным делам.

Обобщая изложенное, следует отметить, что уголовное законодательство КНР и РТ содержит аналог ст. 296 УК РФ. При этом схожей со ст. 295

УК РФ в УК КНР и УК РТ обнаружено не было. При совершении посягательств на жизнь должностных лиц в обеих странах действия виновного квалифицируются по общей норме со ссылкой на соответствующий пункт в УК РТ и с отягчающим обстоятельством в УК КНР. Сравнивая санкции, стоит отметить, что относительно отечественного уголовного законодательства в УК КНР они более мягкие, тогда как в УК РТ, наоборот, жестче, чем в России и КНР, т. к. не определено срока лишения свободы, а в качестве наказания указаны лишь пожизненное лишение свободы или смертная казнь.

Необходимо продолжать изучение зарубежного опыта разных стран для создания на основе полученного материала наиболее эффективных и действенных мер по противодействию преступности. Системы мер уголовно-правовой безопасности, действующие в зарубежных странах, и накопленный опыт в этом направлении являются весьма интересными и полезными для изучения и анализа. Такое исследование позволяет адаптировать законодательство под современные вызовы и международные стандарты, а в некоторых случаях, опираясь на зарубежный опыт, заблаговременно предупредить или минимизировать ущерб от новых видов или методов совершения общественно опасных деяний.

Список источников

1. Уголовная юстиция: проблемы международного сотрудничества: Междунар. н.-и. проект / Ш. Бассиони, А. Берия ди Аржентине, М. Дельмас-Мартини [и др.]; вступ. ст. Э. Б. Мельниковой, В. М. Савицкого. М.: Бек, 1995. XIII. 279 с.
2. Воронин С. Э. Процессуальное положение следователя в Китайской Народной Республике. URL: http://samlib.ru/w/woronin_sergej_eduardowich/book-33.shtml#:~:text=По%20ч.%201%20ст.%20106,мероприятия%20и%20приказ%20об%20аресте (дата обращения: 11.12.2023).
3. СМИ. Петербургская интернет-газета «Фонтанка». URL: <https://www.fontanka.ru/2023/03/03/72107561/> (дата обращения: 15.07.2023).
4. Mehmet Selim Kiraz cinayeti nasıl gerçekleşti (Как произошло убийство Мехмета Селима Кераса). URL: <https://www.trhaber.com/mehmet-selim-kiraz-cinayeti-nasil-gerceklesti-turkiye-de-kimler-dhkpc-yi-destekliyor-du-resimleri,831.html> (дата обращения: 11.12.2023).

References

1. Ugolovnaya yusticiya: problemy mezhdunarodnogo sotrudnichestva: Mezhdunar. n.-i. proekt / Sh. Bassioni, A. Beria di Arzhentine, M. Del'mas-Martini [i dr.]; vstup. st. E. B. Mel'nikovoj, V. M. Savickogo. M.: Bek, 1995. XIII. 279 s.
2. Voronin S. E. Processual'noe polozhenie sledovatelya v Kitajskoj Narodnoj Respublike. URL: http://samlib.ru/w/woronin_sergej_eduardowich/book-33.shtml#:~:text=Po%20ch.%201%20st.%20106,meropriyatiya%20i%20prikaz%20ob%20areste (data obrashcheniya: 11.12.2023).
3. SMI. Peterburgskaya internet-gazeta «Fontanka». URL: <https://www.fontanka.ru/2023/03/03/72107561/> (data obrashcheniya: 15.07.2023).

4. Mehmet Selim Kiraz cinayeti nasıl gerçekleşti (Kak proizoshlo ubijstvo Mekhmeta Selima Keraza). URL: <https://www.trhaber.com/mehmet-selim-kiraz-cinayeti-nasil-gerceklesti-turkiye-de-kimler-dhkpc-yi-destekliyordu-resimleri,831.html> (data obrashcheniya: 11.12.2023).

Статья поступила в редакцию 25.01.2024; одобрена после рецензирования 20.02.2024; принята к публикации 22.02.2024.

The article was submitted 25.01.2024; approved after reviewing 20.02.2024; accepted for publication 22.02.2024.

Алтайский юридический вестник. 2024. № 1 (45). С. 79–84.

Altai Law Journal. 2024. № 1 (45). P. 79–84.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.5

К ВОПРОСУ О КРИМИНАЛИЗАЦИИ ОРГАНИЗАЦИИ ИЛИ ФИНАНСИРОВАНИЯ АГЕНТСТВ ПО ОКАЗАНИЮ ВЕБКАМ-УСЛУГ

Мария Сергеевна Кочкина

Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия, mari.koshkina.98@bk.ru

Аннотация. В статье рассматривается новый вид секс-услуг — вебкам, который является новой интерактивной формой порнографии. Подчеркивается общественная опасность данного явления. Указаны причины невозможности привлечения к уголовной ответственности за занятие вебкам в России, что предполагает необходимость внесения новой нормы в Уголовный кодекс, устанавливающей ответственность за организацию и финансирование вебкам-агентств. Предлагается юридическое закрепление таких понятий, как вебкам-услуги и стриминговый сервис.

Ключевые слова: вебкам, порнографический контент, эротический контент, стрим, онлайн-трансляция, уголовная ответственность

Для цитирования: Кочкина М. С. К вопросу о криминализации организации или финансирования агентств по оказанию вебкам-услуг // Алтайский юридический вестник. 2024. № 1 (45). С. 79–84.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

REVISITING THE CRIMINALIZATION OF ORGANIZATIONS OR FINANCING OF AGENCIES PROVIDING WEBCAM SERVICES

Maria S. Kochkina

Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Voronezh, Russia, mari.koshkina.98@bk.ru

Abstract. The article discusses a new type of sex service — webcam, which is a new interactive form of pornography. The social danger of this phenomenon is emphasized. The reasons for the impossibility of bringing criminal liability for engaging in webcam activities in Russia are indicated, which suggests the need to introduce a new norm into the criminal code establishing responsibility for the organization and financing of webcam agencies. It is proposed to legally consolidate such concepts as «webcam services» and «streaming service».

Keywords: webcam, pornographic content, erotic content, stream, online broadcast, criminal liability

For citation: Kochkina M. S. Revisiting the criminalization of organizations or financing of agencies providing webcam services. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2024;1:79–84 (In Russ.).

© Кочкина М. С., 2024

Появление сети Интернет в жизни человека коренным образом повлияло на уклад общества в целом. Общение с друзьями, выполнение трудовых обязанностей, проведение досуга, заказ продуктов на дом — всё это возможно сделать с помощью любого гаджета, подключенного к Всемирной паутине в один клик. Таким образом, сегодня интернет стал самым обширным рынком с услугами различного характера. Большой перечень предоставляемых услуг, возможность их поиска по заданным критериям и оказание в любое удобное время для клиента — вот сколько возможностей предоставляет нам интернет.

Но наряду с положительными тенденциями существуют и отрицательные. Так, с каждым годом растет не только количество преступлений, совершаемых в киберпространстве, но и их перечень. Среди наиболее опасных можно выделить преступления против общественной нравственности.

Рассвет порноиндустрии начался в 90-е годы XX в., когда хлынул поток западной видеопродукции и появление интернета облегчило процесс как съемки, так и распространения фильмов «для взрослых». Изготовление и распространение порнороликов стали быстрыми и доступными для каждого владельца видеокамеры, имеющего доступ к интернету. В результате стремительный поток порноиндустрии привел к созданию сотен тысяч порносайтов, открытию порностудий, вовлечению в их функционирование тысячи людей, желающих быстро и легко заработать. По статистике крупнейший порносайт «Pornhub» занимает 10-е место по посещаемости среди всех интернет-ресурсов, что говорит о масштабности этого вида бизнеса [1]. И в то время как в некоторых странах создание порно и его оборот законодательно разрешены, в Российской Федерации существует уголовно-правовой запрет на подобные действия.

Вебкам, или вебкам-моделлинг, представляет собой нечто среднее между порнографией и занятием проституцией, т. к. работающие в этой сфере лица оказывают коммерческие сексуальные услуги, которые заключаются в демонстрации действий, являющихся эротическими или порнографическими [2, с. 77]. Вебкам-моделлинг — это форма трансляции с сексуальным подтекстом с целью сексуального удовлетворения клиента в режиме реального времени, но без физического контакта. Вебкам-моделлинг проходит следующим образом: лицо, оказывающее услуги (оно же модель), ведет онлайн-общение (стрим) с заказчиком (он же мембер) посредством переписки в чате вебкам-сервиса или голосового общения, однако пря-

мой зрительный контакт между ними отсутствует. Возможность видеть собеседника есть только у мембера.

Новизна формы предоставления услуги (интимное общение в режиме онлайн посредством технических средств), легкий доступ (для использования услуги достаточно лишь зарегистрироваться на необходимом сайте), мобильность (доступ возможен с любого девайса, который подключен к сети Интернет) — вот составляющие вебкам-бизнеса.

Инвестор оборудует студию, приглашает моделей, заводит на них на 10-15 интернет-платформах аккаунты, на платформы же и поступают деньги от зрителей-заказчиков, часть денег остается на них (студия забирает себе от 25 до 50 %), остальное перечисляется моделям. Прибыль от такого бизнеса за год исчисляется миллиардами, что, естественно, привело к быстрому росту данного сектора секс-индустрии.

«Сотрудниками» в таком бизнесе чаще являются женщины, хотя вебкам-моделями могут быть и мужчины. Спектр оказываемых услуг вебкам-моделями обширен, самыми частыми запросами заказчиков являются следующие виды услуг: принятие различных сексуальных поз моделями в обнаженном виде, стриптиз, демонстрация ауто-сексуальных действий, переодевание моделей в костюмы (горничной, медсестры, секретарши и т. д.), имитация полового акта с секс-куклой, демонстрация полового акта (при условии, что одновременно две и более модели оказывают услуги для одного мембера) [3, с. 201].

Все услуги-действия модели заранее обговариваются с заказчиком, устанавливается цена, сразу после получения денежных средств на расчетный счет модель должна выполнить заказ.

На сегодняшний день на территории РФ существует непубличный (скрытый) рынок вебкам (от web-camera — интернет-камера), или вебкам-бизнес, основная доля которого сосредоточена в г. Санкт-Петербурге. Тема вебкам в обществе табуирована, и большинство вебкам-сайтов на территории Российской Федерации внесены в реестр запрещенной информации в соответствии с законом «Об информации, информационных технологиях и защите информации». Однако не исключается регистрация и использование вебкам-сайтов российскими пользователями как в качестве моделей, так и мемберов при помощи прокси-серверов и VPN. Наиболее популярными вебкам-сайтами в мире на данный момент являются OnlyFans, Streamate, LiveJasmine и Chaturbate.

Сервис вебкам функционирует на сайтах трех видов: на одних сайтах доход поступает от донатов (добровольных пожертвований) в бесплатном чате, где модель может одновременно общаться с неограниченным количеством мемберов, такие сайты именуется freeium площадками; второй вид сайтов позволяет получать доход только от частных комнат, где модель с мембером общается исключительно тет-а-тет, такие сайты называют premium площадками; и третий вид сайтов сочетает в себе возможности двух вышеназванных. В связи с разными видами общения вебкам-продукция имеет две формы: Flirt и Hot Flirt, первая — общение между участниками чата с сексуальным подтекстом; вторая — коммуникация в приватном чате без какого-либо ограничения.

В этой связи существует две точки зрения на вебкам: одни считают, что это порнография, которая приобрела интерактивную форму [4, с. 162], в то время как другие рассматривают его как проституцию [5, с. 788]. Вторая точка зрения нам кажется неверной, т. к. в процессе общения модели и мембера отсутствует физический контакт, что является одним из основных признаков проституции. Представляется, что вебкам-контент — это новый вид порнографии. Эта позиция может быть обоснована именно отсутствием физического контакта между участниками стрима, в ходе которого по запросу клиента совершается имитация полового акта и (или) его непосредственное осуществление; производится фиксация съемки на груди и (или) гениталиях моделей; принятие сексуальных поз; исполнение эротических спектаклей; танцы с сексуальным подтекстом, акты фетишизма и др.

Помимо этого, вебкам также присущи следующие отмечаемые сексологами признаки порнографии:

- на первый план ставится макроплановое исполнение секса;
- акцентируется на инструментализации полового акта;
- не знает ограничений;
- делается преимущественно для мужчин;
- устраняет момент интимности, делая открытым то, что не предназначено для сторонних глаз.

Доказано, что услуги в сфере секс-индустрии оказывают дуалистическое влияние на потребителей. Так, с одной стороны, они выполняют такие социально полезные функции, как снижение сексуального насилия, половая социализация, удовлетворение биологических и морально-психологических потребностей сексуального выбора, релаксация, экономическая адаптация и др.

Дисфункции же секс-индустрии выражаются в воспроизводстве преступности и других социальных девиаций, возвращении теневой экономики, воспроизводстве репродуктивных и психических девиаций, духовно-нравственном разращении общества и др.

О таких стримах на данном этапе можно судить только в негативном ключе, т. к. понятие «вебкам» не закреплено официально, а спектр услуг не регулируется законодательно. Вебкам-трансляции оказывают негативное влияние на общественную нравственность, психику несовершеннолетних. Легкий доступ к вебкам-сайтам позволяет несовершеннолетним быть их активными пользователями, легко обходя проверку на возраст при помощи VPN-серверов. Этот риск может быть выражен как в потреблении деструктивного контента, так и в сексуальной эксплуатации несовершеннолетнего в качестве вебкам-модели. Кроме того, общественная опасность вебкам заключается в его стихийном характере. Трансляция в реальном времени подразумевает отсутствие сценария, что позволяет мемберу придумать его самостоятельно, в зависимости от его фантазий и желаний. Это обстоятельство дает ему возможность заказывать в свое «меню» абсолютно неприемлемые услуги, которые могут быть опасны для жизни и здоровья моделей.

До конца 2022 г. трансляции вебкам-моделей в онлайн-формате без материальной фиксации не влекли за собой никакой ответственности для ее авторов, но в связи с актуализацией данной проблемы Верховный Суд Российской Федерации конкретизировал квалификацию по положениям статей 242 и 242.1 УК РФ¹, связанных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в т. ч. сети Интернет.

Расширенное толкование принятого Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 37 от 15 декабря 2022 г. «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет» (далее — Постановление № 37)² криминализи-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ. 1996.

² О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»: по-

ровало деятельность вебкам-моделей. С момента вступления в законную силу Постановления № 37 действия данных субъектов, когда они совершены посредством онлайн-трансляций при помощи информационно-телекоммуникационных сетей, в т. ч. сети Интернет, подпадают под составы преступлений, предусмотренных ст. 242 и ст. 242.1 УК РФ. Пункт 22 постановления закрепляет, что «как публичная демонстрация подлежат квалификации действия, совершенные в прямом эфире (в частности, на сайтах, позволяющих пользователям производить потоковое вещание, — стриминговых сервисах)...». Данное разъяснение должно, по нашему мнению, благоприятно повлиять на практику привлечения к уголовной ответственности по соответствующим статьям УК РФ.

Однако видится ряд неразрешенных проблем, т. к. буквальное толкование положений ст. 242 УК РФ и разъяснений, изложенных в Постановлении № 37, позволяет вебкам-бизнесу оставаться вне закона ввиду того, что российское уголовное законодательство:

- не содержит определения термина «вебкам» или ему аналогичное, следовательно, вебкам законом не регулируется;

- не содержит определения термина «порнографические материалы и предметы» или «порнография», как и не содержится этих определений в разъяснениях высшей судебной инстанции. С целью правильной квалификации уголовно наказуемых деяний приходится обращаться к правовой доктрине, сложившейся в правоприменительной практике (которая характеризуется противоречивостью), к экспертам при проведении специальных экспертиз;

- не содержит определения термина «стриминг» (от англ. stream — поток), означающего потоковое видео в режиме реального времени в интернете, отсюда «стримить» — это вести прямую трансляцию в интернете, а «стример» — лицо, ведущее прямую трансляцию в интернете;

- не определяет и не регулирует вебкам-деятельность.

Словосочетание «стриминговые сервисы» лишь единожды упоминается в абз. 3 п. 22 Постановления № 37. При этом в российском законодательстве оно не раскрыто: не упоминается указанный термин ни в Законе № 149-ФЗ¹, ни в Постановлении Правительства РФ от 26.10.2012 № 1101

становление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 // Российская газета. 2022. № 294.

¹ Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федеральный закон от 27.07.2006

«О единой автоматизированной информационной системе "Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено"», в которых законодателем подробно описан функционал единой автоматизированной информационной системы, идентифицирующей в сети Интернет запрещенную в России информацию².

Таким образом, в России показывать взрослым людям на камеру интимные вещи допустимо законом, а записывать с ними видео и продавать его — уголовно наказуемо [6, с. 9].

Во избежание уголовной ответственности вебкам-модели работают по принципам премиум или фриимиум, предполагающим прямую трансляцию без видеозаписи, при этом фриимиум предполагает частичную оплату, пожертвования (донаты), премиум — полную оплату по подписке, которая включает расширенный перечень услуг. Главное — прямая трансляция без записи и последующей продажи видеофайла позволяет вебкам оставаться в правовом поле российской юрисдикции благодаря законодательным пробелам, указанным выше.

Как отмечает Р. Ю. Шульга, вебкам-индустрия не является деятельностью по изготовлению порнографии: видеотрансляция не подразумевает доступа к ней неограниченного круга лиц; видео транслируется онлайн, а не изготавливается с целью последующего распространения; веб-сайты принадлежат на праве собственности иностранным компаниям, ежегодно зарабатывающим на секс-трансляциях миллиарды, следовательно, их деятельность регулируется юрисдикцией других государств [7, с. 27; 8, с. 69].

Руководители такого бизнеса максимально конспирируются, чтобы избежать привлечения внимания и уголовных разбирательств: студии маскируют под салоны, трансляции не записывают-

№ 149-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.01.2016) // Парламентская газета. 2006. № 126–127.

² О единой автоматизированной информационной системе «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет", содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено»: постановление Правительства РФ от 26.10.2012 № 1101 // Российская газета. 2012. 29 окт. № 249.

ся, регистрация осуществляется на иностранных сайтах.

Несмотря на периодические анонсы в СМИ о проведенных оперативными сотрудниками правоохранительной системы взятиях вебкам-салонов, до суда в России не дошло ни одного производства по делу о вебкам-деятельности.

Основными причинами невозможности привлечения соучастников вебкам-деятельности к уголовной ответственности по ст. 242 УК РФ являются:

- сложность отнесения не к эротике, а к порнографии того материала, который транслируется вебкам-моделями;
- невозможность привлечения к уголовной ответственности из-за отсутствия материальной фиксации стрима;
- невозможность полной изоляции от вебкам-сайтов из-за наличия прокси-серверов и VPN;
- отсутствие нормативно-правового регулирования функционирования прокси-серверов и VPN;
- возможность обнаружения вебкам-агентств только с помощью оперативно-розыскной деятельности.

По мнению ряда исследователей, легализовать интим-трансляции нереально, запретить их окончательно также невозможно, и в скором будущем вебкам-деятельность приведет к монополии крупных компаний [9, с. 120]. Ряд экспертов считают, что необходимо совершенствование действующего уголовного законодательства с целью пресечения общеизвестной, хотя и очень скрытой вебкам-деятельности [10, с. 53].

В соответствии с имеющейся судебной практикой на сегодняшний день ответственности будет подлежать лицо, которое зафиксировало материал на физический носитель или в облачное хранилище с целью последующего распространения, публичной демонстрации или рекламирования вне зависимости от его роли в производстве (модель, администратор, мембер).

Данное обстоятельство видится неправильным и требует, по нашему мнению, дополнительного урегулирования путем внесения в УК РФ новой нормы:

«Статья 242.3 УК РФ "Организация или финансирование агентств с целью оказания вебкам-услуг сексуального характера с помощью стриминговых сервисов в сети Интернет":

1. Организация или финансирование агентств с целью оказания вебкам-услуг сексуального характера с помощью стриминговых сервисов в сети Интернет, выражающихся в публичной онлайн-демонстрации действий сексуального характера в целях удовлетворения сексуальных и иных потребностей пользователей вебкам-площадок (сайтов, хостингов или иных платформ) посредством сети Интернет, а равно содержание притонов или систематическое предоставление помещений для оказания таких услуг — наказываются...

2. Те же деяния, совершенные:

- а) организованной группой;
- б) с применением насилия или с угрозой его применения;
- в) с использованием для оказания услуг сексуального характера посредством специальных вебкам-площадок в сети Интернет несовершеннолетних — наказываются...

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные с использованием лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста, — наказываются...

4. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные с использованием лиц, не достигших двенадцатилетнего возраста, — наказываются...».

Примечание. Под вебкам-услугами следует понимать услуги сексуального характера, оказываемые лицами посредством онлайн-общения, вне зависимости от его формы, за материальное вознаграждение через специально созданные стриминговые сервисы.

Под стриминговыми сервисами следует понимать платформу в сети Интернет, которая обеспечивает потоковую трансляцию различных событий в режиме реального времени.

Кроме того, считаем, что действия моделей стриминговых сервисов с вещанием эротического и порнографического характера должны быть квалифицированы как публичная демонстрация порнографии через сеть Интернет, а ответственность по ч. 3 ст. 242 УК РФ за такую демонстрацию должна наступать при доказуемости порнографического содержания в демонстративном материале. Представляется, что такое положение должно найти свое отражение в Постановлении № 37.

Список источников

1. Pornhub входит в десятку самых посещаемых сайтов в мире. URL: <https://ru.diez.md/2020/12/21/statistika-pornhub-vhodit-v-desyatku-samyh-poseshtaemyh-saytov-v-mire/>.

2. Куфлева В. Н., Литовченко А. И. Вебкам-индустрия — новая угроза общественной нравственности // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 7 (108). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vebkam-industriya-novaya-ugroza-obschestvennoy-nravstvennosti> (дата обращения: 10.10.2023).
3. Кочкина М. С. Об общественной опасности вебкаминга // Преступность в СНГ: проблемы предупреждения и раскрытия преступлений: сборник мат-лов конф-ции (Воронеж, 28 мая 2023 г.). Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2023. С. 201–203.
4. Алихаджиева И. С. О новых тенденциях современной секс-индустрии и ее криминологических рисках // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 4. С. 160–173.
5. Ваганова М. А., Копейка А. Н. Уголовно-правовое регулирование виртуальной проституции // Эволюция российского права. Екатеринбург, 2022. С. 786–791.
6. Горюнов В. В. Квалифицирующий признак сопряженности в преступлениях против половой неприкосновенности // Уголовное право. 2023. № 2 (150). С. 3–9.
7. Шульга Р. Ю. Защита прав человека и современное рабство: новые вызовы в условиях пандемии COVID-19 // Хозяйство и право. 2022. № 2. С. 22–30.
8. Тыдыкова Н. В. О проблемах установления субъективной стороны в половых преступлениях против несовершеннолетних, совершаемых бесконтактным способом // Уголовное право. 2023. № 1 (149). С. 65–73.
9. Чуклина Э. Ю. Уголовно-правовые нормы с двойной превенцией: понятие, механизм превентивного воздействия и виды // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 5 (150). С. 107–122.
10. Жарова А. К. Технологии фильтрации контента в целях предотвращения преступлений, совершенных с использованием Интернета // Российский судья. 2023. № 6. С. 49–54.

References

1. Pornhub vhodit v desyatku samykh poseshaemykh sajtov v mire. URL: <https://ru.diez.md/2020/12/21/statistika-pornhub-vhodit-v-desyatku-samykh-poseshtaemykh-sajtov-v-mire/>.
2. Kufleva V. N., Litovchenko A. I. Vebkam-industriya — novaya ugroza obshchestvennoj nravstvennosti // Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo. 2022. № 7 (108). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vebkam-industriya-novaya-ugroza-obschestvennoy-nravstvennosti> (data obrashcheniya: 10.10.2023).
3. Kochkina M. S. Ob obshchestvennoj opasnosti vebkaminga // Prestupnost' v SNG: problemy preduprezhdeniya i raskrytiya prestuplenij: sbornik mat-lov konf-cii (Voronezh, 28 maya 2023 g.). Voronezh: Voronezhskij institut MVD Rossii, 2023. S. 201-203.
4. Alihadzheva I. S. O novykh tendencyah sovremennoj seks-industrii i ee kriminologicheskikh riskah // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2021. T. 16. № 4. S. 160-173.
5. Vaganova M. A., Kopejka A. N. Ugolovno-pravovoe regulirovanie virtual'noj prostitucii // Evolyuciya rossijskogo prava. Ekaterinburg, 2022. S. 786-791.
6. Goryunov V. V. Kvalificiruyushchij priznak sopryazhennosti v prestupleniyah protiv polovoj neprikosnovennosti // Ugolovnoe pravo. 2023. № 2 (150). S. 3–9.
7. Shul'ga R. Yu. Zashchita prav cheloveka i sovremennoe rabstvo: novye vyzovy v usloviyah pandemii COVID-19 // Hozyajstvo i pravo. 2022. № 2. S. 22–30.
8. Tydykova N. V. O problemah ustanovleniya sub'ektivnoj storony v polovykh prestupleniyah protiv nesovershennoletnih, sovershaemykh beskontaktnym sposobom // Ugolovnoe pravo. 2023. № 1 (149). S. 65–73.
9. Chuklina E. Yu. Ugolovno-pravovye normy s dvojnoj prevenciej: ponyatie, mekhanizm preventivnogo vozdejstviya i vidy // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2023. T. 18. № 5 (150). S. 107–122.
10. Zharova A. K. Tekhnologii fil'tracii kontenta v celyah predotvrashcheniya prestuplenij, sovershennykh s ispol'zovaniem Interneta // Rossijskij sud'ya. 2023. № 6. S. 49–54.

Статья поступила в редакцию 25.01.2024; одобрена после рецензирования 21.02.2024; принята к публикации 22.02.2024.

The article was submitted 25.01.2024; approved after reviewing 21.02.2024; accepted for publication 22.02.2024.

Алтайский юридический вестник. 2024. № 1 (45). С. 85–91.
Altai Law Journal. 2024. № 1 (45). P. 85–91.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 343.985.1

**ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ, ТАКТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ФАКТОРЫ,
ЗАТРУДНЯЮЩИЕ КАЧЕСТВЕННОЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ФУНКЦИИ ПОДДЕРЖАНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ ПРОКУРОРОМ, В УСЛОВИЯХ СОВЕРШЕНИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ**

Николай Юрьевич Лебедев^{1,2}

¹ Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирск, Россия

² Кузбасский институт ФСИИ России, Новокузнецк, Россия, lebedevnu@rambler.ru

Аннотация. В представленной статье автор поднимает проблемные аспекты неэффективности государственного обвинения в уголовном судопроизводстве. Представлено авторское определение поддержания государственного обвинения. Выдвигаются три группы факторов, влияющих на затруднительность качественного осуществления функции поддержания государственного обвинения прокурором: организационные, тактические и правовые факторы. Делается вывод о противоречивости локальным нормативных правовых актов органов Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Ключевые слова: прокурор, государственный обвинитель, обвинение, поддержание государственного обвинения, неэффективность

Для цитирования: Лебедев Н. Ю. Организационные, тактические и правовые факторы, затрудняющие качественное осуществление функции поддержания государственного обвинения прокурором, в условиях совершения преступлений с использованием высоких технологий // Алтайский юридический вестник. 2024. № 1 (45). С. 85–91.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

**ORGANIZATIONAL, TACTICAL AND LEGAL FACTORS COMPLICATING THE QUALITY
IMPLEMENTATION OF THE FUNCTION OF SUPPORTING THE PUBLIC PROSECUTION
BY THE PROSECUTOR IN THE CONTEXT OF COMMITTING CRIMES WITH THE USE
OF HIGH TECHNOLOGIES**

Nikolay Yu. Lebedev^{1,2}

¹ Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops, Novosibirsk, Russia

² KI the FPS of Russia, Novokuznetsk, Russia, lebedevnu@rambler.ru

Abstract. The author raises the problematic aspects of the ineffectiveness of public prosecution in criminal proceedings. The author's definition is presented – «support of public prosecution». Three groups of factors influencing the difficulty of high-quality implementation of the function of supporting public prosecution by the prosecutor are put forward: organizational factors, tactical factors and legal factors. It is concluded that the local regulatory legal acts of the bodies of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation are contradictory.

Keywords: prosecutor, public prosecutor, prosecution, support of public prosecution, inefficiency

For citation: Lebedev N. Yu. Organizational, tactical and legal factors complicating the quality implementation of the function of supporting the public prosecution by the prosecutor in the context of committing crimes with the use of high technologies. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal.* 2024;1:85–91 (In Russ.).

© Лебедев Н. Ю., 2024

Проблемы выявления, документирования, раскрытия и расследования преступлений, совершаемых в сфере высоких технологий, не являются новыми ни для научного пространства, ни для правоприменительной практики. Преступники активно используют для совершения преступлений современные средства телефонии, компьютерные технологии и новейшее программное обеспечение, цифровое пространство и даже возможности искусственного интеллекта.

В настоящее время в целях противодействия данному виду преступности следователи (дознаватели) объединили свои усилия со специалистами в области IT-технологий и достаточно активно взаимодействуют в целях достижения назначения уголовного судопроизводства.

Однако во многом усилия органов, осуществляющих предварительное расследование, разбиваются о некомпетентное поведение должностных лиц прокуратуры, представляющих государственное обвинение в суде. При этом проблема осуществления некачественного поддержания государственного обвинения является общей для всех категорий уголовных дел.

Попробуем рассмотреть некоторые из факторов, затрудняющих качественное осуществление функции поддержания государственного обвинения прокурором в суде.

Сам по себе термин «обвинение» достаточно многогранен и используется не только в юриспруденции, но и в других гуманитарных науках.

Но в отличие, например, от педагогики или психологии практически каждый термин в правовом пространстве должен иметь четко определенное содержание, т. к. взаимосвязан с другими юридическими категориями, и самое главное, за его содержанием стоит возможность участника правоотношений к совершению определенных действий.

В уголовном судопроизводстве термин «обвинение» закреплен в п. 22 ст. 5 УПК РФ и раскрывается как «утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутое в порядке, установленном настоящим Кодексом». Такое утверждение, именно как действие, имеющее правовые последствия, находит своё отражение в уголовно-процессуальном пространстве дважды.

Первый раз — в ходе досудебного производства по уголовному делу, когда следователь или дознаватель закрепляют данное утверждение в составляемом ими обвинительном заключении либо

обвинительном акте (обвинительном постановлении).

Второй раз — в ходе судебного производства по уголовному делу, когда на государственного обвинителя (прокурора) возлагается обязанность поддержания выдвинутого следователем (дознавателем) «утверждения о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом».

В части 3 ст. 37 УПК РФ закреплено, что «в ходе судебного производства по уголовному делу прокурор поддерживает государственное обвинение, обеспечивая его законность и обоснованность», но проблема заключается в том, что ни в федеральных, ни в ведомственных нормативных правовых актах не нашло отражение закрепление понятия «поддержание государственного обвинения».

К данному вопросу неоднократно обращались многие ученые-процессуалисты. Множество авторов посвятили свои научные исследования изучению теоретических основ деятельности государственного обвинителя по поддержанию обвинения в суде, а также проблемам, возникающим в связи с осуществлением данной деятельности. Так, понятие поддержания государственного обвинения прокурором в суде, а также история возникновения и развития данного правового института рассматривались в работах В. М. Савицкого, М. С. Строговича, К. Н. Голикова, В. Н. Исаенко, П. П. Ищенко, А. А. Печкурова, Д. В. Лесик и др. Вопросы формирования государственного обвинения, а также порядок реализации государственного обвинения в российском уголовном судопроизводстве были изучены в работах Н. Ю. Решетовой, А. И. Тарасова, А. М. Наумова, Е. П. Теняева, О. А. Зайцевой, С. Н. Хорякова, Е. В. Павлова, А. В. Лакова, Д. В. Ермолаева, Л. О. Вавренюк и др.

Как уже было отмечено, на данный момент понятие «поддержание государственного обвинения» законодательно не закреплено ни в одном из существующих нормативных правовых актов, при том что поддержание государственного обвинения как одна из функций прокурора имеет важное теоретическое и практическое значение для уголовного судопроизводства. Отсутствие законодательно закрепленного определения понятия «поддержание обвинения» создает проблемы в единообразном понимании юридической природы и сущности данного правового института.

Прежде чем предлагать авторский взгляд на понятие «поддержание государственного обвинения», обратимся к научной литературе и рассмотрим некоторые точки зрения по данному вопросу.

Так, выдающийся советский и российский ученый доктор юридических наук В. М. Савицкий считал, что государственное обвинение — «...это осуществляемая в установленных законом процессуальных формах деятельность прокурора в стадии судебного разбирательства дела, ...состоящая в доказывании виновности подсудимого и обосновании связанных с этим правовых последствий и направленная на создание условий, обеспечивающих вынесение законного и обоснованного приговора» [1, с. 229]. На наш взгляд, данное определение в общих чертах раскрывает сущность деятельности прокурора по поддержанию обвинения в суде и дает общее представление о данной деятельности, т. к. автор в своем определении справедливо отмечает, что суть данной деятельности заключается в обязанности государственного обвинителя доказать виновность подсудимого и что одной из целей данной деятельности выступает создание условий, способствующих вынесению законного и обоснованного судебного решения.

Еще одной схожей с мнением В. М. Савицкого, но от этого не менее интересной является точка зрения отечественного юриста М. С. Строговича, который обращал внимание на то, что «функция прокурора-обвинителя на суде заключается в том, чтобы помочь суду проверить и оценить все данные следствия, весь собранный по делу доказательственный материал. Прокурор делает это с точки зрения обвинения — его задачей является обосновать перед судом обвинение» [2, с. 33]. Сложно не поддержать точку зрения автора, т. к. одной из главных задач прокурора при поддержании государственного обвинения в суде является предоставление суду доказательств, участие в их исследовании, оценке и т. д., т. к. именно это поможет сделать выводы о доказанности вины подсудимого. При этом данное определение является неполным, т. к. частично раскрывает сущность поддержания государственного обвинения. Упущены такие важные составляющие, как создание государственным обвинителем условий, способствующих вынесению судом законного и обоснованного решения, соблюдение интересов всех участников в судебном разбирательстве и т. д.

Также заслуживает внимания определение, которое в своем учебном пособии предлагает профессор К. Н. Голиков. В соответствии с ним под государственным обвинением следует понимать «деятельность государственного обвинителя в судебном разбирательстве, направленную на доказывание обвинения и обеспечение верховенства закона при осуществлении уголовного судопроизводства,

в целях вынесения судом правового судебного решения по каждому уголовному делу, соблюдения правовых интересов участников судебного разбирательства» [3, с. 55]. Данное определение очень схоже с теми, что уже были рассмотрены нами ранее. При этом оно содержит в себе наиболее значимые аспекты рассматриваемой деятельности, такие как необходимость доказывать обвинение, обеспечивать верховенство закона, а также указаны цели данной деятельности.

Еще одно определение предложено авторами учебного пособия «Участие прокурора в рассмотрении судами уголовных дел» В. Н. Исаенко, П. П. Ищенко и др. Данные авторы под поддержанием государственного обвинения прокурором в суде предлагают понимать «разновидность прокурорской деятельности, сущность которой заключается: 1) в представлении суду сформулированного органами предварительного следствия в установленной уголовно-процессуальным законом форме и разделяемого им вывода о совершении конкретным лицом запрещенного уголовным законом деяния и его уголовно-правовой оценке; 2) в представлении суду доказательств, на основании которых сформулирован данный вывод, участия в их исследовании, а также в исследовании доказательств, представленных защитником и другими участниками процесса (потерпевшим, подсудимым, законным представителем); 3) в поддержании заявленных потерпевшим исковых требований о возмещении ему вреда, причиненного деянием, в совершении которого обвиняется подсудимый; 4) в высказывании в ходе судебных прений суду мнения о доказанности инкриминированного подсудимому преступления, его юридической оценке и представляющемся ему законным, обоснованным и справедливым виде и размере ответственности, которую должен понести подсудимый, а при отсутствии внутреннего убеждения в том, что исследованные в судебном следствии доказательства подтверждают виновность подсудимого — отказа от обвинения» [4, с. 13]. На наш взгляд, данное определение в большей степени раскрывает сущность поддержания государственного обвинения и является наиболее полным из всех рассмотренных нами ранее, т. к. отражает все аспекты данной деятельности.

Таким образом, изучив научную литературу и рассмотрев определения, предлагаемые разными авторами, «мы хотим предложить свое авторское уточненное определение поддержания государственного обвинения прокурором в суде. Тем самым мы хотим предложить решение проблемы

единообразного понимания такого правового института, как поддержание государственного обвинения прокурором в суде, и внести изменения в ст. 5 УПК РФ путем добавления пункта б3, который будет содержать определение понятия поддержания государственным обвинителем обвинения в суде. Изменения сформулировать в следующей редакции: "б3) поддержание государственным обвинителем обвинения в суде — деятельность государственного обвинителя, осуществляемая им на стадии судебного разбирательства дела, которая заключается в обосновании перед судом сформулированного органами предварительного следствия и разделяемого им обвинения, представлении доказательств, их исследовании и оценке, направленная на создание условий, способствующих соблюдению законных интересов всех участников уголовного судопроизводства и вынесению судом законного и обоснованного приговора". Это поможет восполнить пробел в уголовно-процессуальном законодательстве РФ и обеспечит единообразное понимание природы и сущности данного правового института» [5, с. 99–101].

Помимо рассмотрения понятия «поддержание государственного обвинения» прокурором в суде, также важно рассмотреть и содержание данного правового института.

Многие авторы рассматривают процедуру поддержания государственного обвинения только как деятельность прокурора на этапе разрешения уголовного дела по существу в суде, однако, на наш взгляд, данная позиция является ошибочной.

Невозможно убеждать других лиц в наличии каких-либо фактов, если сам не обладаешь достаточными доказательствами, подтверждающими их существование, в связи с этим правовой институт поддержания государственного обвинения представляет собой систему, включающую в себя совокупность взаимосвязанных норм уголовно-процессуального права: во-первых, норм, охватывающих деятельность прокурора по поступившему уголовному делу с обвинительным заключением (обвинительным актом или постановлением); во-вторых, норм, охватывающих деятельность прокурора на стадии подготовки к судебному заседанию, в т. ч. на предварительном слушании; в-третьих, норм, охватывающих деятельность прокурора непосредственно при рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции; в-четвертых, норм, охватывающих деятельность прокурора при оценке судебного приговора на предмет законности, обоснованности и справедливости.

Все перечисленные виды деятельности не просто взаимосвязаны, а взаимозависимы, и возможность выполнения каждой последующей деятельности напрямую зависит от того, насколько качественно осуществлена предыдущая деятельность.

Однако одной из существенных проблем, связанных с неэффективностью государственного обвинения в уголовном судопроизводстве, является то, что на сегодняшний день нет единства и согласованности в осуществлении представленных видов деятельности [6, 7].

Анализ нормативных правовых актов и судебно-следственной практики, отражающей деятельность должностных лиц прокуратуры на этапе окончания предварительного расследования и рассмотрения уголовного дела в суде первой инстанции, свидетельствует об определенном правовом и организационном хаосе, что приводит к негативным правовым последствиям.

Представим несколько факторов, которые деструктивно влияют на деятельность прокурора по поддержанию государственного обвинения.

Во-первых, отметим организационные аспекты, а именно отсутствие единства в участии должностных лиц прокуратуры в сопровождении обвинительного заключения (акта и постановления) с момента его рассмотрения, проверки и утверждения, далее непосредственного озвучивания его в суде и последующей оценки судебного решения.

На сегодняшний день в органах прокуратуры есть два структурных подразделения, в задачи которых входит обеспечение привлечения к уголовной ответственности лица, совершившего преступление, — это «Управление по надзору за уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельностью» и «Уголовно-судебное управление».

Основной задачей «Управления по надзору за уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельностью» является надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия.

Помимо норм Уголовно-процессуального кодекса, деятельность данного подразделения регулируется Приказом Генеральной прокуратуры от 17 сентября 2021 г. № 544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» и Приказом Генеральной прокуратуры от 19 января 2022 г. № 11 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания».

Одним из направлений процессуальной деятельности по осуществлению названного выше

надзора является деятельность должностного лица указанного управления прокуратуры по итоговому изучению уголовного дела на предмет соответствия выводов следователя собранным доказательствам, утверждению обвинительного заключения или обвинительного акта у прокурора и направлению уголовного дела в суд. Далее обязанность по сопровождению уголовного дела с целью привлечения подсудимого к уголовной ответственности переходит в «Уголовно-судебное управление», основной задачей которого является защита конституционных прав граждан при рассмотрении уголовных дел судами, в т. ч. обеспечение выполнения в суде функции государственного обвинения.

И вот, именно на этом этапе зарождается одна из проблем, связанная с неэффективностью поддержания государственного обвинения, заключающаяся в том, что, как можно видеть, вывод о доказанности совершения определенным человеком преступления делается одним должностным лицом прокуратуры, а доказывать этот вывод поручается другому должностному лицу, который фактически, как говорят в народе, ещё «в глаза не видел» уголовного дела.

Соответственно, должностное лицо «Уголовно-судебного управления прокуратуры» для эффективного осуществления функции поддержания обвинения в суде должно вновь приступить к анализу уголовного дела, изучению всех доказательств и формированию уже своего, внутреннего убеждения о преступном событии.

И это было бы ещё куда ни шло, если бы в суде одно и то же должностное лицо прокуратуры поддерживало обвинение по уголовному делу, но результаты проведенного нами опроса помощников судей и секретарей судебного заседания показали, что хотя бы 1 раз в год при рассмотрении одного уголовного дела сменялось 5 государственных обвинителей, а при рассмотрении каждого третьего уголовного дела в суде государственный обвинитель сменялся дважды, а в каждом четвертом уголовном деле — трижды.

Возникает обоснованный вопрос — при такой частой замене государственных обвинителей можно ли говорить о знании содержания доказательств, изложенных в обвинительном заключении, должностным лицом прокуратуры?

Добавляет обеспокоенность и тот факт, что государственные обвинители до начала судебного заседания даже при замене не знакомятся с материалами уголовного дела.

По данным нашего опроса, до начала судебного разбирательства государственный обвинитель

знакомился с материалами уголовного дела только при наличии заявленного обвиняемым ходатайства о рассмотрении его в особом порядке либо заявлении ходатайства об исключении доказательств. В остальных случаях государственный обвинитель либо вообще не считал нужным знакомиться, либо знакомился с материалами уголовного дела за 1-2 часа до начала судебного разбирательства.

При этом нельзя забывать, что поддержание государственного обвинения включает в себя не только представление доказательств в судебном следствии, но и выступление с обвинительной речью в прениях сторон, а также участие с репликой до предоставления последнего слова подсудимому.

Во-вторых, выделим тактические факторы, влияющие на неэффективность поддержания государственного обвинения.

В соответствии с п. 3 Приказа Генеральной прокуратуры от 30 июня 2021 г. № 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» государственный обвинитель обязан «заблаговременно готовиться к судебному заседанию, беспристрастно оценивать совокупность имеющихся доказательств, продумывать тактику своих действий». Однако проблема заключается в том, что в действительности должностные лица прокуратуры до начала судебного заседания никогда не контактируют ни с потерпевшими, ни со свидетелями со стороны обвинения на предмет разработки общей стратегии поддержания обвинения.

Государственные обвинители не считают необходимым уделять время подготовке к участию в судебном следствии потерпевшего и свидетелей, которых они планируют допросить.

Не секрет, что в ходе рассмотрения уголовного дела в суде могут возникать различные конфликтные ситуации, например, связанные с наличием у допрашиваемого фобии нахождения среди большого количества людей либо яростным столкновением (поведением) стороны обвинения и защиты, непредсказуемостью (агрессивностью) поведения подсудимого, а также перекрестностью допроса и др.

Потерпевший или свидетель, которые привыкли, что с ними в ходе досудебного производства, перед началом производства следственных действий следователем обязательно устанавливался психологический контакт [8], оказавшись в конфликтной ситуации в суде, испытывают «шоковое состояние» и даже испуг. При таких обстоятельствах для стороны обвинения могут наступить деструктивные последствия, связанные с тем, что потерпевший или свидетель, испытав негативные

эмоции, «замкнется» или «уйдет в себя», а внешне это будет выражено в изменениях ранее данных ответов на вопросы в виде: не помню, забыл; ничего не знаю, ничего не видел и др. В такой ситуации государственный обвинитель может попасть в затруднительное положение, и, соответственно, эффективность его деятельности окажется под большим вопросом.

В-третьих, можно выделить правовые факторы, влияющие на неэффективность поддержания государственного обвинения.

Речь идет о серьезном противоречии норм локальных нормативных правовых актов (приказов), их смысловой нелогичности и даже правовой «абракадабре».

На этапе рассмотрения уголовного дела, поступившего с обвинительным заключением, и его утверждения прокурор дает своеобразное заключение о качестве проведенного расследования преступления, подтверждает, что все необходимые следственные действия проведены, событие преступления установлено, следователем дана правильная квалификация, а доказательств достаточно для поддержания государственного обвинения в суде.

То есть выводы, изложенные в обвинительном заключении, становятся не выводами органов предварительного расследования, а выводами органов прокуратуры. Однако Приказ Генеральной прокуратуры от 30 июня 2021 г. № 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» содержит «позиции», которым трудно дать логичное объяснение.

Приведем несколько цитат из данного приказа, содержание которых трудно прокомментировать.

Например:

1. В пункте 1.6 читаем: «Считать недопустимым любое давление на государственных обвинителей, принуждение их к *отстаиванию выводов органов предварительного расследования*» (выделено авт. — Н. Л.).

Возникает логичный вопрос, а разве данные выводы уже не выводы прокурора, который и является государственным обвинителем?

2. В пункте 3.4 читаем: «При существенном расхождении позиции государственного обвинителя с позицией, выраженной в обвинительном заключении (акте, постановлении) или постановлении, докладывать об этом прокурору».

Возникает логичный вопрос, а разве в соответствии с УПК РФ государственный обвинитель — это не прокурор, и разве не он (прокурор) утверждал обвинительное заключение (акт, постановление)? Тогда о каком расхождении позиций может идти речь?

В указанном приказе Генеральной прокуратуры РФ достаточно много подобных по своей смысловой противоречивости правовых тезисов, которые вызывают недоумение.

Конечно, в одной статье невозможно рассмотреть все факторы, которые могут оказывать влияние на неэффективность поддержания государственного обвинения, но, исходя из представленных факторов, необходимо подчеркнуть, что большинство формирующихся проблем изначально прямо заложены в нормах локальных нормативных правовых актов (приказов) Генеральной прокуратуры Российской Федерации, внося правовую разобщенность и противоречивость в деятельность должностных лиц своих подразделений на различных этапах движения уголовного дела.

В завершение подчеркнем, что эффективное поддержание государственного обвинения в ходе судебного следствия дает возможность суду объективно исследовать и оценить все доказательства, избличающие лицо в совершении преступления или же свидетельствующие о его невиновности, а судебные прения — убедить суд и всех участников судебного разбирательства в том, что подсудимый действительно виновен, т. е., по сути, прокурор оказывает содействие суду в вынесении законного и справедливого решения.

Список источников

1. Савицкий В. М. Государственное обвинение в суде. М.: Наука, 1971.
2. Строгович М. С. Обвинение и обвиняемый на предварительном следствии и на суде // Публичное и частное право. 2011. № 2 (10). С. 33. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17280858> (дата обращения: 03.03.2021).
3. Голиков К. Н. Прокурорская деятельность: учебное пособие. М.: Ай Пи Эр Медиа, 2019. URL: <http://www.iprbookshop.ru/94193> (дата обращения: 06.03.2021).
4. Исаенко В. Н., Ищенко П. П., Колесников Е. В., Майдыков А. А., Усачев А. А. Участие прокурора в рассмотрении судами уголовных дел: учебное пособие / под ред. В. Н. Исаенко. М.: РГ-Пресс, 2018. URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=book_red&id=570612 (дата обращения: 07.03.2021).

5. Лебедев Н. Ю., Степанов С. А. Некоторые проблемы реализации функции государственного обвинения в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: мат-лы XXV Международной научно-практ. конф-ции: в 2 ч. / отв. ред. Д. В. Ким. Красноярск, 2022. С. 99–101.

6. Лебедева Ю. В. К вопросу о значении профилактики преступлений, совершаемых несовершеннолетними и совершенных в отношении несовершеннолетних // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2022. № 2 (12). С. 17–21.

7. Лебедева Ю. В. Компромисс в уголовном судопроизводстве и его значение в разрешении уголовного дела // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2022. № 3 (13). С. 14–19.

8. Лебедева Ю. В. Некоторые аспекты прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2022. № 4 (14). С. 19–25.

References

1. Savickij V. M. Gosudarstvennoe obvinenie v sude. M.: Nauka, 1971.

2. Strogovich M. S. Obvinenie i obvinyaemyj na predvaritel'nom sledstvii i na sude // Publichnoe i chastnoe pravo. 2011. № 2 (10). S. 33. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17280858> (data obrashcheniya: 03.03.2021).

3. Golikov K. N. Prokurorskaya deyatel'nost': uchebnoe posobie. M.: Aj Pi Er Media, 2019. URL: <http://www.iprbookshop.ru/94193> (data obrashcheniya: 06.03.2021).

4. Isaenko V. N., Ishchenko P. P., Kolesnikov E. V., Majdykov A. A., Usachev A. A. Uchastie prokurora v rassmotrenii sudami ugovolnyh del: uchebnoe posobie / pod red. V. N. Isaenko. M.: RG-Press, 2018. URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=book_red&id=570612 (data obrashcheniya: 07.03.2021).

5. Lebedev N. Yu., Stepanov S. A. Nekotorye problemy realizacii funkicii gosudarstvennogo obvineniya v ugovolnom sudoproizvodstve // Aktual'nye problemy bor'by s prestupnost'yu: voprosy teorii i praktiki: mat-ly XHV Mezhdunarodnoj nauchno-prakt. konf-cii: v 2 ch. / отв. ред. Д. В. Ким. Красноярск, 2022. С. 99–101.

6. Lebedeva Yu. V. K voprosu o znachenii profilaktiki prestuplenij, sovershaemyh nesovershennoletnimi i sovershennyh v otnoshenii nesovershennoletnih // Voенно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2022. № 2 (12). С. 17–21.

7. Lebedeva Yu. V. Kompromiss v ugovolnom sudoproizvodstve i ego znachenie v razreshenii ugovolnogo dela // Voенно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2022. № 3 (13). С. 14–19.

8. Lebedeva Yu. V. Nekotorye aspekty prokurorskogo nadzora za processual'noj deyatel'nost'yu organov predvaritel'nogo sledstviya // Voенно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2022. № 4 (14). С. 19–25.

Информация об авторе

Н. Ю. Лебедев — доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

N. Yu. Lebedev — Doctor of Science (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 31.09.2023; одобрена после рецензирования 16.11.2023; принята к публикации 22.02.2024.

The article was submitted 31.09.2023; approved after reviewing 16.11.2023; accepted for publication 22.02.2024.

Алтайский юридический вестник. 2024. № 1 (45). С. 92–99.

Altai Law Journal. 2024. № 1 (45). P. 92–99.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.9

**КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА:
ОЖИДАНИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ**

Владислав Сергеевич Соловьев

Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия, vladsolovyev@mail.ru,

<https://orcid.org/0009-0002-4887-8982>

Аннотация. В статье систематизированы общие недостатки, присущие криминологическим исследованиям преступности несовершеннолетних, выполненным в последние годы. Обращается внимание на то, что в ряде работ фактически игнорируется влияние информационных процессов на преступность несовершеннолетних. Даются комментарии по поводу недостатков в эмпирической основе диссертационных исследований, достоверности и проверяемости полученных результатов. Автор отмечает, что значительное число научных работ содержит максимально неконкретные и нереализуемые предложения с явным креном в сторону возложения дополнительных обязанностей на сотрудников правоохранительных органов. Даются рекомендации по формулированию предложений, направленных на совершенствование системы предупреждения преступности несовершеннолетних.

Ключевые слова: несовершеннолетние, цифровизация, интернет, эмпирическая основа, преступность несовершеннолетних, предупреждение преступлений, качество исследований

Для цитирования: Соловьев В. С. Криминологические исследования преступности несовершеннолетних в условиях цифровизации общества: ожидания и реальность // Алтайский юридический вестник. 2024. № 1 (45). С. 92–99.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

**CRIMINOLOGICAL RESEARCH OF JUVENILE CRIME UNDER DIGITALIZATION
OF SOCIETY: EXPECTATIONS AND REALITY**

Vladislav S. Solovev

Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia, Krasnodar, Russia, vladsolovyev@mail.ru,

<https://orcid.org/0009-0002-4887-8982>

Abstract. The article systematizes the general shortcomings inherent in criminological studies of juvenile delinquency carried out in recent years. Attention is drawn to the fact that a number of works actually ignore the influence of information processes on juvenile delinquency. Comments are given on the shortcomings in the empirical basis of dissertation research, the reliability and verifiability of the results obtained. The author notes that a significant number of scientific works contain extremely vague and unrealizable proposals with a clear bias towards imposing additional responsibilities on law enforcement officers. Recommendations are given for the formulation of proposals aimed at improving the system for preventing juvenile delinquency.

Keywords: minors, digitalization, Internet, empirical basis, juvenile delinquency, crime prevention, quality of research

For citation: Solovev V. S. Criminological research of juvenile crime under digitalization of society: expectations and reality. *Altajskij juridicheskiy vestnik = Altai Law Journal*. 2024;1:92–99 (In Russ.).

Криминологические исследования преступности несовершеннолетних и вопросы разработки на их основе мер предупреждения преступлений, совершаемых подростками, сохраняют свою актуальность на протяжении длительного времени. В России до конца так и не решена проблема криминализации подростково-молодежной среды. Ярким тому подтверждением является внимание к ней руководства правоохранительных органов страны. Выступая на расширенном заседании коллегии МВД России в марте 2023 г., Министр внутренних дел В. А. Колокольцев отметил, что в течение последнего года «в центре внимания руководства Министерства находились вопросы предупреждения правонарушений среди несовершеннолетних. В первую очередь это касается подростков, склонных к агрессии, состоящих на профучётах, проживающих в неблагополучных семьях или попавших в трудную жизненную ситуацию».

Еще более актуализируется проблема в условиях цифровизации общества, сопровождающейся проникновением криминальных угроз в информационно-телекоммуникационную среду, в т. ч. сеть Интернет. Максимально важной является задача защиты несовершеннолетних от негативного влияния контента, распространяемого в сети Интернет. Дети и подростки в процессе социализации сталкиваются с новыми угрозами, при этом основным коммуникационным каналом для них становится именно интернет, посредством которого несовершеннолетние могут скрыто или явно вовлекаться в совершение преступлений и криминальный образ жизни.

Такие социальные условия дают огромный стимул для проведения криминологических исследований в этой сфере, разработки мер воздействия на несовершеннолетних с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, превентивного влияния на информационную сферу и происходящие там процессы, трансформации «аналоговой» предупредительной деятельности правоохранительных органов и иных субъектов предупреждения подростковой преступности в «цифровую». Однако, к большому сожалению, ничего этого в желаемых для науки и необходимых для общества масштабах не происходит, что убедительно подтверждается анализом криминологических исследований последних лет.

Изучение диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук, выполненных на криминологические темы, позволяет с сожалением констатировать, что в значительной их части либо вообще игнорируется цифровая состав-

ляющая преступного поведения несовершеннолетних, либо для предупреждения подростковой преступности предлагаются неосуществимые в принципе меры, в т. ч. способные нанести больше вреда, чем пользы, полностью парализовать и без того недостаточно эффективную деятельность субъектов предупреждения преступлений. Приведем несколько примеров.

В диссертации, посвященной криминологическим и уголовно-правовым аспектам преступности несовершеннолетних женского пола [1], в одном из положений, выносимых на защиту, автор к детерминантам преступности несовершеннолетних женского пола в числе прочего относит «негативное влияние средств массовой информации». Однако в тексте диссертации практически ничего не говорится об этом криминогенном факторе, лишь в заключительной части параграфа, посвященного детерминантам преступности, неожиданно появляется вывод о «непродуманной информационной политике СМИ». О негативном влиянии на несовершеннолетних средств массовой информации сказано в одном абзаце параграфа, содержание которого посвящено исследованию характеристик несовершеннолетних преступниц. Абзац состоит из двух предложений, оба из которых — ссылки на труды других авторов. Недостаточно качественной выглядит и эмпирическая база исследования, при помощи которой фактически невозможно определить, играют ли какую-либо роль в детерминационном комплексе преступности несовершеннолетних женского пола средства массовой информации или сеть Интернет.

Диссертационное исследование, посвященное предупреждению интенсивного преступного поведения несовершеннолетних с учетом зарубежного опыта, вообще не содержит упоминаний о сети Интернет и ее криминогенном влиянии на подростков. При этом в тексте работы не раз заходит речь о причинах преступного поведения несовершеннолетних. В одном из перечней таких причин [2, с. 189] имеется ряд ссылок на криминологические исследования, самому «свежему» из которых уже 8 лет (работа 2015 г.). С учетом произошедших за эти годы социально-экономических, внешнеполитических и иных изменений в государстве, прямо или косвенно влияющих на преступность, принимая во внимание последствия пандемии COVID-19, более чем двенадцатикратный рост числа преступлений в сфере информационных технологий, увеличение масштабов информатизации, в т. ч. и в среде молодежи, напрашивается вывод о невозможности игнорирования влияния

информационных процессов на преступность несовершеннолетних в качественном криминологическом исследовании.

В работе, посвященной противодействию влиянию сети Интернет на преступное поведение несовершеннолетних [3], отсутствуют какие-либо конкретные и реализуемые предложения по предупреждению негативного влияния перечисленных угроз:

- указано, что «исключительное значение в предупреждении преступности среди несовершеннолетних, связанной с применением высоких технологий, должна иметь также позиция законодателя в отношении увеличения структуры преступлений, совершенных в сфере информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть "Интернет", путем установления ответственности за унижение человеческого достоинства путем различных проявлений киберугроз и киберагрессии (кибербуллинг, кибергруминг, троллинг и пр.)». Совершенно не ясно, каким образом должна быть выражена позиция законодателя в отношении увеличения структуры преступлений и как должно быть реализовано установление ответственности;

- на страницах работы говорится о необходимости «дальнейшего совершенствования законодательства в направлении: защиты от разрушительного и травмирующего психику деструктивного информационного воздействия; от информации, которая способствует развитию девиантных наклонностей и делинквентному поведению, введения дополнительных запретов на обращение информации, способствующей кибератакам, киберугрозам (кибербуллинг, секстинг, груминг, троллинг и т. д.) и оправдывающей акты насилия и преступное (противоправное) поведение». При этом никаких предложений по введению этих дополнительных запретов нет;

- в числе мер профилактики подростковой преступности, реализуемых подразделениями по делам несовершеннолетних МВД России, названо «выявление лиц, подвергаемых кибербуллингу, секстингу, грумингу, троллингу и иным киберугрозам» без конкретизации оснований и порядка осуществления этой деятельности.

Отдельного внимания и критики заслуживают предложения по «совершенствованию» деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел. Автором предлагается «включить в Инструкцию по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних ОВД России, утвержденную Приказом МВД России от 15 октября 2013 г. № 845, новый раздел

"Организация работы по профилактике преступлений несовершеннолетних, совершенных под влиянием информационно-телекоммуникационной сети Интернет", включающий основные направления и формы профилактики данного подразделения ОВД России, позволяющие расширить содержание и объем профилактической деятельности инспектора подразделения по делам несовершеннолетних».

Предлагаемые формы и направления профилактики содержат целый ряд неконкретных задач и неопределенных формулировок, что делает их практически невыполнимыми. В частности, вопросы вызывают следующие меры:

- «выявление причин и условий преступлений, обусловленных деструктивным влиянием интернет-контента». Для реализации этой меры необходимо понимание того, какие преступления следует считать обусловленными деструктивным влиянием интернет-контента. Несмотря на разработанную в диссертации новую форму отчетности (Единый отчет о преступлениях несовершеннолетних, обусловленных влиянием информационно-телекоммуникационной сети Интернет), не ясен механизм включения туда преступлений. Предложений о дополнении какими-либо реквизитами документов первичного учета (статистических карточек) в работе нет. Может сложиться ситуация, в которой разработанная форма отчетности будет наполняться «хоть какими-нибудь» данными, что в конечном итоге сделает статистический учет преступности еще менее качественным;

- «выявление лиц, характеризующихся интернет-аддикцией, равно как лиц, состоящих в антиобщественных виртуальных сообществах». Не ясно, по каким критериям сотруднику подразделения по делам несовершеннолетних можно выявить лицо с интернет-аддикцией и что можно отнести к антиобщественным виртуальным сообществам;

- «выявление лиц, подвергаемых кибербуллингу, секстингу, грумингу, троллингу и иным киберугрозам». Здесь складывается аналогичная ситуация, очень сложно силами сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних реализовать механизм выявления таких лиц с учетом того, что большинство перечисленных угроз не является ни преступлениями, ни административными правонарушениями;

- «индивидуальная профилактика преступности лиц возраста несовершеннолетия, совершаемой под воздействием криминогенного влияния сети Интернет... при констатации начальной стадии девиантных проявлений (интернет-зави-

симось, приобретение наркотических средств, веществ и их аналогов в сети Интернет, участие в группах смерти, в террористических и экстремистских сообществах и пр.)». В данном случае вопросы вызывает формулировка «начальная стадия девиантных проявлений», поскольку приобретение наркотических средств, участие в террористических и экстремистских сообществах по российскому законодательству являются преступлениями.

Наконец, автор утверждает, что «значительное внимание инспектора подразделения по делам несовершеннолетних ОВД России в проведении профилактических мероприятий, в реализации мер по криминологическому мониторингу должно быть отведено применению технологии больших данных, посредством которой представляется возможным исследовать актуальные структурированные и неструктурированные данные, выделив в данном сегменте источники, заслуживающие доверия, равно как фейковые сведения, провести дифференциацию по критериям достоверности (недостоверности) (о личности несовершеннолетнего, событиях, ситуациях и пр.)». Интересна была бы реакция сотрудника подразделения по делам несовершеннолетних в момент возложения на него такой задачи.

В настоящее время Приказом МВД России от 15 октября 2013 г. № 845 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации» на эти подразделения возложено 19 достаточно объемных и многоплановых обязанностей. На конец 2022 г. в России фактическая численность подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел составляла 13 670 сотрудников, а численность несовершеннолетних — 31 649 277 человек. В среднем на одного сотрудника приходится около 2 315 несовершеннолетних (а на самом деле еще больше, поскольку в число упомянутых 13 670 сотрудников входят руководители всех уровней, должностные лица аппаратов территориальных органов МВД России на окружном, межрегиональном и региональном уровнях, не осуществляющие непосредственно работу с несовершеннолетними). В условиях достаточно высокой нагрузки на сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних предложения о вменении им в обязанности чего бы то ни было должны сопровождаться решением вопросов увеличения штатной численности подразделений, разработкой дополнительных мер мотивации и поощрения сотрудников, внедрением

адекватных критериев оценки их деятельности, повышением квалификации личного состава. Все возлагаемые на сотрудников обязанности должны быть как минимум понятны и выполнимы в принципе.

Перечисленные проблемы криминологических работ появились во многом из-за некачественного подхода к формированию эмпирической базы диссертационных, да и других научных исследований. Нельзя не согласиться с Е. В. Грибановым, который отмечает, что в диссертациях «нередко возникают вопросы, связанные с обоснованностью проведения конкретного эмпирического исследования, достоверностью его результатов и репрезентативностью полученных на его основе данных. Так, авторы зачастую используют ничем не обоснованные источники эмпирической информации, а заявленные в разделе "Эмпирическая база диссертационного исследования" данные вообще не отражаются в содержании работы. Эмпирическая основа исследования нередко заявляется номинально и фактически не оказывает влияния на выводы автора и полученные результаты. Отсутствие в диссертации обоснованной эмпирической базы, достоверной и репрезентативной эмпирической информации указывает на искусственный, во многом реферативный характер проведенных автором изысканий, которые в большинстве случаев оторваны от реальных общественных отношений и процессов» [4].

Важным критерием научности полученных в ходе исследования результатов является их проверяемость, т. е. возможность подтвердить или опровергнуть их при помощи применения аналогичных или схожих методик. В апреле 2023 г. в Краснодарском университете МВД России реализована программа повышения квалификации сотрудников подразделений по организации деятельности участковых уполномоченных полиции, по делам несовершеннолетних и по противодействию экстремизму территориальных органов МВД России [5]. В ходе курса повышения квалификации слушателям было предложено оценить меры по совершенствованию деятельности субъектов предупреждения преступлений, совершаемых несовершеннолетними, содержащиеся в кандидатских диссертациях по криминологии, защищенных в последние годы. То есть фактически была предпринята попытка проверить полученные научные результаты при помощи метода опроса, который и составляет основу получения эмпирических данных в диссертационных исследованиях. Порядка 80 % предложений, разработанных учеными, были

оценены практическими сотрудниками как нереализуемые в деятельности органов внутренних дел. Еще раз подчеркнем: речь идет не о возможности внедрения результатов исследования в оперативно-служебную деятельность правоохранительных органов (хотя акты внедрения и туда упоминаются при описании апробации результатов исследований в авторефератах диссертаций), а о явных противоречиях ссылок на экспертные опросы в эмпирической базе диссертационных работ фактическому мнению аналогичных категорий респондентов.

Подобные проблемы имеются не только на уровне кандидатских диссертаций. Ряд статей в журналах, входящих в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, изданных в последние годы, также содержит максимально неконкретные и нереализуемые в практике предложения по предупреждению подростковой преступности.

Качество вносимых по результатам криминологических исследований рекомендаций по предупреждению преступлений должно оцениваться в числе прочего в зависимости от реальной возможности их исполнения. А для этого необходимо, чтобы такие рекомендации в ходе разработки проходили через своеобразный «фильтр», включающий ответы самим автором на вопросы:

- кто должен реализовывать предлагаемую меру;
- в отношении кого должна реализовываться предлагаемая мера;
- какие действия необходимо совершить для реализации предлагаемой меры.

Рекомендуется также сводить предложения до уровня конкретных задач, а автору – ставить себя на место их адресатов и пытаться выяснить, поймет ли он содержание задачи и сможет ли ее выполнить.

Такая незамысловатая методика позволит определить заведомо невыполнимые мероприятия, а также доработать и детализировать те из них, которые в текущем их состоянии кажутся трудновыполнимыми.

Приведем несколько примеров применения методики.

В статье, посвященной предупреждению делинквентного поведения несовершеннолетних, продуцируемого контентом сети Интернет, отмечается, что «акцент профилактических мероприя-

тий делается не на устранении причин и условий, способствующих совершению правонарушения, а на "постфактумную" профилактику повторности противоправных действий, в связи с чем считаем необходимым изменить вектор профилактической деятельности и его правовое обеспечение. С нашей точки зрения, специализированные субъекты должны уделять больше внимания выявлению и устранению причин и условий, способствующих совершению преступлений. Это не означает, что традиционные направления профилактики должны уйти на второй план, наоборот, они должны параллельно реализовываться, так как в борьбе с преступностью несовершеннолетних нет второстепенных задач. При этом законодательно должен быть определен перечень и порядок проведения профилактических мероприятий в сети Интернет» [6].

Каким образом специализированные субъекты должны уделять больше внимания выявлению и устранению причин и условий, способствующих совершению преступлений, авторы не конкретизируют. Также из текста статьи невозможно понять, в каком именно законе и каким образом должен быть определен перечень и порядок проведения профилактических мероприятий в сети Интернет, что должен включать в себя этот порядок, кто должен его разработать. Всё это делает предложенные мероприятия фактически неосуществимыми.

Научная статья, в которой информационная безопасность подростков в сети Интернет рассматривается в качестве фактора предупреждения преступности несовершеннолетних [7], также содержит ряд сомнительных предложений. К их числу относится обязанность «уполномоченных органов» «выявлять в Интернете тех, кто "подсел" на игры и квесты, ведущие к опасным трюкам и самоубийствам, входить в доверие к подросткам, разъяснять несовершеннолетним опасность совершения экспериментов над собой и незаконных действий». Что это за уполномоченные органы, каким образом должна осуществляться описанная деятельность, как идентифицировать именно тех подростков, кто «подсел» на игры и квесты — авторы не разъясняют. Еще одной предложенной мерой является то, что со стороны правоохранительных органов «особое внимание должно уделяться компьютерным играм с деструктивным, агрессивным содержанием, к которым у подростков в сетях имеется очень легкий доступ. Такие игры существенно влияют на сознание ребенка, учат его решать проблемы силовыми методами, вызывают тревожность, жестокость, раздражительность, эмоциональную неуравновешенность». Ка-

кие именно правоохранительные органы должны уделять «особое» внимание компьютерным играм и что включает в себя это внимание, также неясно. Наконец, авторы предлагают в качестве предупредительной меры «оперативное внедрение в виртуальные социальные группы подростков, имеющих деструктивные цели, для получения информации об их персональном составе, местах встреч, планах и средствах, которые используются в деструктивной деятельности». Заставляет задуматься, каким образом в профилактике преступности несовершеннолетних может применяться названное оперативно-розыскное мероприятие.

О. В. Шляпникова и Н. М. Паршин, исследуя влияние интернета на формирование противоправного поведения несовершеннолетних [8], считают, что в целях профилактики распространения новых криминогенных и криминальных проявлений в подростковой молодежной среде необходимо «совершенствование управленческой работы в сфере профилактики указанных негативных явлений, правильный подбор, обучение, расстановка кадров, контроль за их деятельностью», «совершенствование единой государственной программы профилактики преступности несовершеннолетних и молодежи, определение субъектов профилактической деятельности, регламентация их полномочий, форм межведомственной координации» и «внедрение в деятельность правоохранительных органов мероприятий виктимологической профилактики вовлечения несовершеннолетних и молодых людей в криминальные группировки нового типа». Вряд ли до появления научной статьи уважаемых авторов никому не приходило в голову совершенствовать управленческую работу, правильно подбирать, обучать и расставлять кадры, а также проводить всю остальную описанную ими работу. Любые призывы к совершенствованию чего-либо должны сопровождаться хотя бы минимальной конкретизацией путей этого совершенствования.

В результате исследования вопросов профилактики влияния криминальной субкультуры на преступность среди несовершеннолетних и молодежи [9] авторы предлагают «рассмотреть возможность создания совместно с администрацией социальных сетей нормативной базы, регулирующей их деятельность в части профилактики распространения и пропаганды криминальной субкультуры в Интернете». Из предложения невозможно уяснить содержание потенциальной нормативной базы, а также то, какие органы должны ее принять. Кроме того, не указаны причины, по которым авторов не устраивает действующий механизм про-

тиводействия распространению и пропаганде криминальной субкультуры. В Российской Федерации сложилась достаточно устойчивая судебная практика признания информации, размещенной на интернет-страницах, в т. ч. и в социальных сетях, запрещенной к распространению на основании ч. 6 ст. 10 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и ст. 5 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». В качестве примера можно привести описательно-мотивировочную часть решения Ординского районного суда Пермского края, где указано, что «размещенная на интернет-страницах в социальной сети "ВКонтакте" информация оправдывает антиобщественное противоправное поведение, криминальную субкультуру, призывает к применению насилия, оскорблений, направлена на формирование у детей желания употреблять табачную и алкогольную продукцию, а также обосновывает и оправдывает допустимость насилия и жестокости, иных насильственных действий, в том числе с применением огнестрельного оружия, в связи с чем действующим законодательством установлена необходимость ограничения доступа к указанным сведениям»¹.

Таким образом, анализ криминологических исследований преступности несовершеннолетних последних лет свидетельствует, что в части из них процессы информатизации общества и подростково-молодежной среды попросту игнорируются, а значительное число научных работ содержит максимально неконкретные и нереализуемые предложения с явным креном в сторону возложения дополнительных обязанностей на сотрудников правоохранительных органов. Складывается ощущение, что качество работы субъектов профилактики преступности несовершеннолетних, по мнению уважаемых авторов, прямо пропорционально объему возложенных на них задач. Между тем в реальной жизни дела обстоят с точностью до наоборот. Вряд ли ученый, глубоко исследовавший работу правоохранительной системы (а некоторые процитированные работы выполнены сотрудниками правоохранительных органов!), может это не понимать.

¹ Решение Ординского районного суда Пермского края (постоянное судебное присутствие в с. Уинское) по делу № 2а-408/2020 от 11 ноября 2020 г. URL: [https:// sudact.ru/regular/doc/XiuUIW0UqoHx/](https://sudact.ru/regular/doc/XiuUIW0UqoHx/) (дата обращения: 18.10.2023).

Список источников

1. Осадчук О. А. Преступность несовершеннолетних женского пола: криминологические и уголовно-правовые аспекты (на примере Республики Крым и г. Севастополя): дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2023.
2. Сокол Ю. В. Предупреждение интенсивного преступного поведения несовершеннолетних: зарубежный опыт: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2022.
3. Турунова М. Н. Противодействие влиянию сети «Интернет» на преступное поведение несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2022.
4. Грибанов Е. В. Методические заметки о подготовке диссертационных исследований и оформлении их результатов в юридической отрасли научного знания // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2020. № 2 (48). С. 100–106.
5. В университете провели курс по вопросам предупреждения распространения криминальной идеологии в сети Интернет. URL: <https://krdu.mvd.rf/Press-sluzhba/Novosti/item/37742931> (дата обращения: 18.10.2023).
6. Кузнецов В. А., Кузнецова Е. В. Предупреждение делинквентного поведения несовершеннолетних, продуцируемого контентом сети Интернет // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 1 (48). С. 45–51.
7. Сулейманов С. Т., Кучинская А. В. Информационная безопасность подростков в Интернете как фактор предупреждения преступности несовершеннолетних // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. № 1 (25). С. 94–96.
8. Шляпникова О. В., Паршин Н. М. Влияние Интернета на формирование противоправного поведения в подростково-молодежной среде // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2021. № 2. С. 10–16.
9. Дакашев И. Х., Зыбина Ю. В. Влияние криминальной субкультуры на преступность среди несовершеннолетних и молодежи: современное состояние и профилактика // Вестник Самарского юридического института. 2021. № 4 (45). С. 121–124.

References

1. Osadchuk O. A. Prestupnost' nesovershennoletnih zhenskogo pola: kriminologicheskie i ugolovno-pravovye aspekty (na primere Respubliki Krym i g. Sevastopolya): dis. ... kand. yurid. nauk. Krasnodar, 2023.
2. Sokol Yu. V. Preduprezhdenie intensivnogo prestupnogo povedeniya nesovershennoletnih: zarubezhnyj opyt: dis. ... kand. yurid. nauk. Krasnodar, 2022.
3. Turunova M. N. Protivodejstvie vliyaniyu seti «Internet» na prestupnoe povedenie nesovershennoletnih: dis. ... kand. yurid. nauk. SPb., 2022.
4. Gribanov E. V. Metodicheskie zametki o podgotovke dissertacionnyh issledovaniy i oformlenii ih rezul'tatov v yuridicheskoy otrasli nauchnogo znaniya // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. 2020. № 2 (48). S. 100–106.
5. V universitete proveli kurs po voprosam preduprezhdeniya rasprostraneniya kriminal'noj ideologii v seti Internet. URL: <https://krdu.mvd.rf/Press-sluzhba/Novosti/item/37742931> (data obrashcheniya: 18.10.2023).
6. Kuznecov V. A., Kuznecova E. V. Preduprezhdenie delinkventnogo povedeniya nesovershennoletnih, produciruемого контентом сети Internet // Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. 2019. № 1 (48). S. 45–51.
7. Sulejmanov S. T., Kuchinskaya A. V. Informacionnaya bezopasnost' podrostkov v Internete kak faktor preduprezhdeniya prestupnosti nesovershennoletnih // Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2020. № 1 (25). S. 94–96.
8. Shlyapnikova O. V., Parshin N. M. Vliyanie Interneta na formirovanie protivopravnogo povedeniya v podrostkovo-molodezhnoj srede // Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I. D. Putilina. 2021. № 2. S. 10–16.

9. Dakashev I. H., Zybina Yu. V. Vliyaniye kriminal'noj subkul'tury na prestupnost' sredi nesovershennoletnih i molodezhi: sovremennoe sostoyanie i profilaktika // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. 2021. № 4 (45). S. 121–124.

Информация об авторе

B. C. Соловьев — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

V. S. Solovev — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 31.10.2023; одобрена после рецензирования 05.12.2023; принята к публикации 22.02.2024.

The article was submitted 31.10.2023; approved after reviewing 05.12.2023; accepted for publication 22.02.2024.

СУДЕБНЫЙ ШТРАФ КАК ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Сергей Андреевич Степанов¹, Сергей Александрович Нидер²

^{1,2} Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирск, Россия

¹ stepanovsa041178@yandex.ru

² nider81@gmail.com

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы применения судами первой инстанции правового механизма в виде судебного штрафа как меры уголовно-правового характера. Применение данного механизма позволяет судам принимать решение об освобождении лиц, впервые совершивших преступления небольшой и средней тяжести, от уголовной ответственности при наличии определенных обстоятельств. Рассмотрены научные позиции по определению понятия «впервые», а также предложена авторская дефиниция данного понятия. Проанализирована правоприменительная практика применения судебного штрафа при разрешении судами вопросов об освобождении лиц от уголовной ответственности по рассматриваемой категории преступлений. Проанализировано соотношение судебного штрафа как меры уголовно-правового характера и штрафа как вида основного наказания.

Ключевые слова: судебный штраф, мера уголовно-правового характера, уголовная ответственность, уголовное преследование, судопроизводство, правовой механизм, возмещение ущерба, заглаживание вреда, превентивная правовая направленность, уголовно-процессуальные гарантии, законные интересы, государство

Для цитирования: Степанов С. А., Нидер С. А. Судебный штраф как правовой механизм освобождения от уголовной ответственности // Алтайский юридический вестник. 2024. № 1 (45). С. 100–107.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

JUDICIAL FINE AS A LEGAL MECHANISM FOR EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY

Sergey A. Stepanov¹, Sergey A. Nider²

^{1,2} Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops, Novosibirsk, Russia

¹ stepanovsa041178@yandex.ru

² nider81@gmail.com

Abstract. The article considers the issues of the application by the courts of the first instance of the legal mechanism in the form of a judicial fine as a measure of a criminal nature. The use of this mechanism allows the courts to decide on the release of persons who have committed crimes of minor and moderate severity for the first time from criminal liability in the presence of certain circumstances. The scientific positions on the definition of the concept “for the first time” are considered, and the author’s definition of this concept is also proposed. The article considers and analyzes the law enforcement practice of applying a court fine when resolving issues by courts on the release of persons from criminal liability for the above-mentioned category of crimes. The correlation of a court fine as a measure of a criminal-legal nature and a fine as a type of basic punishment is analyzed.

Keywords: judicial fine, criminal law measure, criminal liability, criminal prosecution, legal proceedings, legal mechanism, compensation for damage, compensation for harm, preventive legal orientation, criminal procedural guarantees, legitimate interests, the state

For citation: Stepanov S. A., Nider S. A. Judicial fine as a legal mechanism for exemption from criminal liability. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2024;1:100–107 (In Russ.).

Закрепленное законодателем в отечественном уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве понятие «меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа» обуславливалось прежде всего тем, что большая часть лиц, которые привлекались к уголовному преследованию, совершали преступление в первый раз, в последующем становились на путь исправления, а после отбытия наказания полученная судимость оказывала негативное воздействие на отношение к ним в социуме, возникали трудности с поиском работы и другие социально направленные проблемы, что в дальнейшем и определило развитие института уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, который нашел свое отражение в ст. 76.2 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа».

После запуска законодателем такого правового механизма, как судебный штраф уголовно-правового характера, и начала применения его судами он, бесспорно, оправдал свою востребованность в практической деятельности судов. Приведенные ниже данные статистики позволяют в динамике проследить рост востребованности в правоприменительной практике меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа: в 2017 г. — в отношении 20 457 лиц, в 2018 г. — к 33 431 лицу, в 2019 г. — 33 569; в 2020 г. — 36 711, в 2021 г. — 32 239, по итогам 2022 г. прекращено уголовное преследование в отношении 35 930 лиц по ходатайствам о назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа [1].

На современном этапе в рамках уголовного преследования выявляется отсутствие целесообразности реального осуждения виновного, имея при этом определенные юридические обоснования. Уголовное законодательство не ставит своей целью лишение свободы всех лиц, совершивших преступление. Согласно действующим положениям УК РФ наказание в виде лишения свободы применяется лишь к определенным гражданам, нанеся другим людям, обществу и государству определенной степени тяжести вред [2, с. 4].

Уголовно-правовое законодательство Российской Федерации широко применяет на практике документы, утвержденные и признанные мировым сообществом. Основной целью подобных нормативных правовых актов является «восстановительное» правосудие, которое реализуется посредством назначения к лицам, совершившим преступные деяния, мер, противоположно отличающихся от лишения свободы.

Основным международным документом, определяющим альтернативные лишению свободы меры уголовного воздействия, в международном законодательном праве являются Токийские правила, утвержденные ООН в 1990 г. Согласно положениям, закрепленным в данном нормативном правовом акте, страны-участники должны ввести в правовое поле своего государства меры, предусматривающие возможность оставления лица, совершившего преступление, на свободе.

Российская Федерация также приняла Стандартные минимальные правила в отношении мер, не связанных с тюремным заключением, и внедрила их в правовую политику государства, что позволило снизить количество осужденных лиц и применять в отношении них меры, альтернативные мерам уголовных наказаний, за совершение преступлений небольшой и средней тяжести, когда отсутствует необходимость в изоляции лица от общества на период его исправления. В российском законодательстве указанная международная политика нашла свое отражение в Федеральном законе от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности»¹.

С вступлением его в законную силу Уголовный кодекс Российской Федерации, на наш взгляд, дополнен качественно новым правовым институтом — судебным штрафом, который получил свое закрепление и в ст. 76.2 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа», и в ст. 15.2 УК РФ «Судебный штраф», подразумевающий под собой денежное взыскание, применяемое по решению суда к лицу в счет освобождения от уголовной ответственности, а Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации дополнен ст. 25.1 «Прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа».

Опыт применения судебных штрафов в Российской Федерации достаточно велик, однако данный факт не уменьшил имеющееся количество вопро-

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности [Электронный ресурс]: федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

сов, возникающих у научного сообщества, изучающего данную меру уголовно-правового характера, а лишь позволил более точно сформулировать их для дальнейшего научно-дискуссионного обсуждения. В уголовных и уголовно-процессуальных нормах на современном этапе отсутствует четкая формулировка целей и задач применения судебного штрафа, а также до сих пор законодателем не определены основания назначения штрафа как меры уголовно-правового характера. Более пристальное внимание к данной проблематике было уделено Н. Ю. Скрипченко, которая отмечает, что в положениях ст. 76.2 и 104.4 УК РФ, ст. 25.1 УПК РФ нет других конкретных юридических обоснований, кроме порядка и условий применения [3, с. 19].

По нашему мнению, сущность правовой природы судебного штрафа в настоящее время полностью не раскрыта, поскольку некоторые исследователи относят судебный штраф к качественно отличной от других уголовной мере, в т. ч. наказания, но при этом отмечают ее схожую превентивную правовую направленность.

Другие же ученые, занимающиеся теоретическим и практическим рассмотрением поставленной нами проблемы, сходятся во мнении о принудительной природе судебного штрафа. Свою позицию в большей степени они обосновывают незакреплением в нормативном порядке четко обозначенных уголовно-процессуальных гарантий для лиц, впервые совершивших преступление.

Д. М. Молчанов и А. С. Куликов полагают, что «судебный штраф не может рассматриваться как одна из мер уголовного наказания за совершенное преступление в связи с тем, что имеет совершенно другие цели и механизмы реализации» [4].

Основным условием, которое определено законодателем для освобождения лица от уголовной ответственности с назначением ему судебного штрафа, является то, что преступление или несколько преступлений лицом совершены впервые, преступления по степени общественной опасности не превышают средней тяжести, при этом вред, причиненный преступлением, должен быть заглажен или возмещен.

Термин «впервые» необходимо рассматривать с позиции отсутствия судимости на момент совершения преступления. При погашении судимости либо ее снятии целесообразно говорить о юридической несудимости, поскольку после отбытия наказания оно считается исполненным в полном объеме.

На сегодняшний день в уголовно-правовой науке нет единого мнения среди ученых-правоведов относительно термина «впервые». Так, например, Х. Д. Аликперов полностью поддерживает понятие «впервые», нашедшее свое отражение в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ (далее — Пленум ВС РФ) от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности». Так, Пленум ВС РФ определяет, что впервые совершившим преступление следует считать лицо в следующих случаях:

1) совершившее одно или несколько преступлений (вне зависимости от квалификации их по одной статье, части статьи или несколькими статьями Уголовного кодекса Российской Федерации), ни за одно из которых оно ранее не было осуждено;

2) предыдущий приговор, который на момент совершения нового преступления не вступил в законную силу;

3) предыдущий приговор, который на момент совершения нового преступления вступил в законную силу, но ко времени его совершения имело место одно из обстоятельств, аннулирующих правовые последствия привлечения лица к уголовной ответственности (например, освобождение лица от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности исполнения предыдущего обвинительного приговора, снятие или погашение судимости);

4) предыдущий приговор, который вступил в законную силу, но на момент судебного разбирательства устранена преступность деяния, за которое лицо было осуждено;

5) которое ранее было освобождено от уголовной ответственности¹.

Некоторые ученые-правоведы предлагают понимать под термином «впервые» его прямое значение, т. е. согласно их позиции, лицо считается не судимым, если оно не совершало ранее никаких уголовно наказуемых деяний и, соответственно, не привлекалось к уголовной ответственности. Другие же, напротив, придерживаются позиции, согласно которой чтобы считать лицо освобожденным от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, необходимо истечение определенного УК РФ срока, после проществия которого представляется возможным его отнесе-

¹ О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 (ред. от 29.11.2016). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ние к лицам рассматриваемой категории. По нашему мнению, существующая на современном этапе трактовка уголовно-правовой категории «впервые» в целом нарушает принципы защиты прав и свобод граждан, поскольку данная трактовка рассматриваемого понятия «позволяет» преступникам совершать преступления повторно и вполне на законных основаниях уходить от уголовной ответственности. Конечно, нельзя оставить без внимания диспозицию статьи 25¹ УПК РФ, в которой сказано, что прекратить уголовное дело или уголовное преследование в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа — это право, а не обязанность суда.

Полагаем возможным привести авторскую дефиницию рассматриваемого нами понятия «впервые»: при решении судом вопроса о возможности освобождения лица от уголовной ответственности за впервые совершенные преступления небольшой или средней тяжести с учетом заглаженного и возмещенного преступлением вреда под определением «впервые» следует понимать, что лицо ранее не привлекалось к уголовной ответственности и к нему не применялось уголовное наказание за совершение деяния, предусмотренного таким же составом преступления, без учета квалифицирующих признаков и срока давности совершенного преступления.

Для применения судом меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа лицо должно обвиняться исключительно в совершении преступления небольшой или средней тяжести. Статья 15 УК РФ (ч. 2 и 3) устанавливает категории совершенных преступлений. При этом необходимо иметь в виду, что часть шестая этой же статьи предполагает возможность изменения судом категории преступления с учетом как наличия, так и отсутствия всех актуальных обстоятельств на менее тяжкое преступление, но не более чем на одну категорию.

Рассматривая возмещение ущерба или иным образом заглаживание причиненного преступлением вреда по отношению к лицам, пострадавшим от преступных действий, полагаем, необходимо проанализировать такие понятия, как «ущерб» и «заглаживание вреда».

Толковый словарь С. И. Ожегова дает следующее определение ущербу — потеря, убыток, урон. В свою очередь, понятие «ущерб» в правоприменительной практике относят к преступлениям, имеющим материальный состав. Постановление Пленума ВС РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламенти-

рующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» дает разъяснения, что следует понимать под ущербом, а именно «причинение лицу имущественного вреда, связанного с имущественными отношениями, возмещение которого предполагает натуральную, путем предоставления однотипного имущества взамен утраченного или его ремонта и восстановления, либо финансовую форму компенсации причиненного вреда».

«Заглаживание вреда — это материальная, в том числе денежная компенсация морального вреда, оказание какой-либо помощи потерпевшему, принесение ему извинений, а также принятие иных мер, направленных на восстановление нарушенных в результате преступления прав потерпевшего, законных интересов личности, общества и государства»¹.

Полагаем справедливым заметить, что в правоприменительной практике существуют двухобъектные преступления, когда преступлением затрагиваются интересы не только личности, но и общественные правовые отношения, направленные на обеспечение нормального функционирования государственной власти, т. е. управление обществом, осуществляемое государством в лице его представителей, например при совершении преступления, предусмотренного ст. 319 УК РФ «Оскорбление представителя власти». Вред возможно загладить указанными выше способами только в отношении конкретного лица, непосредственно государственного служащего. А как должен решаться вопрос о заглаживании вреда, причиненного государству в виде нарушения нормального функционирования порядка управления? На этот вопрос мы постараемся дать ответ несколько позже.

В научном сообществе существует мнение о необходимости учитывать позицию потерпевшего перед рассмотрением судом ходатайства о прекращении уголовного преследования с назначением судебного штрафа. Данная позиция, на наш взгляд, является дискуссионной и подлежит научной оценке и дальнейшему изучению. При этом необходимо понимать, оценка потерпевшим причиненного ему как ущерба, так и вреда, как правило, будет не соответствовать реально причиненному преступлением ущербу в силу скопившейся

¹ О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 (ред. от 29.11.2016). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

обиды, злобы и даже просто желания хоть как-то отомстить обидчику. Данные ситуации должны разрешаться с позиции действующего законодательства и согласно полномочиям и компетенциям представителей органов судебной власти.

Одним из основных способов правомерного воздействия на лицо, совершившее преступление при освобождении от уголовной ответственности, является добровольное возмещение им вреда, причиненного потерпевшему вследствие совершенного преступления. Поэтому мы полагаем, что одной из задач уголовного судопроизводства должно стать обеспечение возмещения причиненного преступными действиями вреда. Принципиальная деятельность органов и лиц, осуществляющих уголовное правосудие, должна быть направлена в том числе и на успешное решение этих задач [5, с. 25].

Ранее суды в обоснование постановленных ими решений о применении судебного штрафа полагали, что возмещение ущерба и заглаживание причиненного преступлением вреда целесообразно применять к преступлениям, имеющим формальный состав и совершенным не только по отношению к конкретным физическим лицам, но и к более широким социальным и правовым институтам.

Например: «Президиумом суда Забайкальского края в постановлении от 16.08.2019 № 45у-38/2019 вынесено решение об отмене апелляционного постановления Центрального районного суда г. Читы от 21.06.2019, которым было отменено действие постановления мирового судьи судебного участка № 53 Центрального районного суда г. Читы от 15.03.2019 о прекращении уголовного дела в отношении О., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа» [6].

Согласно решению Президиума Забайкальского краевого суда применение уголовной нормы, предусмотренной статьей 76 УК РФ, возможно при факте отсутствия возражения потерпевших, при этом лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, предприняло меры для заглаживания причиненного вреда, свидетельствующие о снижении общественной опасности преступления, нейтрализации его вредных последствий.

Принятие подобного решения было осуществлено с учетом реальной положительной характеристики О., отсутствия в его действиях реального вреда другим людям и обществу, а также с учетом его намерений и помощи при проведении расследования.

С недавнего времени практика применения судами меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа коренным образом изменилась. Суды в обоснование своих решений ссылаются на то, что для наступления возможности освобождения от уголовной ответственности с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа следует вернуть в первоначальное состояние нарушенные в результате совершения преступления законные интересы как личности, так и общества и государства.

Мы соглашаемся с мнением большинства представителей Фемиды, которые считают, что в таких случаях исключается возможность прекращения уголовного преследования в соответствии с положениями, предусмотренными ст. 76.2 УК и ст. 25¹ УПК, т. к. перевод непосредственно лицом, совершившим преступление, или по его просьбе иными лицами денежных средств на расчетный счет детских домов, различных государственных благотворительных фондов является явно недостаточным для освобождения от уголовной ответственности, т. к. такими действиями явно невозможно восстановить тот причиненный преступлением вред общественно-государственным отношениям, например, в части, касающейся порядка управления.

Так, Восьмым кассационным судом общей юрисдикции при рассмотрении постановления от 07.11.2021 № 77-4231/2021 было вынесено обоснованное решение о том, что при решении вопроса о прекращении уголовного дела по ст. 76.2 УК РФ суд должен определить, принял ли обвиняемый (подсудимый) меры для восстановления именно тех законных интересов общества и государства, которые были нарушены в результате совершения преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, а также определить степень достаточности данных мер при восполнении причиненного ущерба и вреда [7].

Анализ судебной практики применения судами первой инстанции меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа позволяет определить тенденцию к небольшому снижению применения рассматриваемой в контексте исследования уголовно-правовой меры.

Считаем необходимым отметить, что своевременное реформирование российского уголовного и уголовно-процессуального законодательства, в т. ч. и в области, касающейся защиты нарушенных преступлением прав потерпевших, обусловлено необходимостью своевременного законодательного реагирования на появляющиеся современные правовые вызовы.

Институт возмещения вреда является межотраслевым институтом, и поэтому он регламентируется не только нормами гражданского и гражданско-процессуального права, но и уголовным и уголовно-процессуальным законодательством, а также иными нормативными правовыми актами, которые предусматривают возможность обращения с исковыми требованиями о возмещении ущерба и вреда, причиненного преступлением, как в порядке уголовного, так и в порядке гражданского судопроизводства. Такой способ защиты нарушенных имущественных и личных неимущественных прав и законных интересов потерпевший может реализовывать как в период уголовного судопроизводства, так и после его завершения, в частности, в случаях незааявления гражданского иска в уголовном судопроизводстве или же оставления его судом без рассмотрения, хотя в настоящее время это практически невозможно в силу положений Пленума ВС РФ от 13.10.2020 № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу».

Компенсация вреда, с точки зрения Верховного Суда РФ, — это неисчерпывающий перечень действий, направленных на исправление своего преступного поведения, в т. ч. и денежное возмещение вреда, оказание помощи или содействия потерпевшему, принесение ему извинений и т. д.

Пленум ВС в постановлении № 19 дает разъяснения по порядку возмещения ущерба третьими лицами, а также о возможности применить рассматриваемую нами меру в случае совокупности преступлений и т. д. Но при всем этом в правоприменительной практике все же допускаются судебные ошибки. Наиболее распространенной ошибкой является то, что при назначении рассматриваемой нами меры уголовно-правового характера за совершенное преступление судом не были в должной мере учтены объекты преступления при заглаживании вреда [8, с. 474].

Представляется возможным в рамках нашего исследования провести анализ соотношения судебного штрафа как меры уголовно-правового характера и штрафа, назначаемого судом как основного и дополнительного вида наказания. Рассматриваемые нами правовые категории содержат четко выраженные признаки как сходства, так и различия. Признаками, указывающими на их сходство, являются следующие: они закреплены в уголовном законе, назначаются судом за совершение преступления, назначаются только лицу, признанному виновным, уплаченные виновными

лицами денежные средства поступают в государственный бюджет.

Признаками, различающими данные правовые институты, по нашему мнению, являются:

- первое — в случае назначения виновному лицу меры уголовно-правового воздействия в виде судебного штрафа не влечет за собой появление правовых последствий в виде судимости, в то время как при штрафе, назначенном судом в качестве основного вида наказания за совершенное преступление, возникают правовые последствия не только в виде уплаты определенной денежной суммы, например в доход государства, но и последующей судимости;

- второе — назначение судом судебного штрафа обосновывается в вынесенном им постановлении, определении, а штраф как вид наказания, примененный судом, разумеется, находит свое отражение в обвинительном приговоре;

- третье — штраф как основной вид наказания носит императивный характер, судебный же штраф является проявлением гуманизма;

- четвертое — в отличие от штрафа как вида наказания при вынесении судом решения о применении судебного штрафа как меры уголовно-правового характера суд в обязательном порядке учитывает мнение и согласие лица, в отношении которого он назначается, в то время как штраф применяется императивно;

- пятое — назначается определенная сумма, которая не может превышать половины максимального размера штрафа, предусмотренного санкцией статьи Особенной части УК РФ, а в случае же если санкция статьи не предусматривает наказания в виде штрафа, то он не может превышать более двухсот пятидесяти тысяч рублей, в отличие от штрафа-наказания, сумма которого установлена законодателем от пяти тысяч до пяти миллионов рублей или иного дохода осужденного за период до пяти лет.

Назначение рассматриваемой меры уголовно-правового характера ориентируется на достижение компенсации причиненного ущерба и пополнение фиксированной суммой бюджета государства после фактического заглаживания вреда. Однако второе предположение в целом можно опровергнуть, проанализировав судебную практику, которая свидетельствует об абсолютной разнице в суммах между назначенным в рамках судебного разбирательства штрафом как вида наказания и судебным штрафом как мерой уголовно-правового характера [4, с. 57].

Таким образом, нам представляется, что законодатель, вводя в действие такой правовой институт, усматривал суть применения судебного штрафа как МУПХ в создании действенного правового механизма, применяемого не только в целях освобождения лица от уголовной ответственности, впервые совершившего преступление небольшой или средней тяжести, но и в том числе для создания условий, необходимых для обеспечения возмож-

ности лицу, совершившему преступление, возместить причиненный его преступными действиями ущерб и загладить вред. Вместе с тем на практике при принятии судами решения по рассмотренным нами преступлениям нередко складываются ситуации, нуждающиеся в законодательном регулировании или актуальном разъяснении порядка применения судебного штрафа Верховным Судом Российской Федерации.

Список источников

1. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Данные судебной статистики. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 11.03.2023).
2. Жидков Э. В. Примирение сторон как средство уголовного разрешения социального конфликта в праве и процессе // Российский следователь. 2003. № 3. С. 29–31.
3. Скрипченко Н. Ю. Понятие и виды иных мер уголовно-правового характера // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2011. № 2 (14). С. 6–21.
4. Молчанов Д. М., Куликов А. С. Судебный штраф в УК РФ и уголовно-правовая компенсация в УК Республики Беларусь: сравнительный анализ // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 12 (85). С. 125-134. URL: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2017.85.12.125-134> (дата обращения: 14.12.2023).
5. Вдовцев П. В., Чарыков А. В. Судебный штраф как способ разрешения уголовно-правового конфликта: некоторые проблемы реализации // Российский следователь. 2022. № 6. С. 25–28.
6. URL: <https://www.oblsud.cht.sudrf.ru/№45у-38/2019> (дата обращения: 05.12.2022).
7. URL: <https://www.8kas.sudrf.ru/77-4231/2021> (дата обращения: 05.12.2022).
8. Гасанова С. Э. Судебный штраф // Право и правосудие в современном мире (к 100-летию Верховного Суда Российской Федерации). СПб., 2022. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=49439840> (дата обращения: 24.04.2023).

References

1. Sudebnyj departament pri Verhovnom Sude Rossijskoj Federacii. Dannye sudebnoj statistiki. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (data obrashcheniya: 11.03.2023).
2. Zhidkov E. V. Primirenie storon kak sredstvo ugovalnogo razresheniya social'nogo konflikta v prave i processe // Rossijskij sledovatel'. 2003. № 3. S. 29–31)
3. Skripchenko N. Yu. Ponyatie i vidy inyh mer ugovolno-pravovogo haraktera // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2011. № 2 (14). S. 6–21.
4. Molchanov D. M., Kulikov A. S. Sudebnyj shtraf v UK RF i ugovolno-pravovaya kompensaciya v UK Respubliki Belarus': sravnitel'nyj analiz // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2017. № 12 (85). S. 125-134. URL: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2017.85.12.125-134> (data obrashcheniya: 14.12.2023).
5. Vdovcev P. V., Charykov A. V. Sudebnyj shtraf kak sposob razresheniya ugovolno-pravovogo konflikta: nekotorye problemy realizacii // Rossijskij sledovatel'. 2022. № 6. S. 25–28.
6. URL: <https://www.oblsud.cht.sudrf.ru/№45у-38/2019> (data obrashcheniya: 05.12.2022).
7. URL: <https://www.8kas.sudrf.ru/77-4231/2021> (data obrashcheniya: 05.12.2022).
8. Gasanova S. E. Sudebnyj shtraf // Pravo i pravosudie v sovremennom mire (k 100-letiyu Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii). SPb., 2022. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=49439840> (data obrashcheniya: 24.04.2023).

Библиографический список

1. Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 762 УК РФ). URL: <https://www.vsrp.ru/documents/all/28088/> (дата обращения: 17.04.2023).
2. Полуэктов А. Г. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: теоретический и прикладной аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 210 с.
3. Рябинина Т. К. Реализация судебной власти на стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию: теория и правоприменение: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2021. 545 с.

4. Черненко Т. Г. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа // КиберЛенинка — научная электронная библиотека. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osvobozhdenie-ot-ugolovnoy-otvetstvennosti-s-naznacheniem-sudebnogo-shtrafa-1> (дата обращения: 03.05.2023).
5. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200696/ (дата обращения: 24.04.2023).
6. URL: <https://www.advgazeta.ru/obzory-i-analitika/vs-obobshchil-praktiku-osvobozhdeniya-ot-ugolovnoy-otvetstvennosti-s-naznacheniem-sudebnogo-shtrafa/> (дата обращения: 17.04.2023).

Информация об авторе

С. А. Степанов — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

S. A. Stepanov — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 31.09.2023; одобрена после рецензирования 16.11.2023; принята к публикации 22.02.2024.

The article was submitted 31.09.2023; approved after reviewing 16.11.2023; accepted for publication 22.02.2024.

Алтайский юридический вестник. 2024. № 1 (45). С. 108–113.

Altai Law Journal. 2024. № 1 (45). P. 108–113.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.21

АКТЫ ОФИЦИАЛЬНОГО ТОЛКОВАНИЯ ПРИЗНАКОВ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ИХ КОМПЕТЕНТНОСТНЫЕ ПРЕДЕЛЫ

Надежда Владимировна Тыдыкова

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, academnauka@rambler.ru

Аннотация. В статье анализируется роль постановлений Пленума Верховного Суда РФ в правоприменительной практике. Их статус официально не определен, но правоприменительная практика во многом формируется в рамках, транслируемых Пленумом Верховного Суда РФ позиций. Названо несколько прикладных аспектов значения исследуемых актов. Закрепление положений, восполняющих пробелы, допущенные законодателем, можно признать вынужденной мерой. Исключение подобной практики, которую нельзя признать приемлемой, возможно путем совершенствования действующего уголовного закона. Текст уголовного закона должен обеспечивать правоприменение без обращения к иным источникам для его понимания.

Ключевые слова: толкование закона, постановления Пленума Верховного Суда РФ, правоприменительное толкование, совершенствование уголовного закона.

Для цитирования: Тыдыкова Н. В. Акты официального толкования признаков составов преступлений и их компетентностные пределы // Алтайский юридический вестник. 2024. № 1 (45). С. 108–113.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

ACTS OF OFFICIAL INTERPRETATION OF ELEMENTS OF CRIMES AND THEIR COMPETENCE LIMITS

Nadezhda V. Tydykova

Altai State University, Barnaul, Russia, academnauka@rambler.ru

Abstract. The article analyzes the role of decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation in law enforcement practice. Their status has not been officially defined, but the positions of law enforcement practice are largely formed within the framework of the positions broadcast by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. Several applied aspects of the meaning of the acts under study are named. The consolidation of provisions that fill the gaps allowed by the legislator can be considered an exclusively forced measure. Eliminating such practices, which cannot be considered acceptable, is possible by improving the current criminal law. The text of the criminal law must ensure law enforcement without resorting to other sources to understand it. The meaning of the decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation in this case will be the first and second of the indicated aspects.

Keywords: interpretation of the law, decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, law enforcement interpretation, improvement of the criminal law

For citation: Tydykova N. V. Acts of official interpretation of elements of crimes and their competence limits. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2024;1:108–113 (In Russ.).

Одной из проблем создания текста уголовного закона является поиск инструментов для достижения его краткости при абсолютной ясности, обеспечивающих единство правоприменительной практики. Удачным инструментом для достижения такого баланса видятся интерпретационные акты — постановления Пленума Верховного Суда РФ. Очевидно, что текст уголовного закона не может быть объемным, но при этом его положения должны быть максимально конкретными. Такая конкретика может достигаться в актах толкования, которые также могут уточнять значение различных признаков в зависимости от обстоятельств реальной действительности и потребностей правоприменительной практики.

В литературе отмечается, что роль актов Верховного Суда РФ трудно переоценить, т. к. у правоприменителей сложился стереотип их оценки как одного из источников права, несмотря на то, что сам законодатель никак не определяет их статус [1, с. 61–62]. Это выражается в том числе в прямых ссылках на постановления Пленума Верховного Суда РФ в решениях по конкретным делам [2, с. 74]. А. И. Рарог разъяснения Верховного Суда РФ не признает ни прецедентом, ни официальным источником российского уголовного права, но отмечает, что степень их обязательности определяется высоким авторитетом Верховного Суда Российской Федерации, высокой квалификацией судей этого органа, правильностью и теоретической обоснованностью подавляющего большинства даваемых разъяснений [3, с. 6–7]. И. Я. Козаченко, наоборот, роль разъяснений Пленума Верховного Суда РФ рассматривает «не столько в русле источников Общей и Особенной частей, сколько в плане признания судебного прецедента в качестве указанного источника» [4, с. 265]. А. В. Иванчин указывает на то, что постановления Пленума Верховного Суда РФ не являются источниками права, хотя Пленум Верховного Суда РФ иногда создает по существу новую норму права, чем подменяет законодательную власть судебной, поэтому такая практика должна быть ликвидирована [5, с. 76–77]. В. П. Коняхин отмечает, что исходящие от Верховного Суда РФ официальные интерпретационные акты носят обязательный характер лишь по вопросам применения, но не толкования законодательства [6, с. 128]. Логичной и справедливой видится позиция З. И. Незнамовой, которая отмечает, что непризнание разъяснений высших судебных инстанций источниками права отражает скорее желаемое, нежели действительное поло-

жение вещей, т. к., очевидно, они носят нормативный и обязательный характер [7, с. 91].

Видимо, в связи с тем, что фактически сложившееся положение дел не позволяет отрицать обязательность разъяснений Верховного Суда РФ, отдельными авторами даже отмечается необходимость закрепления такого положения в тексте закона [8, с. 49]. Хотя это решение означало бы придание силы закона актам судебного органа, что существенно нарушало бы основы российской правовой системы.

Говоря о прикладном значении постановлений Пленума Верховного Суда РФ, в настоящее время можно выделить несколько аспектов:

1. Толкование признаков в преломлении к специфике конкретной группы преступлений или одного преступления. Признаки любого состава преступления требуют толкования для определения их значения и смыслового наполнения. Особенные сложности представляют признаки составов преступлений, посягающих на личность, т. к. они в меньшей степени, чем любая другая группа преступлений, представлены нормами с бланкетными диспозициями при широком использовании оценочных терминов. В разных составах преступлений законодатель зачастую использует одни и те же термины, не предлагая для них официальной интерпретации, а каждый правоприменитель может усматривать в них разное содержание. Более того, один и тот же термин в приложении к разным составам преступлений может получать различное наполнение не только по причинам субъективного характера, но и объективного — невозможности или нецелесообразности их одинакового толкования для разных случаев. Это ставит вопрос о правилах и пределах толкования признаков составов преступлений и механизме унификации правоприменительной практики как в условиях существующего уголовного закона, так и в перспективе его совершенствования. Текст уголовного закона любого качества всегда будет предполагать определенный уровень необходимости толкования. Так как нормы уголовного права направлены на охрану общественных отношений, то оперируют они также общественными, человеческими категориями, которые не могут быть описаны с математической точностью. Например, требуют толкования в ключе специфики соответствующих преступлений такие понятия, как особая жестокость, иные тяжкие последствия и т. п. Очевидно, что УК РФ не может обеспечить легальное толкование каждого из используемых терминов. Даже понятия, имеющие официальное определение, зачастую требуют

адаптации к специфике отдельных преступлений. Например, разъяснения о квалификации того или иного преступления при его совершении в составе группы лиц или группы лиц по предварительному сговору, при неоконченной преступной деятельности и т. п. Хотя определения группы лиц, группы лиц по предварительному сговору, приготовления к преступлению или покушения на преступление содержатся в Общей части УК РФ, в приложении к разным преступлениям они могут приобретать свои особенности.

Нужно отметить, что толкование предполагает определенную степень интерпретации содержания правовой нормы к конкретным обстоятельствам реальной действительности. Поэтому вряд ли можно признать обоснованным включение в тексты постановлений норм, дублирующих положения закона. Такой прием создает излишний объем текстов постановлений и не имеет практической ценности. Такие положения целесообразно исключить из текста действующих постановлений и избегать включения новых.

2. Практика последнего десятилетия показала изменчивость общественной жизни и технологий, что вызывает и изменение способов совершения преступлений. Это иногда порождает потребность разъяснений в связи с тем, что имеется специфика, связанная с актуальными способами совершения преступлений, соответственно, и с механизмом установления наличия или отсутствия таких признаков. Например, возросшее количество насильственных действий сексуального характера, совершаемых дистанционным способом, порождает ситуацию необходимости соответствующих разъяснений. Такие разъяснения предполагают адаптацию содержания нормы к изменившимся внешним обстоятельствам, что возможно только в том случае, когда содержание нормы позволяет соответствующую интерпретацию.

3. Необходимость восполнения пробелов, допущенных законодателем. В ряде случаев составы преступлений сформулированы таким образом, что допускают различные варианты интерпретации признаков и порождают неоднородную правоприменительную практику либо вообще не содержат необходимых признаков. Например, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» в понятии похищения человека называет признаки объективной стороны этого преступления. Хотя совершенно очевидно, что признаки объективной стороны должны найти

отражение в самой ст. 126 УК РФ, иначе она применяться не может.

В литературе отмечается, что необходимость толкования вызывает неоднозначность или оценочность терминов, использование терминов других наук без закрепления соответствующего содержания, противоречия между положениями различных норм [9, с. 125]. В таких случаях не всегда происходит изменение текста уголовного закона, а имеющийся пробел восполняется в соответствующем постановлении Пленума Верховного Суда РФ. Например, ст. 135 УК РФ называет признаки объективной стороны описываемого преступления, но не дает понятия развратных действий, без чего применение этой нормы крайне затруднительно. Его толкование (не самое удачное) содержится в п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности».

Иногда ввиду отсутствия в законе указания на соответствующее правило квалификации Пленум Верховного Суда РФ транслирует уже выработанное правоприменительной практикой. Например, п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» содержит правило о том, что в случаях, когда захват и перемещение человека были направлены не на удержание потерпевшего в другом месте, а на его убийство, содеянное квалифицируется по соответствующей части статьи 105 УК РФ и дополнительной квалификации по статье 126 УК РФ не требует.

Такое положение с позиции классических подходов к теории российского права вызывает возражения. Однако согласимся с Ю. Е. Пудовочкиным, который хоть и считает, что с точки зрения создания «идеального» уголовного закона целый ряд разъяснений Пленума Верховного Суда РФ должен иметь форму закона, но отмечает, что в силу дистанцирования Верховного Суда РФ от законотворческого процесса эти разъяснения остаются на уровне актов судебной власти и решают проблемы применения дефектных правовых норм, причем оперативно, нересурсозатратно, а зачастую и более профессионально [10, с. 61–62].

Если бы уголовный закон содержал нормы, сконструированные таким образом, что толкование осуществлялось бы только в приложении к специфике конкретных составов или особенностям актуальных вопросов, то поводов для критики постановлений Пленума Верховного Суда РФ по

этому основанию не было бы. Ведь в соответствии со ст. 126 Конституции РФ и подп. 1 п. 7 ст. 2 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» Верховный Суд РФ в целях обеспечения единообразного применения законодательства Российской Федерации дает судам разъяснения по вопросам судебной практики на основе ее изучения и обобщения.

Такой вывод подводит к идее о том, что при создании проекта закона, которым вносились бы изменения в УК РФ необходимо рассмотреть вопрос о закреплении в законе некоторых положений, которые в настоящий момент отражены в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ. Это было бы разумным шагом, особенно в свете того, что фактически эти положения уже восприняты правоприменительной практикой. Такая мера позволила бы усовершенствовать уголовный закон и правоприменительную практику. Соответственно, чтобы не было практики создания Верховным Судом РФ норм права, нужен текст уголовного закона, который для своего применения не требует дополнений. Тогда Пленуму Верховного Суда РФ останется только толковать признаки в пределах, установленных законом, исключительно для удобства правоприменения и обеспечения уверенности правоприменителя в том, что принимаемое им решение является верным и соответствует всеобщей тенденции.

Если правила законодательной техники представляют практический интерес не только для законодателя федерального уровня, но и для регионального законодателя, а теория права хоть и не системно, но наработала определенные правила, то вопрос о технике создания постановлений Пленума Верховного Суда РФ даже не обсуждается на уровне постановки вопроса. В литературе эта тема представлена в основном исследованием методов и пределов судебного толкования [см., например, 11]. Однако степень востребованности у правоприменительной практики актов толкования столь высока, что можно ставить вопрос о технике написания актов для обеспечения необходимого уровня доступности для понимания и удобства применения. Если анализировать постановления Пленума Верховного Суда РФ за разные годы, то очевидно, что техника их написания меняется. Особенностью актов последних лет является их подробность, детальность описаний, баланс между абстрактными определениями и частными примерами, учет реальных потребностей практики и позиций, ею уже сформированных. Это позволяет признать, что ка-

чество текстов постановлений Пленума Верховного Суда РФ с годами меняется в лучшую сторону. Вряд ли целесообразно к ним предъявлять требования, аналогичные тем, что предъявляются к написанию текста закона. В остальном требования могут быть более мягкими и гибкими, т. к. толкование нормы права происходит в преломлении к конкретным обстоятельствам, что часто требует описания через примеры или незакрытые перечни и не всегда может быть реализовано в кратких формулировках. Очень удачное сравнение использует П. С. Яни, говоря о том, что интерпретационную процедуру можно с некоторыми оговорками уподобить так называемому «разархивированию» информации [12, с. 55–57]. Действительно, формулируя текст уголовного закона, законодатель использует краткие, но емкие формулировки, позволяющие охватить все возможные случаи реальной действительности, которые должны охватываться нормой. Задача же субъекта толкования противоположная — с необходимой полнотой описать такие случаи, прибегая в том числе к типичным примерам. Вместе с тем изложенные положения должны быть ясными, не допускающими вариативность понимания, согласующимися с положениями самого уголовного закона.

Что касается определения круга вопросов, который требует отражения в том или ином постановлении Пленума Верховного Суда РФ, то с учетом сугубо практической направленности рассматриваемых актов это возможно сделать только путем анализа правоприменительной практики в целях выявления возникающих проблем. Как отмечает А. И. Рарог, в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ даются ценные рекомендации по применению норм УК РФ, в которых накопленный опыт предшествующих десятилетий адаптирован к новому уголовному законодательству и представляет особую важность для развития уголовно-правовой доктрины [13, с. 40].

Возникает вопрос и о статусе опубликованных решений Верховного Суда РФ. С точки зрения теории российского права, конечно же, они не являются источником права. Практика также показывает, что и после опубликования тех или иных решений в практике можно наблюдать иные варианты решений, например квалификации, чем были предложены Верховным Судом РФ. О фактическом значении позиции Верховного Суда РФ говорят слова А. И. Рарога, который, отмечая разность подходов к толкованию беспомощного состояния при убийстве и в насильственных половых преступлениях и отсутствие в постановлении Пленума Верховно-

го Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 оценки состояния опьянения или сна как беспомощного, говорит о том, что Президиум Верховного Суда РФ постоянно исключает этот квалифицирующий признак из обвинительных приговоров по конкретным делам об убийстве, ввиду чего судебная практика вынужденно (во избежание отмены судебных решений) придерживается позиции Президиума Верховного Суда РФ [14, с. 56]. Думается, что можно бесконечно долго говорить о том, что позиция Верховного Суда РФ, выраженная по конкретному делу, не имеет обязательного значения, реальное положение дел несколько иное. Также невозможно не согласиться с позицией П. С. Яни о том, что многие признаки составов преступлений конвенциональны, но их договорной характер не задумывался за-

конодателем, а ввиду необходимости применения нормы правоприменитель вырабатывает собственные, пригодные для использования определения. Такая договоренность выражается в принятии Верховным Судом РФ соответствующего решения о квалификации и информировании судей о своем решении [15, с. 258]. Более того, позиция, транслируемая Верховным Судом РФ по одному вопросу, зачастую становится источником положения, которое появляется в соответствующем постановлении Пленума Верховного Суда РФ.

Таким образом, совершенствование уголовного закона должно привести к состоянию, при котором Верховный Суд РФ не будет вынужден брать на себя несвойственные функции и создавать нормы права.

Список источников

1. Шарапов Р. Д. О роли судебного нормотворчества в практике применения уголовного закона // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке. 2017. Т. 9. № 1. С. 61–65.
2. Яни П. С. Роль практикообразующих документов Верховного Суда Российской Федерации в решении вопросов квалификации преступлений, предусмотренных главой 25 Уголовного кодекса (на примере квалификации незаконного оборота наркотических средств) // Криминалист. 2021. № 2 (35). С. 73–79.
3. Рарог А. И. Судебный прецедент — источник уголовного права? // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2012. № 4 (30). С. 3–8.
4. Козаченко И. Я., Коняхин В. П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2002. № 5 (244). С. 262–267.
5. Иванчин А. В. Концептуальные основы конструирования состава преступления: дис. ... д-ра юрид. наук. Ярославль, 2014.
6. Коняхин В. П. Теоретические основы построения общей части российского уголовного права: монография. СПб., 2002. 348 с.
7. Незнамова З. И. Судебное толкование как способ преодоления коллизий уголовно-правовых норм // Российский юридический журнал. 2012. № 5 (86). С. 86–92.
8. Лежнин Р. А. Влияние официального толкования нормативных актов на правоприменительную практику // Юристы-Правовед. 2014. № 6 (67). С. 46–50.
9. Пронина М. П. Определение понятия и содержания толкования уголовно-правовых норм // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 2 (46). С. 123–128.
10. Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М. Верховный Суд Российской Федерации и уголовно-правовое нормотворчество // Правосудие. 2019. № 2. С. 51–72.
11. Малютин Н. С. Судебное толкование нормативных правовых актов в Российской Федерации. М., 2018. 200 с.
12. Яни П. С. Толкование уголовного закона // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2012. № 4. С. 55–75.
13. Рарог А. И. Практика Верховного Суда РФ и уголовно-правовая наука // Государство и право. 2015. № 12. С. 38–46.
14. Рарог А. И. Уголовно-правовые позиции законодателя и правоприменителя // Lex Russica. 2016. № 11 (120). С. 46–60.
15. Яни П. С. Устранение пробелов уголовно-правового регулирования решениями Верховного Суда // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 1. С. 258–259.

References

1. Sharapov R. D. O roli sudebnogo normotvorchestva v praktike primeneniya ugovolnogo zakona // Aktual'nye problemy prava i gosudarstva v XXI veke. 2017. T. 9. № 1. S. 61–65.

2. Yani P. S. Rol' praktikoobrazuyushchih dokumentov Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii v reshenii voprosov kvalifikacii prestuplenij, predusmotrennyh glavoj 25 Ugolovnogo kodeksa (na primere kvalifikacii nezakonnogo oborota narkoticheskikh sredstv) // *Kriminalist*?. 2021. № 2 (35). S. 73–79.
3. Rarog A. I. Sudebnyj precedent — istochnik ugolovnogo prava? // *Vestnik Akademii General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii*. 2012. № 4 (30). S. 3–8.
4. Kozachenko I. Ya., Konyahin V. P. Teoreticheskie osnovy postroeniya Obshchej chasti rossijskogo ugolovnogo prava // *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie*. 2002. № 5 (244). S. 262–267.
5. Ivanchin A. V. Konceptual'nye osnovy konstruirovaniya sostava prestupleniya: dis. ... d-ra jurid. nauk. Yaroslavl', 2014.
6. Konyahin V. P. Teoreticheskie osnovy postroeniya obshchej chasti rossijskogo ugolovnogo prava: monografiya. SPb., 2002. 348 s.
7. Neznamova Z. I. Sudebnoe tolkovanie kak sposob preodoleniya kollizij ugolovno-pravovyh norm // *Rossijskij juridicheskij zhurnal*. 2012. № 5 (86). S. 86–92.
8. Lezhnin R. A. Vliyanie oficial'nogo tolkovaniya normativnyh aktov na pravoprimeritel'nyu praktiku // *Yurist'-Pravoved*?. 2014. № 6 (67). S. 46–50.
9. Pronina M. P. Opredelenie ponyatiya i sodержaniya tolkovaniya ugolovno-pravovyh norm // *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii*. 2018. № 2 (46). S. 123–128.
10. Pudovochkin Yu. E., Babaev M. M. Verhovnyj Sud Rossijskoj Federacii i ugolovno-pravovoe normotvorchestvo // *Pravosudie*. 2019. № 2. S. 51–72.
11. Malyutin N. S. Sudebnoe tolkovanie normativnyh pravovyh aktov v Rossijskoj Federacii. M., 2018. 200 s.
12. Yani P. S. Tolkovanie ugolovnogo zakona // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo*. 2012. № 4. S. 55–75.
13. Rarog A. I. Praktika Verhovnogo Suda RF i ugolovno-pravovaya nauka // *Gosudarstvo i pravo*. 2015. № 12. S. 38–46.
14. Rarog A. I. Ugolovno-pravovye pozicii zakonodatelya i pravoprimeritelya // *Lex Russica*. 2016. № 11 (120). S. 46–60.
15. Yani P. S. Ustranenie probelov ugolovno-pravovogo regulirovaniya resheniyami Verhovnogo Suda // *Probely v rossijskom zakonodatel'stve*. 2008. № 1. S. 258–259.

Информация об авторе

Н. В. Тыдыкова — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

N. V. Tydykova — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 28.09.2023; одобрена после рецензирования 24.10.2023; принята к публикации 22.02.2024.

The article was submitted 28.09.2023; approved after reviewing 24.10.2023; accepted for publication 22.02.2024.

Алтайский юридический вестник. 2024. № 1 (45). С. 114–120.

Altai Law Journal. 2024. № 1 (45). P. 114–120.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.13

ИСТРЕБОВАНИЕ, ИЗЪЯТИЕ, ПОЛУЧЕНИЕ ДОКУМЕНТОВ, ПРЕДМЕТОВ, ИНФОРМАЦИИ ПРИ ПРОВЕРКЕ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Лилия Владимировна Черепанова

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, cherepanovalv@mail.ru

Аннотация. В статье обобщается опыт практического решения проблем, связанных с изъятием предметов, документов и электронной информации до возбуждения уголовного дела. Обращается внимание на то, что, несмотря на вносимые в ст. 144 УПК РФ изменения, проблемы досудебного производства в этой части сохраняются. Обосновывается вывод о том, что решение проблем находится в пересмотре существующей доктрины собирания доказательств.

Ключевые слова: проверка сообщения о преступлении, изъятие, истребование, получение, выемка, собирание доказательств

Для цитирования: Черепанова Л. В. Истребование, изъятие, получение документов, предметов, информации при проверке сообщения о преступлении: проблемы и пути решения // Алтайский юридический вестник. 2024. № 1 (45). С. 114–120.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

RECLAMATION, SEIZURE, RECEIPT OF DOCUMENTS, OBJECTS, INFORMATION WHEN CHECKING A CRIME REPORT: PROBLEMS AND SOLUTIONS

Lilia V. Cherepanova

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, cherepanovalv@mail.ru

Abstract. The article summarizes the experience of practical solutions to problems related to the seizure of objects, documents and electronic information before the initiation of criminal proceedings. Attention is drawn to the fact that, despite the changes introduced in article 144 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, the problems of pre-trial proceedings in this part remain. The conclusion is substantiated that the solution to the problems lies in the revision of the existing doctrine of evidence collection.

Keywords: verification of a crime report, seizure, reclamation, receipt, seizure, collection of evidence

For citation: Cherepanova L. V. Reclamation, seizure, receipt of documents, objects, information when checking a crime report: problems and solutions. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2024;1:114–120 (In Russ.).

© Черепанова Л. В., 2024

Проблемы сегодняшнего правоприменения в досудебном уголовном производстве вызваны в первую очередь противоречием между возросшим уровнем и самым темпом роста, «квалифицированностью» совершаемых преступлений, переходом их в сферу информационных технологий и темпами развития теории доказывания, замедленным включением в правовую практику современных средств (методов) собирания информации, пригодной для процесса доказывания.

Стабильность процессуальной формы, позволяющая решать задачи уголовного судопроизводства, всегда была гарантом обеспечения прав лиц, вовлекаемых в уголовный процесс. Однако в настоящее время она в отдельных частях уже не отвечает современным реалиям технологического прогресса, влияющего на процесс доказывания в уголовном судопроизводстве. Поэтому следует констатировать, что в правоприменении возникают сложности введения в процесс доказывания определенных «информационных продуктов», как, например, называет их профессор С. Б. Россинский, т. е. предметов, документов, электронной информации, получаемых до возбуждения. Проблема требует пристального внимания в связи с тем, что при расширении возможностей получения информации, позволяющей устанавливать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, возрастает угроза надежности, гарантированности охраняемых законом прав и законных интересов участников уголовного процесса.

С момента обнаружения признаков преступления следователю (дознавателю) доступны лишь те средства познания сведений о совершенном или подготавливаемом преступлении, которые указаны в ст. 144 УПК РФ. Перечень их ограничен и, на наш взгляд, не в полной мере является «рабочим», используемым.

При проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном УПК РФ, как гласит ч. 1 ст. 144. Предметы и документы составляют часть объектов, представляющих познавательный интерес, и всё многообразие необходимой для познания информации (сведений, данных), связанной с установлением оснований для возбуждения уголовного дела, не охватывается ими. Сведения, имеющие значение для разрешения сообщения о преступлении, могут содержаться не только в предметах и документах, но и в цифровой среде.

В юриспруденции «сведения», «информация», «данные» — понятия синонимичные: это знания относительно события или других обстоятельств преступления, воспринимаемые человеком и (или) специальными устройствами как отражение свойств материи в процессе коммуникации [1]. Тем не менее в настоящее время понятия «сведения», «данные» все чаще замещаются понятием «информация», в т. ч. и при регламентации уголовно-процессуальных отношений. В действующей редакции УПК РФ чаще других использует понятие «информация», затем «сведения» и реже — «данные».

Не углубляясь в достаточно исследованные с позиций лингвистики, семантики, философии, физики, кибернетики, информатики и юриспруденции понятия «информация», «сведения», «данные», обратим внимание на то, что современной юридической практикой рассматриваемым понятиям придается не совсем одинаковое значение. Способы восприятия данных, а тем более формы их передачи (текстовые, цифровые, графические, звуковые и др.) в большей степени соотносятся с понятием «информация». В процесс предварительного расследования как предмет получения вошла электронная информация и её носители. Предметов и документов как носителей информации теперь уже недостаточно. Наряду с электронными носителями информации предметом правоотношений является и сама цифровая информация. Следователь (дознаватель) может её получить посредством копирования безотносительно самого носителя информации (ч. 3 ст. 164.1 УПК РФ). Соответственно, и на этапе проверки сообщения о преступлении, кроме предметов и документов, в уголовно-процессуальном законодательстве должна быть предусмотрена возможность субъектам познавательной деятельности получать информацию.

Отсутствие возможности получать, предоставлять компьютерную информацию исследователи, изучающие проблемы использования в уголовном процессе электронных доказательств, оценивают как препятствие в реализации права на участие в процессе доказывания, поскольку компьютерная информация не может быть отнесена ни к предмету, ни к письменному документу [2, с. 140–150].

Способы введения в процесс разрешения сообщения о преступлении предметов, документов (в т. ч., возможно, электронной информации), определенные ст. 144 УПК РФ, также являются ис-

черпывающими: получение образцов для сравнительного исследования, истребование документов, предметов, изъятие их в порядке, установленном УПК РФ, производство экспертизы, производство осмотра места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требование производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлечение к участию в этих действиях специалистов, поручение органу дознания проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Материалы оперативно-розыскной деятельности могут представляться лицам, осуществляющим проверку сообщения о преступлении, и быть полученными ими не только как ответ на поручение, но и как результат инициативной деятельности (оперативного обеспечения уголовно-процессуальной проверки сообщения о преступлении). Процедура представления включает рассмотрение вопроса о целесообразности рассекречивания передаваемых сведений, при необходимости оформление соответствующих документов и фактическую передачу их. Материалами оперативно-розыскной деятельности, в т. ч. представляемыми и в порядке ст. 144–145 УПК РФ, могут быть: сообщение о преступлении (рапорт), прилагаемые к рапорту предметы, вещества, материальные (физические) носители информации и др.¹

Кроме того, УПК РФ предусматривает получение направленных налоговыми органами в соответствии с законодательством о налогах и сборах материалов для решения вопроса о возбуждении уголовного дела по признакам преступлений, предусмотренных статьями 198–199.2 УК РФ (ч. 1.3 ст. 140); получение заключения территориального органа страховщика при поступлении из органа дознания сообщения о преступлениях, предусмотренных статьями 199.3 и 199.4 УК РФ (ч. 9 ст. 144); получение данных, подтверждающих информацию об уплате сумм недоимки и соответствующих пеней, суммы штрафа в порядке и размере, определяемых в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах и (или) законодательством Российской Федерации об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве

¹ Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 27.09.2013 № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

и профессиональных заболеваний по сообщениям о преступлениях, предусмотренных ст. 198–199.1, 199.3, 199.4 (ч. 1.2 ст. 148).

Получение предметов, документов возможно во время принятия добровольной сдачи запрещенных к свободному обороту предметов, например, при совершении преступлений, предусмотренных статьями 222, 222.1, 222.2, 223, 223.1, 228, 228.3 УК РФ; объяснения у лица, предоставляющего предметы и документы в обоснование сообщаемого; а также в случаях, когда по делу об административном правонарушении обнаруживаются признаки преступления и соответствующие материалы вместе с ранее изъятыми в рамках административного производства орудиями, предметами передаются для принятия решения в порядке ст. 145 УПК РФ.

При проверке сообщений о преступлениях, совершаемых с использованием современной техники, в сфере компьютерной информации данные могут быть получены из открытых информационных источников. В этом случае практикой признается целесообразным привлекать специалиста для производства осмотра предмета и (или) места происшествия или получать его заключение, или назначать производство экспертизы [3, с. 156–166; 4, с. 124–129]. Осмотр мобильного устройства, компьютера, ящика электронной почты, страницы в социальной сети в качестве предмета или места происшествия и производимое копирование позволяют обнаружить и изъять (получить) из информационной среды следы преступления. Законность получения сведений, охраняемых законом и содержащихся в информационной среде, при проверке сообщения о преступлении может обеспечиваться согласием на то собственника, владельца, пользователя этой информации или судебным контролем. Следовательно без обращения с поручением к органу дознания, наделенному правом осуществлять оперативно-розыскную деятельность, такой способ получения сведений не доступен, а дознаватель и вовсе его лишен².

Получение как инициативное отыскание или как принятие даваемого (направляемого, предоставляемого) добровольно и получение от предоставляющего в порядке исполнения им требований закона или в порядке исполнения им требования, поручения, запроса лица, проверяющего сообще-

² Проведение оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан, допустимо при наличии информации о признаках противоправного деяния, по которому производство предварительного следствия обязательно.

ние о преступлении (ч. 4 ст. 21 УПК РФ), т. е. как ответное действие на требование как результат истребования, по форме идентичны (один субъект правоотношений дает, другой — принимает), но по содержанию, по наполненности правовыми гарантиями, обязанностями, ответственностью, по своей сути, различны. Истребование должно гарантироваться принуждением или правовой ответственностью, исключать у лица — обладателя предметом, документом, информацией возможность выбора в их предоставлении или непредоставлении, естественно, если такие действия не сопряжены с процессуальным правом на защиту. Отношения, связанные с умышленным невыполнением законных требований следователя (дознателя), осуществляющего предварительную проверку сообщения о преступлении, объектом регулирования Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях не являются (примечание к ст. 17.7.), уголовно-процессуальным законодательством не урегулированы. Основанием применения меры процессуального принуждения денежного взыскания является неисполнение участниками уголовного судопроизводства процессуальных обязанностей, предусмотренных УПК РФ (ст. 117). Неопределенность процессуального статуса участников на первой стадии уголовного процесса «защищает» от применения, какого-либо принуждения к ним. Истребование как процессуальное действие не обеспечивается правовым регулированием. Урегулированной процедурой по получению значимой информации, обеспечиваемой процессуальным принуждением, является изъятие, производимое в ходе обыска и выемки при производстве по уголовному делу.

На примере получения информации, содержащей банковскую тайну, Конституционный Суд РФ обратил внимание на то, что «Конституция РФ допускает возможность ограничения федеральным законом прав человека и гражданина в качестве средства защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». Степень ограничения зависит от стадии уголовного процесса. Например, «различия между процедурой изъятия предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах в банках и иных кредитных организациях, в ходе выемки или обыска, проведение которых может быть сопряжено с применением мер принуждения, затрагивающих нормальное функционирование кредитной организации и интересы ее клиентов, и процедурой получения

справок по счетам и вкладам, составленных самой кредитной организацией, объективно оправданны и обоснованы». С учетом этого указанное право органов предварительного расследования получать в установленных федеральными законами случаях от кредитной организации в определенном объеме сведения, составляющие банковскую тайну, не может расцениваться как нарушающее право на охрану таких сведений и право на судебную защиту (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2017 г. № 1336-О, № 1337-О и № 1338-О, от 25 апреля 2019 г. № 985-О)¹.

Право получать предоставляемые субъекту проверки сообщения о преступлении предметы, документы, электронную информацию и её носители лицами, обладающими этим, естественно. Проблема заключается в отсутствии законодательно установленной процедуры, позволяющей легитимно ввести эти объекты в уголовный процесс до возбуждения уголовного дела, при отсутствии возможности использовать выемку и обыск до возбуждения уголовного дела. Единственным следственным действием, позволявшим изымать (получать) предметы, документы в порядке, установленном УПК РФ, остается осмотр места происшествия. Однако относительно подмены осмотром места происшествия следственных действий, специально предназначенных для изъятия предметов и документов, Конституционный Суд Российской Федерации высказался однозначно как о действиях, противоречащих УПК РФ².

Органы дознания в рамках проверки сообщения о преступлении чаще используют возможности не уголовно-процессуальной формы — производят изъятие предметов (документов), руководствуясь нормами федеральных законов «О полиции», «Об оперативно-розыскной деятельности». Однако изъятие данного вида явно не соответствует требованиям об изъятии в порядке, предусмотренном УПК

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кополева Сергея Васильевича на нарушение его конституционных прав статьями 21, 165, 182 и 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, статьями 4 и 7 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации» [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда РФ от 30.01.2020 № 210-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Брамма Виталия Викторовича и Навального Алексея Анатольевича на нарушение их конституционных прав пунктом 43 статьи 5, статьями 144 и 176 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда РФ от 05.03.2014 № 518-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

РФ. Конституционный Суд Российской Федерации однозначно определил недопустимость замены уголовно-процессуальной формы результатами оперативно-розыскной деятельности. Оперативно-розыскные мероприятия и процессуальные действия совершаются в различных правовых режимах и имеют самостоятельные правовые основы¹.

Если на этом этапе допустить изъятие, получение, истребование в порядке ст. 144 УПК РФ без принуждения, с обеспечением процессуальных гарантий (ч. 1.1. ст. 144 УПК РФ), применяя протоколы (акты) изъятия, протоколы (акты) получения, истребования, т. е. «свободную форму», за что выступают многие ученые, в т. ч. профессор В. С. Семенцов, профессор А. А. Давлетов, А. Е. Вытовтов и др., то полученные таким образом предметы, документы для включения их в процесс доказывания должны в соответствии с существующей теорией собирания доказательств, развивающейся в пределах теории, разработанной профессором С. А. Шейфером, быть облечены в процессуальную форму в последующем. «Предметы и документы в данном случае, — по выражению С. А. Яковлевой, — требуют дополнительной, в отличие от получаемых в рамках следственных действий, уголовно-процессуальной охраны». К числу правовых средств такой охраны «предлагается, например, незамедлительно выносить постановление о приобщении к материалу проверки сообщения предметов и документов, как могущих иметь доказательственное значение, так и имеющих доказательственное значение» [5, с. 33–38].

Для того чтобы «легализовать» изъятые, истребованные документы и предметы после возбуждения уголовного дела, в настоящее время, как правило, производится их выемка у лиц, изъявших их ранее как бы процессуальным способом [6, с. 26–28]. Однако если изъятие в ходе проверки сообщения о преступлении производилось тем же лицом, которое возбудило уголовное дело и приступило к его расследованию, то следователь (дознатель) ограничивается признанием таких предметов, документов вещественными доказательствами, осмотрев их. «В отношении предметов и документов, изъятых в ходе проверки сообщения о преступлении, вопрос о признании их вещественными доказа-

¹ По жалобе гражданина Чукова Анзаура Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями пунктов 1 и 3 части первой статьи 6 и подпункта 1 пункта 2 части первой статьи 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда РФ от 9 июня 2005 г. № 327-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

зательствами и приобщении к материалам уголовного дела должен быть решен с момента возбуждения уголовного дела», — гласит, например, приказ Федеральной таможенной службы².

Исходя из того что ст. 144 УПК РФ не дает правовых оснований для изъятия предметов и документов в рамках производства выемки (ст. 183), при решении вопроса о получении сведений, составляющих, например, нотариальную тайну, посредством процессуальных действий, производство которых возможно до возбуждения уголовного дела (истребование, изъятие), Следственный комитет Российской Федерации ориентирует при проверке сообщений о преступлениях на истребование документов, содержащих нотариальную тайну, их осмотр и изъятие (в ходе осмотра) на основании судебного разрешения, а также на правомерность осмотра и изъятия при проверке сообщения о преступлении представленных гражданами документов, содержащих сведения о совершенных с их участием нотариальных действиях, добровольно, т. к. в этом случае нарушения права граждан не происходит³. Обращается внимание на необходимость различать добровольность при передаче предметов и документов в ответ на истребование и добровольность выдачи как характеристику посткриминального поведения лица, влекущую за собой уголовно-правовые последствия. Во втором случае предлагается выполнять процессуальное действие «"добровольная выдача" с участием понятых, осмотром выданных вещей и их надлежащей упаковкой» [7, с. 110–113].

Когда лица добровольно желают представить информацию (предметы, документы), обладающую значением для проверки сообщения о преступлении или являющуюся поводом для проверки, для обеспечения прав этих лиц, в т. ч. на доступ к правосудию, как замечает К. Б. Калиновский, допустима любая процессуальная форма из резерва стадии возбуждения уголовного дела. «Подобное принятие можно оформить и протоколом устного заявления ходатайства, и постановлением о его

² Об утверждении Инструкции о порядке изъятия, хранения, учета, передачи и уничтожения предметов и документов по уголовным делам и материалам проверок сообщений о преступлениях в таможенных органах Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ ФТС России от 30.12.2015 № 2692. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О порядке получения сведений о совершенных нотариальных действиях в ходе проверки сообщения о преступлении [Электронный ресурс]: информационное письмо СК России от 30.12.2014 № 211-51098-14. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

разрешении, и путем составления протокола осмотра с пояснениями лица, и протоколом объяснения, и актом добровольной выдачи» [8, с. 50].

Особые гарантии для возможности признания доказательством полученных третьими лицами вне пределов уголовного процесса (до его начала) сведений требуются для компьютерной информации, которая была скопирована, например, в глобальной электронной сети и представлена в правоохранительные органы после её удаления из места размещения. В качестве такой гарантии предложено использование нотариального удостоверения информации [2, с. 140–150]. Однако мы понимаем, что УПК РФ ограничивается сферой регулирования уголовно-процессуальных отношений и не может содержать подобных требований к непроцессуальным отношениям.

В качестве другого способа решения задачи введения в уголовный процесс предметов, документов, обладающих свойствами доказательств, без необходимости производства излишних процессуальных действий по приданию им свойства допустимости является расширение возможностей стадии возбуждения уголовного дела, введение в средства проверки сообщения о преступлении добровольной выемки. Учитывая, что изъятие (получение, предоставление) производится на добровольной основе и не нуждается в механизме принуждения, авторы этой инициативы предлагают не оформлять принятое решение постановлением, а ограничиться составлением протокола выемки [7, с. 113], что явно ведет к расширению средств и, соответственно, самой стадии возбуждения уголовного дела.

Поиск решения рассматриваемой проблемы, как мы видим в данном случае, находится в поле классической парадигмы процесса доказывания. В традиционном понимании процесс собирания доказательств предполагает введение в уголовный процесс сведений, пригодных для использования в процессе доказывания, строго в определенной законом форме, сочетающей одновременно познавательные и удостоверительные компоненты. Собираение доказательств в данном случае равнозначно их формированию.

Вместе с тем на первоначальной стадии уголовного процесса, когда получить информацию необходимо в кратчайшие сроки, когда перечень источников информации, способов получения сведений не однозначен — имеет различную правовую природу, универсальный метод формирования доказательств становится недостаточен, что признается современными учеными. Например, В. А. Камишин определил как «свободное доказательство» полученные вне процессуальной формы иные документы [9, с. 6]. Профессор М. П. Поляков результаты непроцессуальной деятельности предлагает определять как автономные, самостоятельные средства доказывания [10]. Профессор В. А. Лазарева обосновывает собирание и предоставление доказательственной информации лицами, вовлекаемыми в уголовно-процессуальные отношения и не наделенными властными полномочиями, расширением диспозитивных возможностей этих лиц [11, с. 78–87]. Профессор С. Б. Россинский, обращая внимание на «невозможность использования механизмов формирования доказательств в отношении представляемых, истребимых либо изымаемых предметов и документов, подлежащих введению в уголовный процесс как готовых информационных продуктов», предлагает «вводить их в уголовный процесс путём приобщения к уголовному делу, признавая возможность их дальнейшего использования в качестве средств доказывания» и называть их «паратусными» доказательствами, формируемыми до или вне уголовного процесса [12, с. 40–48].

В завершение можно сформулировать вывод о том, что существующие практические проблемы установления оснований для возбуждения уголовного дела и введения в процесс доказывания сведений, полученных при проверке сообщения о преступлении вне следственных действий, могут решаться в плоскости господствующей в настоящее время теории формирования доказательств — через внесение в УПК РФ поправок или с учетом перехода от кибернетической концепции к информационной в плоскости смены теоретической парадигмы собирания доказательств.

Список источников

1. Лингвистическая экспертиза. URL: <https://sud-expertiza.org/slovar/lingvisticheskaya>.
2. Литвинова И. В. Проблемы допустимости электронных доказательств, полученных при производстве иных процессуальных действий // Российский юридический журнал. 2023. № 1. С. 140–150.
3. Жижина М. В., Завьялова Д. В. Возбуждение уголовного дела по факту преступления в сфере компьютерной информации: российский и зарубежный опыт // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 12. С. 156–166.

4. Черепанова Л. В. О процессуальных проблемах осмотра, копирования электронного сообщения до возбуждения уголовного дела // Алтайский юридический вестник. 2017. № 3 (19). С. 124–129.
5. Яковлева С. А. Уголовно-процессуальный механизм сохранения предметов и документов, могущих иметь или имеющих доказательственное значение // Российский следователь. 2023. № 4. С. 33–38.
6. Спиридонова Ю. Н. Актуальные вопросы досудебного производства в уголовном процессе России // Российский следователь. 2019. № 1. С. 26–28.
7. Азаренок Н. В. Особенности процессуального оформления добровольной выдачи предметов (документов) в стадии возбуждения уголовного дела // Уголовное право. 2018. № 3. С. 110–113.
8. Калиновский К. Б. Выемка до возбуждения дела нарушает конституционный принцип соразмерности ограничения прав граждан // Уголовный процесс. 2016. № 3. С. 48–50.
9. Камышин В. А. Иные документы как «свободное» доказательство в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск: Удмуртский госуниверситет, 1998. 22 с.
10. Поляков М. П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности. Нижний Новгород: Нижегородская правовая академия, 2001. 260 с.
11. Лазарева В. А. Собираение или формирование? Продолжаем дискуссию // Судебная власть и уголовный процесс. 2021. № 1. С. 78–87.
12. Россинский С. Б. Паратусные доказательства в уголовном судопроизводстве // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9. № 3. С. 40–48.

References

1. Lingvisticheskaya ekspertiza. URL: <https://sud-expertiza.org/slovar/lingvisticheskaya>.
2. Litvinova I. V. Problemy dopustimosti elektronnyh dokazatel'stv, poluchennyh pri proizvodstve inyh processual'nyh dejstvij // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. 2023. № 1. S. 140–150.
3. Zhizhina M. V., Zav'yalova D. V. Vozbuzhdenie ugovalnogo dela po faktu prestupleniya v sfere komp'yuternoj informacii: rossijskij i zarubezhnyj opyt // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2021. № 12. S. 156–166.
4. Cherepanova L. V. O processual'nyh problemah osmotra, kopirovaniya elektronnoho soobshcheniya do vobuzhdeniya ugovalnogo dela // Altajskij yuridicheskij vestnik. 2017. № 3 (19). S. 124–129.
5. Yakovleva S. A. Ugolovno-processual'nyj mekhanizm sohraneniya predmetov i dokumentov, mogushchih imet' ili imeyushchih dokazatel'stvennoe znachenie // Rossijskij sledovatel'. 2023. № 4. S. 33–38.
6. Spiridonova Yu. N. Aktual'nye voprosy dosudebnogo proizvodstva v ugovalnom processe Rossii // Rossijskij sledovatel'. 2019. № 1. S. 26–28.
7. Azarenok N. V. Osobennosti processual'nogo oformleniya dobrovol'noj vydachi predmetov (dokumentov) v stadii vobuzhdeniya ugovalnogo dela // Ugolovnoe pravo. 2018. № 3. S. 110–113.
8. Kalinovskij K. B. Vyemka do vobuzhdeniya dela narushaet konstitucionnyj princip sorazmernosti ogranicheniya prav grazhdan // Ugolovnyj process. 2016. № 3. S. 48–50.
9. Kamishin V. A. Inye dokumenty kak «svobodnoe» dokazatel'stvo v ugovalnom processe: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Izhevsk: Udmurtskij gosuniversitet, 1998. 22 s.
10. Polyakov M. P. Ugolovno-processual'naya interpretaciya rezul'tatov operativno-rozysknoj deyatelnosti. Nizhnij Novgorod: Nizhegorodskaya pravovaya akademiya, 2001. 260 s.
11. Lazareva V. A. Sobiranie ili formirovanie? Prodolzhaem diskussiyu // Sudebnaya vlast' i ugolovnyj process. 2021. № 1. S. 78–87.
12. Rossinskij S. B. Paratusnye dokazatel'stva v ugovalnom sudoproizvodstve // Yuridicheskij vestnik Samarskogo universiteta. 2023. T. 9. № 3. S. 40–48.

Информация об авторе

Л. В. Черепанова — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

L. V. Cherepanova — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 02.12.2023; одобрена после рецензирования 23.01.2024; принята к публикации 22.02.2024.

The article was submitted 02.12.2023; approved after reviewing 23.01.2024; accepted for publication 22.02.2024.

Алтайский юридический вестник. 2024. № 1 (45). С. 121–126.
Altai Law Journal. 2024. № 1 (45). P. 121–126.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 343.451

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ НАРУШЕНИЯ ТАЙНЫ ПЕРЕПИСКИ, ТЕЛЕФОННЫХ ПЕРЕГОВОРОВ, ПОЧТОВЫХ, ТЕЛЕГРАФНЫХ ИЛИ ИНЫХ СООБЩЕНИЙ: АНАЛИЗ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Ольга Михайловна Шаганова

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, olga.shaganova@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности квалификации нарушения тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений по признакам объективной стороны, которые выявлены автором на основе обобщения следственно-судебной практики. В диспозиции ст. 138 УК РФ представлен широкий перечень видов тайн, на которые осуществляются посягательства, однако фактически распространены примеры привлечения к уголовной ответственности лишь за тайну переписки, телефонных переговоров или тайну иных сообщений.

Предлагаются правила квалификации неоднократного совершения преступления исследуемой категории в отношении одного либо двух и более потерпевших, а также при наличии совокупности с другими преступлениями.

Ключевые слова: квалификация преступлений, преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина, нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений

Для цитирования: Шаганова О. М. Особенности квалификации нарушения тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений: анализ правоприменительной практики // Алтайский юридический вестник. 2024. № 1 (45). С. 121–126.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

FEATURES OF QUALIFICATION OF VIOLATION OF THE SECRET OF CORRESPONDENCE, TELEPHONE CONVERSATIONS, POSTAL, TELEGRAPH OR OTHER MESSAGES: ANALYSIS OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE

Olga M. Shaganova

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, olga.shaganova@yandex.ru

Abstract. The article discusses the features of qualifying violations of the secrecy of correspondence, telephone conversations, postal, telegraph or other messages based on the signs of the objective side, which were identified by the author on the basis of a generalization of investigative and judicial practice. In the disposition of art. 138 of the Criminal Code of the Russian Federation presents a wide list of types of secrets that are infringed upon, however, in fact, examples of bringing to criminal liability only for the secrecy of correspondence, the secrecy of telephone conversations or the secrecy of other messages.

Rules are proposed for qualifying the repeated commission of a crime, the category under study, in relation to one or two or more victims, as well as in the presence of a combination with other crimes.

Keywords: qualification of crimes, crimes against the constitutional rights and freedoms of man and citizen, violation of the confidentiality of correspondence, telephone conversations, postal, telegraph or other messages

For citation: Shaganova O. M. Features of qualification of violation of the secret of correspondence, telephone conversations, postal, telegraph or other messages: analysis of law enforcement practice. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2024;1:121–126 (In Russ.).

© Шаганова О. М., 2024

Статья 138 УК РФ предусматривает ответственность за нарушение различных видов тайн: тайну переписки, тайну телефонных переговоров, тайну почтовых сообщений, тайну телеграфных сообщений, а также тайну иных сообщений, являющихся вмешательством в сферу индивидуальной автономии личности, без соблюдения установленных федеральным законодательством требований [1, с. 85-86]. При этом само по себе нарушение любой перечисленной тайны происходит путем доступа к информации без согласия лица, чью тайну она составляет, либо при отсутствии законных оснований для ограничения соответствующего права, предоставленного ч. 2 ст. 23 Конституции РФ.

Отметим, что согласно положениям п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (ст. 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)»¹ нарушение тайны переписки, почтовых, телеграфных или иных сообщений характеризуется исключительно доступом к содержанию конкретного(-ых) сообщения(-ний) и не включает информацию о самом факте наличия сообщения(-ний). Таким образом, если лицо только лишь обнаружило, что потерпевший ведет переписку с другим человеком, но не ознакомилось с содержанием ни одного сообщения, то ответственности по ст. 138 УК РФ оно не подлежит.

При этом возникает вопрос, что относить к предмету нарушения тайны переписки, а что к предмету нарушения тайны иных сообщений? Необходимо ли их разграничивать по виду информации (например, письменные сообщения традиционного формата на бумажном носителе относить к предмету нарушения тайны переписки, а сообщения, передаваемые по сетям электронной связи, — к нарушению тайны иных сообщений) либо по характеру совершаемых действий?

Думается, что если виновный получает неправомерный доступ к содержанию сообщений, передаваемых в любом виде (письменном, по сетям электронной связи) от потерпевшего к другому лицу (либо от другого лица к потерпевшему)

¹ О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (ст. 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации) [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 46. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

в одностороннем порядке, то необходимо вменять нарушение тайны иных сообщений. Если виновный знакомится с содержанием переписки, т. е. общением посредством обмена сообщений между двумя и более людьми в любом виде, то следует признавать это нарушением тайны переписки.

Суды в своих решениях следуют этой же логике. Например, В., являясь специалистом офиса продаж сотовой связи, имея доступ к определенному программному обеспечению, без заявления потерпевшей из личной неприязни к ней произвела замену (перевыпуск) сим-карты абонентского номера последней, тем самым получила незаконный доступ в том числе к личной странице потерпевшей в социальной сети «ВКонтакте», ознакомилась с содержанием переписки потерпевшей с другими пользователями и направила несколько сообщений от ее имени им. Суд квалифицировал действия В. по ст. 138 УК РФ как нарушение тайны переписки и иных сообщений и по ст. 272 УК РФ как неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, если это деяние повлекло блокирование и модификацию компьютерной информации².

Исследование правоприменительной практики по ст. 138 УК РФ показало, что в подавляющем большинстве случаев происходит нарушение тайны переписки (сопряженное с нарушением тайны иных сообщений либо без него) либо тайны телефонных переговоров. Реже встречается одновременное нарушение таковых видов тайн.

Наибольший интерес с точки зрения исследования, на наш взгляд, представляют случаи, когда лицо привлекается к ответственности, не совершая каких-либо специальных активных действий по нарушению тайны переписки и (или) тайны иных сообщений, поскольку оно умышленно «пользуется» забывчивостью потерпевшего. Такая ситуация возможна, в частности, когда потерпевший по окончании использования находящегося в совместном доступе нескольких лиц (рабочего или домашнего) компьютера не вышел из своего аккаунта, предоставив доступ к личному кабинету, электронной почте и т. п., и у другого пользователя, заметившего это, возникает умысел (без согласия владельца, не имея на то его разрешения) на ознакомление с их содержанием. Так, К., обнаружив в находившемся ранее совместном с потерпевшей пользовании нетбуке незакрытый ее аккаунт и электронный

² Приговор Октябрьского районного суда г. Архангельска Архангельской области от 13 февраля 2017 г. по делу № 1-22/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/xSyYIgS0Ag6C/> (дата обращения: 16.09.2023).

ящик, ознакомился с содержанием электронной переписки последней с другими пользователями и информацией в электронной почте¹.

Затруднительными в юридической оценке для правоприменителей являются эпизоды, когда лица ранее проживали совместно и пользовались общим компьютерным устройством, принадлежащим на праве собственности, как правило, одному из них, где каждый сохранял в браузере ссылки на нужные ему веб-страницы (закладки), а затем они стали проживать отдельно (развелись/разошлись). По нашему мнению, в случаях, если виновный ранее имел разрешение от лица, совместно проживающего с ним (супруга, сожителя и т. п.), на доступ к электронным сервисам в совместно используемом компьютерном устройстве (аккаунту, электронной почте и т. п.) и мог знакомиться с информацией в них без ограничения, после развода (расставания) подобное право автоматически утрачивается, и даже при случайном обнаружении незакрытой страницы (вкладки) и последующем доступе к ее содержанию может быть привлечен к ответственности по ст. 138 УК РФ (если не было получено согласие обладателя данных электронных сервисов на ознакомление с ними в подобных условиях). Конечно же, вопрос об уголовной ответственности лица должен возникать только тогда, когда виновный получает доступ указанным способом не к информации, находящейся в свободном доступе, а к той, которую потерпевший считает необходимым ограничивать от других лиц. Например, Л. на почве ревности к бывшей сожительнице Б., желая ознакомиться с содержанием ее электронной почты, к которой он получил неограниченный доступ, систематически осуществлял неправомерный доступ к электронному почтовому ящику Б., не имея разрешения, и ознакомился с содержанием входящих сообщений. По данному факту суд признал Л. виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 138 УК РФ².

Поскольку потерпевшим от нарушения тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений может быть только конкретный человек, следовательно, те же действия в отношении юридического лица подлежат ответственности по другим нормам уголовного закона. Так, ФИО2 была привлечена к ответ-

ственности по ч. 1 ст. 272 УК РФ за неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, повлекший копирование компьютерной информации. Преступление было совершено при следующих обстоятельствах. ФИО2 была принята на работу в ООО. Ей как сотруднику был предоставлен логин и пароль от электронного почтового ящика, созданного для деятельности ООО. Затем она была уволена из ООО и, соответственно, не должна была больше пользоваться корпоративной электронной почтой. Однако через определенное время у нее возник умысел на ознакомление с сообщениями, присылаемыми на данную почту. В результате ФИО2 создала новую электронную почту со схожим с электронной почтой ООО названием и, установив в настройках электронной почты ООО без ведома и согласия директора и учредителя ООО фильтр сообщений для автоматического копирования писем на новую электронную почту, стала знакомиться с содержанием входящих сообщений³. В случае если в переписке с юридическим лицом участвует физическое лицо и нарушается его тайна переписки, то необходимо применять ст. 138 УК РФ [2, с. 25].

Кроме того, на практике массовое распространение получило еще одно деяние, образующее объективную сторону состава преступления, предусмотренного ст. 138 УК РФ, — нарушение тайны телефонных переговоров, которое может выражаться двумя разными способами.

К первому способу относится незаконный доступ к информации о входящих и об исходящих сигналах соединения между абонентами или абонентскими устройствами пользователей связи, который на основании положений, содержащихся в п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 46, является оконченным с момента ознакомления с данной информацией. Исходя из этого, если после получения информации ее еще и копируют, то это последствие не охватывается составом ст. 138 УК РФ и требует дополнительной квалификации. Например, К., являясь специалистом офиса продаж сотовой связи, из корыстных побуждений составил заведомо подложное заявление на получение электронного документа, содержащего сведения о входящих и исходящих соединениях абонента В., и отправил запрос в базу. Далее он получил необходимую информацию, скопировал ее путем фотографирования на свой мобильный телефон и отправил ее заинтересован-

¹ Приговор Бугурусланского районного суда Оренбургской области от 18 июля 2019 г. по делу № 1-49/2019. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 16.09.2023).

² Приговор Вологодского городского суда Вологодской области от 9 апреля 2014 г. по делу № 1-294/2014. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 02.10.2023).

³ Приговор Индустриального района г. Ижевска Удмуртской Республики от 24 ноября 2015 г. по делу № 1-510/2015. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 15.10.2023).

ному лицу. По данному факту суд признал К. виновным по ч. 2 ст. 138 и ч. 2 ст. 272 УК РФ¹.

Однако в правоприменительной практике встречаются и иные варианты квалификации подобных действий. В частности, когда виновному вменяют только ст. 138 УК РФ или когда действия подлежат оценке по ст. 138 в совокупности со ст. 272 и 183 УК РФ. Полагаем, что в подобных случаях лицо руководствуется стремлением к наживе путем предоставления «заказчику» информации, полученной с нарушением законодательства, осознавая, что ему для этого необходимо не только сделать запрос в соответствующие базы данных, но и скопировать ее для последующей передачи, и отсутствием желания ограничить тем самым конкуренцию организации. Поэтому в такой ситуации ответственность должна наступать по совокупности ст. 138 и 272 УК РФ.

Вторым способом нарушения тайны телефонных переговоров выступает незаконный доступ к содержанию переговоров, т. е. прослушивание телефонных переговоров, которое, по мнению Верховного Суда РФ, включает их копирование либо записывание с помощью различных технических устройств.

Думается, что такой разный объем преступных форм одного и того же деяния, когда в одном случае копирование является частью объективной стороны, в другом нет, не способствует единообразию толкования и применения судами законодательства об ответственности за нарушение тайны телефонных переговоров.

В научной литературе отмечается, что возможна квалификация по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 138 УК РФ, когда лицу по какой-либо причине не удалось прослушать чужие телефонные переговоры [3, с. 27].

В некоторых прецедентах совершения виновным незаконного доступа к информации о входящих и об исходящих сигналах соединения между потерпевшим и иными лицами суды в формулировке обвинения, помимо нарушения тайны телефонных переговоров, допускают излишнее, на наш взгляд, вменение дополнительных альтернативных действий, изложенных в диспозиции ст. 138 УК РФ, например нарушение тайны переписки или нарушение тайны иных сообщений. Так, М., будучи продавцом-консультантом отдела розничных продаж, имеющим право на осуществление сервисных и информационно-справочных операций по об-

служиванию абонентов, умышленно за денежное вознаграждение по заказу неустановленного лица под своей учетной записью в специальной технологической системе без заявления потерпевшего осуществил детализацию телефонных переговоров по его абонентскому номеру. Далее полученную информацию М. сохранил на своем рабочем компьютере и отправил неустановленному лицу через мессенджер. Действия М. квалифицированы органами предварительного расследования по ч. 2 ст. 138 УК РФ как нарушение тайны переписки, телефонных переговоров и иных сообщений граждан, совершенное с использованием своего служебного положения². По нашему мнению, подобная квалификация является необъективной, нарушающей к тому же принцип вины.

Представляет интерес и вопрос об ответственности лица, которое не имеет доступа к информации о входящих и об исходящих сигналах соединения абонентов и обращается для незаконного получения такой информации к другому лицу. Так, если виновный вводит в заблуждение другое лицо и сам не осуществляет нарушение тайны телефонных переговоров, а выступает лишь посредником в передаче данных, он должен быть признан исполнителем преступления, предусмотренного ст. 138 УК РФ, если это другое лицо не осознавало преступный характер своего деяния. К примеру, к Л., которая является старшим специалистом группы реактивного сохранения ПАО «...», обратилась знакомая с просьбой предоставить детализацию телефонных соединений потерпевшего. Л., понимая, что не имеет самостоятельного доступа к такой информации, обратилась к своей сестре, которая в силу занимаемой должности в этой организации имела доступ к служебной базе абонентов, введя её в заблуждение относительно законности своих действий, с просьбой предоставить ей информацию по вышеуказанной детализации. Сестра выполнила просьбу, осуществила детализацию телефонных сообщений потерпевшего, сфотографировала ее на телефон и отправила посредством мессенджера Л., которая в свою очередь переслала ее своей знакомой. Суд признал Л. исполнителем нарушения тайны телефонных переговоров, совершенного лицом с использованием своего служебного положения³.

² Постановление Орджоникидзевского районного суда г. Екатеринбурга от 7 июля 2020 г. по делу № 1-394/2020. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 05.10.2023).

³ Приговор Октябрьского районного суда г. Саратова от 13 декабря 2019 г. по делу № 1-227/2019. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 05.10.2023).

¹ Приговор Свердловского районного суда г. Красноярск Красноярского края от 22 января 2020 г. по делу № 1-109/2020. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 22.09.2023).

В том случае, если лицо, не имея возможности доступа к информации о входящих и об исходящих сигналах соединения абонентов, склоняет другое лицо, имеющее право получить такую информацию, к умышленному нарушению тайны телефонных переговоров, его необходимо признавать подстрекателем преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 138 УК РФ. Так были квалифицированы действия С., который из корыстных побуждений, зная, что его знакомый занимает должность, позволяющую ему осуществить детализацию телефонных соединений потерпевшего, обратился к последнему с целью склонения путем просьб и уговоров за денежное вознаграждение к совершению нарушения тайны телефонных переговоров и получил таким образом необходимую информацию. Суд согласился с квалификацией действий С. по ч. 4 ст. 33 и ч. 2 ст. 138 УК РФ и прекратил уголовное преследование на основании ст. 76.2 УК РФ¹.

Отметим, что когда виновный, получив неправомерный доступ к личной странице другого лица в социальной сети, просматривает ее либо осуществляет переписку от его имени с другими пользователями, либо размещает там какую-либо информацию, а затем меняет пароль для входа на страницу, ему необходимо вменять ст. 138 и 272 УК РФ. Если в дополнение к названным действиям на личной странице размещаются сведения о частной жизни потерпевшего, составляющие его личную или семейную тайну, без его согласия, то требуется совокупность трех составов преступлений, предусмотренных ст. 138, 272, 137 УК РФ. Например, Ш. с помощью специальной программы, установленной на телефон жены без ее ведома, ознакомился с телефонными переговорами и иными сообщениями потерпевшей. Кроме того, в один из дней жена ушла от Ш., оставив ему в пользование ноутбук и планшет с архивом личных фотографий. В последующем Ш. из личной неприязни к жене, неправомерно завладев

паролем от ее личной страницы в социальной сети, зашел в нее, неоднократно ознакомился с перепиской потерпевшей с другими пользователями, сам направлял сообщения другим пользователям от ее имени, а затем изменил пароль от ее страницы, заблокировав тем самым ей доступ. Далее без согласия жены выложил на личной странице в социальной сети ее 9 фотографий интимного характера, взятых из архива ноутбука, которые представляют сведения о частной жизни потерпевшей, составляющие её личную тайну. Суд признал Ш. виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 137, ч. 1 ст. 138, ч. 1 ст. 272 УК РФ².

Следует учитывать, что при совершении любого деяния, нарушающего тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений в отношении одного и того же потерпевшего не менее двух раз с единым умыслом содеянное следует признавать продолжаемым преступлением.

В том случае, если виновное лицо выполнит указанные деяния в отношении нескольких лиц в разное время и в отношении каждого потерпевшего у него возникает самостоятельный умысел, то данное следует оценивать по совокупности преступлений, предусмотренных одной и той же ст. 138 УК РФ.

Таким образом, поскольку исследуемый состав содержит несколько альтернативных деяний, каждое из которых имеет свои особенности, правоприменители при квалификации преступления, совершенного виновным, должны устанавливать следующие признаки: характеристики предмета преступления, на который осуществляется посягательство; обстоятельства, свидетельствующие о незаконности доступа к информации; способ нарушения того или иного вида тайн, описанный в соответствующем постановлении Пленума Верховного Суда РФ; а также умысел лица.

Список источников

1. Климанов А. М. Некоторые вопросы квалификации при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 138 УК РФ // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2015. № 10 (65). С. 84–87.
2. Диваева И. Р., Нуркаева Т. Н. К вопросу об уголовно-правовой охране права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. 2018. № 3. С. 19–27.
3. Новиков В. А. Уголовная ответственность за нарушение права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений // Законность. 2011. № 5 (919).

¹ Постановление Вахитовского районного суда г. Казани от 3 февраля 2020 г. по делу № 1-136/2020. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 22.09.2023).

² Приговор Гагаринского районного суда г. Севастополя от 7 августа 2019 г. по делу № 1-203/2019. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 22.09.2023).

References

1. Klimanov A. M. Nekotorye voprosy kvalifikacii pri rassledovanii prestuplenij, predusmotrennyh st. 138 UK RF // Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. 2015. № 10 (65). S. 84–87.
2. Divaeva I. R., Nurkaeva T. N. K voprosu ob ugovolno-pravovoj ohrane prava na tajnu perepiski, telefonnyh peregovorov, pochtovyh, telegrafnyh ili inyh soobshchenij // Aktual'nye problemy gosudarstva i obshchestva v oblasti obespecheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina. 2018. № 3. S. 19–27.
3. Novikov V. A. Ugolovnaya otvetstvennost' za narushenie prava na tajnu perepiski, telefonnyh peregovorov, pochtovyh, telegrafnyh ili inyh soobshchenij // Zakonnost'. 2011. № 5 (919).

Информация об авторе

O. M. Shaganova — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

O. M. Shaganova — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 15.12.2023; одобрена после рецензирования 13.01.2024; принята к публикации 22.02.2024.

The article was submitted 15.12.2023; approved after reviewing 13.01.2024; accepted for publication 22.02.2024.